

С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Бочавер,
С.И. Резниченко, М.Р. Хачатурова

Дом и его обитатели

ДОМ и его обитатели

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А.,
Резниченко С.И., Хачатурова М.Р.

**ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Ответственный редактор
С.К. Нартова-Бочавер

Москва
Памятники исторической мысли
2018

ББК 88.3
Д66

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда
Проект № 14-18-02163*

Рецензенты:

Е.В. Куфтяк, доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей психологии факультета психологии
Института общественных наук РАНХиГС

Н.Н. Толстых, доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Социальная психология развития» факультета
социальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета

**Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А.,
Резниченко С.И., Хачатурова М.Р.**

Н 30 Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред.
С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли,
2018. – 293 с.

ISBN 978-5-88451-368-6

В монографии продолжается обсуждение темы взаимодействия человека с его домом – почему дом и его обитатели похожи друг на друга и что это им дает? В серии эмпирических исследований показано, какие стратегии совладания с трудными ситуациями усиливаются, если дом дружелюбен обитателям; как его качества сопряжены с моральными мотивами, отношением к справедливости и переживанием благодарности; как влияют друг на друга уютный дом и семейная атмосфера; каким видится дом извне и что мотивирует обитателей его покидать; наконец, как актуализируется поддержка домашней среды в трудных жизненных ситуациях усыновления ребенка, развода, умирания. Книга написана ясным, живым языком, снабжена большим количеством иллюстраций и глоссарием.

Издание может быть рекомендовано специалистам в области психологии личности, семейной и прикладной психологии, антропологии, культурологии, дизайна и архитектуры, студентам, изучающим психологию, и широкому кругу читателей.

ББК 88.3

ISBN 978-5-88451-368-6

© Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А.,
Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. 2018
© Резниченко С.И., оформление, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОД: ПОЧЕМУ ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА	17
1.1. Принципы изучения человека в домашней среде	17
1.2. Подходы к изучению взаимодействия человека со средой	27
1.3. Многомерная синергетическая модель взаимодействия человека и его дома	33
1.4. Опросник Релевантность домашней среды: модификация и ревалидизация	40
1.4.1. Модификация	42
1.4.2. Рефакторизация	43
1.4.3. Внешняя валидность	47
1.4.4. Содержательная валидность	49
1.4.5. Конструктивная валидность	50
1.5. Конструктивная валидность опросника Привязанность к дому: жилищные условия, вносящие вклад в привязанность к дому	52
Выводы.	58
ГЛАВА 2. ДОМ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБИТАТЕЛЕЙ.	60
2.1. Ресурсный подход к совладающему поведению. Среда и копинг-поведение	60
2.1.1. Классификация копинг-стратегий	61
2.1.2. Эффективность совладающего поведения	62
2.1.3. Ресурсный подход к совладающему поведению личности	64
2.2. Домашняя среда как ресурс совладающего поведения	68
2.2.1. Процедура исследования	70
2.2.2. Результаты	71
2.3. Параметры дружелюбности домашней среды и совладающее поведение	77
2.3.1. Функциональность домашней среды и стратегии совладающего поведения	77
2.3.2. Релевантность домашней среды и стратегии совладающего поведения	80
2.3.3. Привязанность к дому и стратегии совладающего поведения	83
2.4. Гендерные различия использования домашней среды как ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте	85
Выводы.	91
ГЛАВА 3. ДОМАШНЯЯ СРЕДА И СЕМЕЙНАЯ АТМОСФЕРА	94
3.1. Связь жилища и семьи: теоретический обзор	94
3.1.1. Дом в традиционных кочевых культурах	96
3.1.2. Дом, семья и приватность	100
3.1.3. Дом, сепарация и объединение в семье	104
3.1.4. Дом как собственность: приобретение дома	109
3.1.5. Дом как фасилитатор психотерапевтических процессов	113
3.1.6. Миграция и чувство дома	115
3.2. Домашняя среда и установки по отношению к семье	119
3.1.1. Процедура исследования	120
3.1.2. Результаты	122

3.3. Гендерные аспекты влияния параметров дружелюбности домашней среды на формирование установок по отношению к семье	127
3.4. Установки по отношению к семье и их роль в восприятии домашней среды	128
Выводы.	133
ГЛАВА 4. ДОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ:	
ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ	135
4.1. Связь моральности обитателей и дружелюбности дома	135
4.2. Образ дома и моральные мотивы обитателей.	142
4.2.1. Процедура исследования	142
4.2.2. Результаты.	144
4.3. Домашняя среда и отношение к справедливости	150
4.3.1. Процедура исследования	155
4.3.2. Результаты.	156
4.4. Дружелюбный дом и милосердие обитателей: связь с благодарностью как чертой личности.	166
4.4.1. Процедура исследования	171
4.4.2. Результаты.	172
Выводы.	185
ГЛАВА 5. ВЫХОД ИЗ ДОМА: «ДВИЖЕНИЕ К» ИЛИ «ДВИЖЕНИЕ ОТ»? . 188	
5.1. Значения дома и его границ	188
5.2. Выход за пределы дома как инструмент рефлексии.	193
5.3. Мотивы выхода за пределы дома	197
5.3.1. Процедура исследования	198
5.3.2. Внешние и внутренние причины покидания дома	200
5.3.3. Причины выхода из дома у мужчин и женщин	204
5.3.4. Связь потребностей с уровнем привязанности к дому, функциональностью и релевантностью домашней среды	205
5.3.5. Взаимоотношения с домом у респондентов с разными потребностями.	206
Выводы.	212
ГЛАВА 6. ДОМ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ 215	
6.1. Дома и стены помогают: забота о здоровье, старение и умирание в своем доме	215
6.2. Когда дом перестает быть ресурсом: отчуждение от дома и бездомность	231
6.3. «По семейным обстоятельствам»: дом в ситуации развода	238
6.4. Адаптация подростков к замещающей семье: роль образа дома	244
6.4.1. Процедура исследования	246
6.4.2. Результаты.	247
Выводы.	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
ГЛОССАРИЙ	258
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	267
ПРИЛОЖЕНИЕ I	287
ПРИЛОЖЕНИЕ II	290
ОБ АВТОРАХ	292

ВВЕДЕНИЕ: ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя.

Н.В. Гоголь. Женищина в свете

Изучение домашней среды на протяжении последних лет было доминантой профессиональной жизни авторов. В силу большого личного везения на единомышленников нами был собран богатый материал, стимулирующий развитие психологии жизненной среды как науки, до сих пор остающейся незаслуженно обойденной вниманием ученых в России и развиваемой лишь в нескольких научных центрах. Исследование домашней среды вызывало неизменный интерес не только у коллег, читателей и студентов, но даже среди участников опросов. Сейчас можно констатировать, что создана отдельная область знания – психология домашней среды. Методология и теория постоянно обновляются, и удивительным образом оказывается, что если использовать другую мощную метафору – дерево, то исследование дома не только дает новые победы, но также пускает корни в глубь времен и «притягивает» давно известные идеи и теории, которые хорошо встраиваются в исследование домашней среды.

Психология домашней среды только на первый взгляд кажется прикладной областью науки, важной для разработки человеко-соразмерного дизайна. В действительности она поднимает вопросы очень высокого уровня обобщения, существен-

ные не только для психологии, но и для философии научного познания вообще, например о том, в какой степени индивидуальное бытие задается условиями жизни; что важнее – объективная среда или ее образ, в свою очередь, обусловленный свойствами личности; насколько рациональны предпочтения домашней среды. Полученные ответы важны не только применительно к психологии дома, они существенны для понимания отношений человека и мира вообще, связи эйкоса, эйдоса и логоса (Нартова-Бочавер, 2009). М. Хайдеггер совершенно справедливо отмечал, что бытие – это всегда бытие-в-мире, это персонализация мира и одновременно формирование стиля мышления: being => building => dwelling => thinking (Heidegger, 1971). Таким образом, можно предположить, что психология домашней среды только начала раскрывать свою ресурсность для психологии и философии личности.

Два года назад нами была написана первая книга, посвященная теме дома, – «Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование». Тогда нам было важно показать универсальность дома как ресурса психологического благополучия, который продолжает действовать даже виртуально, в отрыве от объективного жилища – как идеальный образ, архетип, как бессознательное «чувство дома». К настоящему моменту наше знание об этом предмете, благодаря интенсивным исследованиям последних лет, стало более дифференцированным, и мы можем внести поправки в это сильное утверждение, уточняя, при каких условиях и в каком направлении дом усиливает личность своих обитателей и как они сами обеспечивают ресурсность своего жилища, одновременно настраиваясь на то, чтобы эффективно его воспринимать и использовать. И если первоначально мы неосознанно склонялись к тому, чтобы скорее рассматривать дом как субъект влияния, а живущих в нем людей – как некоторые зависимые от него величины, то в этой книге мы поменяли ракурс исследования, причем сразу в нескольких направлениях.

Остановимся на тех тенденциях в области исследований психологии домашней среды, которые проявили себя совсем недавно.

1. Образ дома => привязанность к дому. В начале цикла исследований мы опирались на идеи экологической психоло-

гии, предложенные Дж. Гибсоном, среди которых наиболее важной была мысль о том, что живое существо, в том числе и человек, не создает свойства окружающего мира, а выбирает их, и эта селективность обусловлена состоянием его потребностей (Gibson, 1986). Так прижилось понятие возможностей, или допущений (affordances) – отношений между способностью субъекта воспринимать и действовать и характеристиками среды (Chernogo, 2003). Понятие допущений связывает субъекта с его средой, оно расположено между глубоко личностным «хочу» и объективным «наличествует». Двигаясь по линии связи субъекта и его среды, мы можем удаляться от человека, и тогда более выпуклыми становятся измеряемые характеристики, и встает вопрос – что в этом доме есть? Что он включает и содержит? Каков метраж, объем, сколько в нем этажей? Все это нужно знать для экспертизы домашних сред, которые могут быть универсальными (куда можно поместить разных людей), специфичными (подходящими многим) или вообще недопустимыми, куда нельзя поселить никого. Двигаясь в другом направлении, мы приближаемся к субъекту, тому человеку, инструментом удовлетворения потребностей которого должен стать данный дом, и тогда мы можем отвлечься от собственно дома и задуматься о его потребностях вообще, о его личности в разных сферах ее отражения.

Следуя этой логике, мы обосновали вначале два уровня описания дома – функциональность и релевантность (Нартова-Бочавер и др., 2016). Функциональность – это описание и оценка «технологических» функций дома – его прагматичности, представленной базовыми функциями дома, способности стимулировать развитие личности обитателей, его стабильности и пригодности для защиты от природных бедствий и социальных невзгод.

Релевантность дома показывает степень его соответствия личности обитателей, что выражается в способности обеспечивать приватность повседневной жизни, быть ресурсом психологической поддержки, возможности представлять индивидуальность обитателя другим людям, наличию удобства и комфорта, гибкости и динамичности в случае необходимости быстро изменить дизайн, связи с историей жизни обитателей и его семьи. Кроме того, поскольку ни один дом не может подчи-

няться своим обитателям полностью, мы ввели меру неудобства и непослушания дома, что было обозначено как отчужденность дома. На уровне релевантности функции превращаются в допущения (affordances).

Функциональность и релевантность дома вместе составляют образ дома и хорошо рефлексированы, особенно в условиях подсказок в виде опросников. Было выделено несколько образов дома – реальный и идеальный; архетипический, повседневный, динамический, желаемый.

Однако есть ли в доме нечто такое, что может не осознаваться? Продолжая линию средовых исследований, направленную на изучение привязанности к месту, мы предположили, что дом – это объект очень сильной валентности, как сказал бы Курт Левин. Дом – это аттрактор; он привязывает к себе обитателей, предлагая и обеспечивая удовлетворение практически всего спектра их потребностей, способствуя развитию их идентичности. Привязанность к дому стала исследоваться как третья составляющая в психологической модели дома, наиболее интимная и наименее рациональная. Привязанность к дому – это устойчивое позитивное отношение, в силу которого человек стремится находиться дома, обустраивать и укреплять его и возвращаться туда из других мест (Williams, Vaske, 2003; Резниченко, 2016[6]). В работах С.И. Резниченко показано, что люди привязываются не только к удобному и комфортному дому. Если в женской группе, в силу обстоятельств больше времени проводящей в рутинных практиках совершенствования дома, функциональность и привязанность связаны, то в мужской этой зависимости не обнаружено: дом – это состояние души. И важен не менее, чем сама душа, однако переживание его ценности мало зависит от степени комфорта и уюта. Обнаружено также, что привязанность к дому наиболее существенна для позитивного самоощущения подростков (у которых, впрочем, привязанность слабее, чем у людей другого возраста) и пожилых людей, в зрелом же возрасте люди могут находить иные ресурсы, обычно находящиеся вне дома.

Более того, если силу привязанности к дому не всегда можно объяснить рационально, то желание покинуть дом еще менее рационально и основано на очень эфемерных смыслах, переживаниях и аффектах. Таким образом, нужно делать дом уютным,

чтобы люди хотели в нем находиться, а семейную атмосферу – деликатной, чтобы им не хотелось бежать из своего дома.

Привязанность к дому показала свою комплементарную роль по отношению к образу дома. Можно предположить, что, какую бы среду обитания человека мы ни изучали, вклад ее образа и привязанности к ней в основные параметры человеческого бытия будет различаться.

2. Влияние среды => взаимодействие со средой. Следующая важнейшая коллизия, которая возникла в ходе изучения домашней среды, связана с идеей энвайронментализма в целом. И среда, и ситуация как момент развития среды влияют на человеческую личность: исследования показывают, что весьма разнообразные аспекты образа дома или привязанность к нему благоприятны для человека. Обнаружено, что позитивный образ дома предсказывал психологическое благополучие у психиатрических пациентов, в частности уровень дистресса, направление динамики болезни и адаптированность (Wright, Bret, 2007). Наконец, дом играет большую роль в развитии идентичности и смысла жизни и помогает адаптироваться к жизненным переменам: «Показано, что дом, личные принадлежности и другие объекты не только выражают личность, но также помогают ее создавать» (Mazumdar, Mazumdar, 2009. С. 257). Иначе говоря, дом вносит вклад в нормальное функционирование обитателей.

В начале наших исследований в статистическом анализе мы всегда рассматривали параметры домашней среды как независимую переменную, а качества личности и ее функционирования – как зависимые. Было обнаружено, что в условиях дружелюбной домашней среды люди лучше выстраивают личностные границы (суверенность), что домашняя среда понижает уровень симптоматической депрессии и повышает самооценку и жизнестойкость у здоровых респондентов различного возраста (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Поскольку основным методом анализа был подсчет регрессий, то в назначении зависимой и независимой переменной, в отсутствие ранее проводимых исследований, посвященных психологии дома, мы руководствовались в основном антропологическими данными и здравым смыслом. Однако по мере развития нашей многомерной синергетической модели вза-

имодействия человека и его домашней среды мы стали чаще обращаться к концепциям, объясняющим, как происходит, что дом и личность обитателей подходят друг другу, и рассматривающим взаимодействие человека и его сред как циркулярное. Э. Гуссерль (2004) был одним из первых философов, кто отметил неразрывную связь между человеком и местом, где он живет. Вслед за ним М. Хайдеггер (1971) также отмечал, что, независимо от того, сколько времени человек проводит дома, «обитание» (dwelling) – это не только рутинные действия, осуществляемые дома, но способ существования в мире. Современные последователи феноменологического метода также полагают, что происхождение личности укоренено в опыте невербального «бытия дома» в детстве; во взрослом возрасте содержание индивидуальности также остается неразрывно связанным с местом, пространством и средовыми объектами, которые окружают человека (Case, 1996; Korosec-Serfaty, 1985).

В настоящее время существует несколько интересных теорий, которые акцентируют подобие человека и его жизненных сред. Так, теория соответствия человека и среды (Person–Environment Fit Theory) исследует, насколько характеристики среды подходят индивидууму (Edwards et al., 1998). Теория поведенческих следов (Theory of Behavioral Residues) изучает повседневные проявления личности посредством используемых человеком способов персонализации среды (Gosling и др., 2002). Теория ядерного аффекта (Core Affect Theory) показывает, как аффекты и оценки влияют друг на друга в повседневной жизни (Russel, 2003). Можно также упомянуть в этом ряду теорию развития привязанности к месту (Developmental Theory of Place Attachment), которая отмечает, что позитивное отношение к месту возникает одновременно с позитивным отношением к людям, которые там находятся (Morgan, 2010). Наконец, мы можем вспомнить работу социального антрополога Т. Инголда, который отмечает, что человек и его дом находятся в реципрокных отношениях: воспринимая влияния своего дома, человек отвечает на них, изменяя дом в нужном ему направлении (Ingold, 2002). Нельзя понять, что происходит раньше или позже, дом определяет личность человека или человек строит дом в соответствии с его образом, однако в результате люди получают

или «зарабатывают» те дома, которые безусловно отражают их индивидуальность.

Взаимное влияние дома и личности мы исследовали эмпирически в двух исследованиях. Первое было посвящено связи дружественности дома и моральных мотивов обитателей (Nartova-Vochaver, Kuznetsova, 2018). Было обнаружено, что не только позитивный образ дома способствует выраженности моральных мотивов, но верно и обратное: чем сильнее моральные мотивы личности, тем с большей вероятностью у человека формируется позитивный образ собственного дома как части мира, причем количество взаимно направленных связей примерно одинаково. Таким образом, не только дом «возвышает и облагораживает» человека, но изначально нравственный человек лучше относится к своему дому.

Другое исследование было направлено на связь привязанности к дому и привязанности к семье. В самом деле, с чего начинается верность семье? Очевидно, что люди, ценящие родство, больше времени проводят вместе за повседневными занятиями и домашними ритуалами, в силу чего можно ожидать, что они будут больше любить свой дом. Однако возможно и обратное: чем больше люди вкладываются в обустройство дома, тем более сплоченной становится семья. В нашем исследовании показано, что позитивный образ семьи представляет собой предиктор привязанности к дому, а также позитивного образа дома – его функциональности и релевантности (Nartova-Vochaver et al., 2018). В свою очередь, привязанность к дому и позитивный образ дома вносят вклад в укрепление привязанности к семье. Таким образом, домашняя среда действительно выступает иногда как предиктор отношения человека к миру, иногда как эффект этого отношения; невозможно установить первичность этих влияний, однако можно заключить, что они взаимны и синергетичны (позитивное отношение к дому связано с позитивным отношением к людям, в том числе членам своей семьи).

3. Ресурс адаптации => ресурс развития. Еще одна новая линия исследований была связана с отходом от адаптивной функции дома в сторону стимулирующей, развивающей функции. На протяжении первых лет исследований научный коллектив, возглавляемый автором, прикладывал много усилий к тому, чтобы доказать адаптивную функцию дома. Если рассматривать в качестве показателей адаптированности разные па-

раметры психологического благополучия, то эту задачу можно считать выполненной, т.к. на разных выборках было показано, что, как и предполагалось, если люди воспринимают свой дом как дружественное место, как подходящий им и безопасный для них, их самооценка оказывается выше, все измеренные признаки симптоматической депрессии (позитивные переживания, отсутствие печали, межличностных проблем и соматизации тревоги) выражены слабее, общий уровень благополучия выше, а также выше показатель жизнестойкости (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Дом (и даже его временный заместитель, общежитие) помогает студентам-первокурсникам, особенно женского пола, легче пережить кризис адаптации к университету. Так, было показано, что привязанность к дому вносит вклад в развитие самоэффективности личности, позитивных отношений с другими, академических успехов, а также способна предотвратить различные психологические проблемы (Xu et al., 2015).

Однако все зависимые переменные, которые изучались ранее (за исключением уже упомянутого исследования связи дружественного дома с моральными мотивами обитателей), имели содержание, внеположное нравственной оценке. В самом деле, мы ничего не можем сказать о моральном содержании личности человека, свободного от тревог, сомнений и болезни. Но можно ли что-то сказать о стимулирующей и одухотворяющей функции дома? Есть ли связь с «высшими» мотивами и качествами личности? И почему мы можем ожидать существование таких связей?

Для ответа на последний вопрос обратимся к социологии. Согласно мнению Г. Зиммеля, в существовании общества фундаментальную роль играют так называемые «формы второго порядка», к которым он относил просоциальные эмоции, подобные верности и благодарности (Зиммель, 1999). В современной психологии личности их чаще называют добродетелями (*virtues*), сильными сторонами личности (*strengths*) или относят к т.н. эмоциональным чертам (Wood et al., 2010). Эти эмоции зависят от материальных условий жизни человека (в нашем случае – дома) и в то же время способствуют улучшению этих условий.

Опережая изложенные ниже исследования, мы можем сказать, что такие связи были действительно обнаружены. Иссле-

дую связь дружественной домашней среды с моральными чертами личности: верой в справедливый мир и чувствительностью к справедливости, способностью прощать и благодарностью, мы получили очень обнадеживающие результаты. Так, оказалось, что дружественный дом способствует восприятию человеком мира как справедливого по отношению к нему, а также – вообще как безопасного места, где каждый получает то, что заслужил (Nartova-Bochaver et al., 2018). Более того, дружественный дом связан и с чувствительностью к справедливости – иначе говоря, люди, живущие в надежном доме, склонны испытывать заслуженный гнев, когда ущемляют их права или если они наблюдают нарушения справедливости, и переживать чувство вины в тех случаях, когда сами нарушают права других людей (Адамян и др., 2018).

Кроме того, были получены положительные связи разных параметров дружественного дома с проявлением благодарности как черты личности, а именно, с переживанием благоговения перед тем нерукотворным великим, что существует в мире, с ритуалами и практиками проявления благодарности, с осознанием своих преимуществ и везения по сравнению с другими людьми и другими моментами своей собственной жизни (Adler, Fagley, 2005). Таким образом, можно заключить, что дружественный дом не просто стабилизирует своих обитателей, но также способствует пробуждению высших моральных качеств личности.

4. Ослабление тревожности => усиление решительности. И, наконец, мы обратились к теме связи дружественности дома и благополучия, но в новом аспекте. Полученные ранее достаточно согласованные данные показали, что надежный безопасный дом способствует понижению ситуационной повседневной тревожности в разных ее проявлениях – усиливает позитивные чувства, ослабляет негативные, ослабляет симптоматическую депрессию и укрепляет благополучие и жизнестойкость, иначе говоря, снимает широкий спектр проявлений невротической слабости личности. Однако превентивная роль домашней среды по отношению к неблагоприятным качествам, способность противостоять вызовам ранее не исследовалась.

В тоже время полученные в двух исследованиях данные оказались совершенно неожиданными. Прежде всего, изучая связь дружественной домашней среды с преобладающими у субъекта

копинг-стратегиями, М.Р. Хачатурова с соавторами обнаружила, что, наряду с конструктивными стратегиями, обитатели надежного дома отчетливо предпочитают также и конфронтационный копинг (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017). Хотя на первый взгляд этот результат вызывает удивление, по зрелом размышлении он кажется достаточно понятным, если обратиться к адаптивной функции конфронтации. Конфронтация возможна, если субъект уверен в своем преимуществе и может с высокой вероятностью прогнозировать победу. В этом случае конфронтация оказывается честным копингом, свободным от двойных посылов и демонстрирующим высокую уверенность субъекта в своих силах. Если вспомнить, что дружелюбность дома значимо коррелировала и с самооценкой, то полученный факт уже не кажется неожиданным или неоднозначным: дом, будучи надежным тылом, сообщает своим обитателям чувство победительности, которое и проявляется в готовности к открытому противостоянию.

Еще один результат, который также демонстрирует способность дома делать своих обитателей сильнее, был получен в исследовании связи между дружелюбностью дома и качествами Темной триады (Московченко, 2017). Вопреки ожиданиям, было обнаружено, что позитивный дом предсказывает нарциссизм, макиавеллизм и психопатию. Иначе говоря, обитатели надежного безопасного дома более других склонны высоко себя ценить и пользоваться вниманием окружающих, а также стараться и уметь манипулировать другими людьми. Отметим, что эти качества, безусловно, далекие от добродетелей, с точки зрения эволюции весьма полезны, поскольку повышают конкурентоспособность личности и вероятность успеха.

Таким образом, мы можем заключить, что воздействие дружелюбного дома весьма разнообразно, неоднозначно с точки зрения социальной конформности, однако оно безусловно сопряжено с усилением адаптированности обитателей и усиления вероятности их успеха в ситуации конкуренции. Можно сказать, что дружелюбный дом расширяет горизонты контактов человека с миром, с одной стороны – снимая тревожность и невротические симптомы, с другой – наделяя силой и готовностью к открытому противостоянию, с третьей – пробуждая высшие моральные качества и добродетели.

Коснемся кратко содержания нашей книги.

В главе 1 «Теория и метод: почему дом и его обитатели похожи друг на друга» излагаются теоретические подходы и научные принципы, подводящие к представлению нашей многомерной синергетической модели взаимодействия человека с его домом. Здесь же приведены данные по ревалидации исследовательских инструментов, созданных ранее, – краткой формы опросника Релевантность домашней среды (РДС-к) и опросника Привязанность к дому.

Глава 2 «Дом и совладающее поведение обитателей» посвящена исследованию того, какие стратегии совладания с жизненными трудностями связаны с показателями дружественной домашней среды и как эти связи различаются в мужской и женской группах.

Глава 3 «Домашняя среда и семейная атмосфера» рассматривает дом как пространство и дом как семью. Показана их взаимосвязь, причем социальные характеристики домашней среды главенствуют над физическими.

Глава 4 «Дом и человеческие добродетели: взаимное влияние» посвящена тому, как связаны качества дома и нравственные свойства обитателей – моральные мотивы, отношение к справедливости и переживание благодарности.

Глава 5 «Выход из дома: “движение к” или “движение от”?» представляет результаты исследования мотивов, которые побуждают человека покинуть свой дом, и тех, что возвращают домой. Обнаружено, что они не образуют собой устойчивые оппозиции.

Глава 6 «Дом как ресурс преодоления сложных жизненных ситуаций» вводит читателя в тему поддерживающих возможностей дома в условиях разных жизненных ситуаций, характеризующихся высокими психологическими нагрузками и стрессом: усыновления, развода, умирания.

Поскольку авторы активно обращались к малоизвестным современным теориям и предложили свой собственный концептуальный аппарат, мы сочли полезным собрать термины в глоссарии.

И, предваряя основное содержание книги, мы хотели бы выразить глубокую признательность тем, без кого эта работа не была бы сделана, – Н.С. Дмитриевой, первопроходца в пси-

хологии домашней среды, не побоявшейся рисков и вызовов абсолютно новой проблемной области, Е.И. Брагинец за ее критичность, аналитическое мышление и бесменную помощь в обработке результатов, В.Б. Кузнецовой за отзывчивость и готовность консультировать по вопросам психометрики и обработки данных, проф. Ронни Янофф-Бульман за разрешение использовать шкалу Модель моральных мотивов, проф. Лоре Томпсон – за разрешение использовать Шкалу диспозиционального прощения Хартланд, проф. Саре Стюарт-Браун – за разрешение использовать Шкалу психологического благополучия Варвик–Эдинбург, и нашим юным коллегам Екатерине Билан, Аделии Галлямовой, Елизавете Московченко, Дарье Сочневой, которые подготовили прекрасные работы, касающиеся разных аспектов домашней среды, огромному количеству респондентов, добросовестно отвечавших на наши вопросы о самом сокровенном – о доме и о себе и, наконец, нашим близким за их бесконечное терпение и помощь в реализации этого проекта.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОД: ПОЧЕМУ ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА

Для целей познания надо уметь использовать то внутреннее течение, которое влечет нас к чему-либо, и вместе с тем то, которое через некоторое время уносит нас от него.

Ф.В. Ницше. Человеческое, слишком человеческое

1.1. Принципы изучения человека в домашней среде

Невозможно осуществить качественное исследование без понимания основ того, что же авторами открывается и интерпретируется. Цикл исследований, представленный в данной монографии, в чем-то продолжает уже начатые в предыдущей и подкрепляет сделанные ранее обобщения, а в чем-то подвергает их сомнению, ставя новые вопросы и в то же время сохраняя преемственность по отношению к идеям, возникшим прежде. Некоторые выводы, к которым мы пришли в результате написания этой книги, увели от первоначальных представлений довольно далеко, вполне отвечая, впрочем, логике развития научного познания, которое осуществляется через постоянное самоопровержение (Кун, 2010).

Отбирая созвучные теории, предлагая нашу собственную многомерную модель взаимодействия дома и его обитателей и планируя ее эмпирическую верификацию, мы опирались на главные методологические инструменты – принципы научного познания, ориентиры, к которым невозможно приблизиться вплотную и которые не удастся полностью реализовать, потому что они в совокупности представляют собой идеальную модель безупречного, абсолютно валидного, исследования. Никто не может следовать этим принципам без отступлений и оговорок.

Тем не менее обойтись без них тоже невозможно – именно они удерживали линию наших размышлений, когда данных было еще очень мало, и побуждали ставить новые исследовательские вопросы, на которые пока получены не все ответы.

Итак – современная наука междисциплинарна, трандисциплинарна и пользуется продуктами «смежных» областей знания, которые поставляют то способ видения, то инструмент, то новое для психологов наблюдение или факт. Если максимально широко задать рамки нашего исследования и определить его предмет, то это – дом как универсальный психологический ресурс живущего в быстро изменяющемся мире человека. Очевидно, что этот предмет сложен, изменчив, неустойчив и трудноуловим. Поэтому мы обратились в разработке методологических оснований исследования к наиболее современному и конструктивному пониманию функционирования живых самоорганизующихся систем, представленному в синергетике и, хотя и небыстро, но прорастающему в психологические исследования (Леонтьев, 2018; Пригожин, Стенгерс, 1986; Хакен, 2000). Принципы, на которые мы опирались, приближают нас к пониманию системы «человек ↔ дом» как самоорганизующейся, развивающейся из внутренних противоречий, стремящейся усилить свою упорядоченность и понизить уровень энтропии.

Согласно *принципу развития*, каждое явление нужно рассматривать как обладающее историей – прошлым и будущим и необратимо изменяющееся. Необратимость связана с тем, что стрела времени направлена в одну сторону (поскольку в любой незамкнутой системе неминуемы потери энергии), и поворота вспять быть не может, ведь любое развитие всегда осуществляется в новых условиях. При этом важно, что время может быть *внешним* и *внутренним* (внешнее объективно и измеряется относительно небесных светил, а внутреннее определяется количеством изменений, произошедших с системой, то есть темпом, интенсивностью развития).

Применительно к нашему предмету это дает очень много важных поворотов мысли. Объективно существующий дом неизбежно меняется, разрушается или ремонтируется, и это сопровождается субъективными изменениями отношения к нему обитателей, которые могут выражаться в широком спектре действий, от совершенствования и реставрации до демонта-

жа, продажи и замены другим жильем. Очевидно, что, в силу глубокой связи человека с его домом, эти объективные и субъективные события также сопряжены, и дом, помимо своих пространственно-ресурсных функций, также становится символом и метафорой расцвета, укрепления или разрушения человеческой личности.

Далее, с течением времени дом может становиться более или менее дружественным к своим обитателям, его качества могут меняться кумулятивно и постепенно, а могут проходить через точки бифуркации. На материале наших данных показано, что в юности, периоде неустойчивости, люди могут легко расставаться со своим домом в физическом пространстве, однако хранить его образ и пользоваться этим как психологическим ресурсом, чтобы в более позднем возрасте воплотить этот образ у же в реальном собственном доме.

Показано также, что дом меняет свое качество в зависимости от структуры семьи и семейной атмосферы, становясь либо более значимым и обживаемым объектом, либо несущественным и отчуждаемым.

Описывая процессы развития, в синергетике говорят о равновесных и неравновесных состояниях систем – равновесные устойчиво сохраняют свою структуру, свободны от «ускорений» в своем развитии, предсказуемы и, собственно говоря, не развиваются; неравновесные меняют структуру, чрезвычайно восприимчивы к незначительным воздействиям извне («флуктуациям») и потому обладают спектром равновероятных траекторий развития. Личностные и возрастные кризисы меняют привязанность человека к дому и сам образ дома; как следствие, система «человек ↔ дом» может становиться неравновесной, распдаться или принимать новый облик. С другой стороны, отчуждение от дома – тоже не окончательное состояние; в свою очередь, оно может смениться привязанностью, но, возможно, к уже другому дому, не тому, что прежде.

Хотя, в отличие от предыдущего исследования, посвященного психологическому исследованию домашней среды и обобщенного в монографии (Нартова-Бочавер и др., 2016), в данном цикле исследований мы изучали преимущественно студенчество, принцип развития сохраняет свою ориентирующую роль, в частности, в силу того, что основным статистическим мето-

дом был регрессионный анализ, благодаря которому возможно построение прогностических моделей, дающих возможность предвидеть, к каким последствиям для личности приведет обьективное изменение домашней среды.

Следующий важнейший принцип научного исследования – это *принцип системности*, заимствованный из кибернетики, который призывает любое явление рассматривать как обладающее сложной структурой и в то же время включенное в другую систему. Наш предмет – это не просто дом или наблюдающий и обживающий его человек; это система «человек ↔ дом» в неразрывной взаимосвязи ее элементов, subsystem. Можно ли говорить о том, какой из элементов важнее? Применительно к нашему предмету мы не можем быть уверены, что человек и его домашняя среда совершенно «притерты» друг к другу; вполне возможно, что между потребностями человека и его домом наличествует некоторый люфт, в силу чего потребности не удовлетворяются сразу, и между человеком и его домом устанавливается своеобразный средовой диалог. Человек предъявляет требования, а среда отвечает им или нет, в результате чего человек предпринимает какие-то действия по совершенствованию своего дома, и он становится более подходящим ему.

В то же время человек может быть сильно привязан к своему несовершенному дому, который точно отражает несовершенство его собственной личности, и тогда дом может считаться вполне подходящим, конгруэнтным и дружественным для своего обитателя. Привязанность – это ответ на витальность дома, неразложимую на сумму функций. Таким образом, «человек ↔ дом» – это молярная система, внутри которой существует диалог подсистем. Подсистема «дом» – условный объект, подсистема «человек» – условный объект, однако в ходе взаимодействия, благодаря проекциям и идентификации, они могут меняться качествами друг друга, и человек учится воспринимать свой дом, открывая в нем новые функции, а дом – давать указания относительно того, что нужно сделать, чтобы он стал еще более дружественным.

Другой ракурс применения принципа системности – это учет сложности систем. Сложность систем условно определяется не только количеством элементов, но и связями между ними: комнат может быть много, однако если они одинаковы,

то количество предоставляемой ими информации и энергии незначительно. Однако при этом одна комната может быть удачно зонирована, отражая разные аспекты индивидуальности обитателя, а многоквартирный дом может оставаться простой системой, если его функционал ограничен, и обезличивать своих многочисленных жильцов.

Количество и качество элементов тоже существенны для оценки сложности системы: так, очень диагностично присутствие на первый взгляд «лишних» элементов – тайных комнат, запасного санузла, непонятных жильцов, странной мебели, которой не пользуются. В системе адаптированной есть лишь элементы с фиксированными функциями, и «лишних» элементов не бывает. Для того же, чтобы система развивалась, то есть была способной выйти из равновесия, необходимо присутствие «запасных» элементов, которые впоследствии нередко оказываются источником развития (те самые отвергнутые строителями камни, которые затем оказываются во главе угла). Наличие таких элементов нестрогого назначения, которые могут служить источником естественной психотерапии и личностного роста, рекомендуется в психологическом бытии человека.

Далее, системы бывают открытыми и закрытыми, и применительно к дому это не просто метафоры. Действительно, дом может быть физически и социально открытым – двери нараспашку, много людей, слабая потребность в приватности, «большая» семья с тесными связями с соседями, жителями своего двора и квартала. Но дом может быть и совершенно закрытым, не допускающим в себя чужих людей. Границы системы «человек ⇔ дом» очень сильно варьируют, в силу чего следует постоянно уточнять: дом – это что? Это кто? Это где?

Другим проявлением принципа системности является и декларируемая нами контекстуальность в широком смысле слова. Жизненный контекст мы понимаем как результат взаимодействия объективных (время и место) и субъективных (задачи развития, момент жизненного пути и личностного роста, состав и состояние семьи) переменных. В силу действия контекстуальности изначально и почти для всех благоприятное качество дома может оказаться ограничителем развития – например, исследования привязанности к месту вообще свидетельствуют, что наряду с благотворным воздействием на функционирова-

ние личности слишком высокая привязанность также может вести к отказу от новых жизненных вызовов и ограничивать горизонты развития (Lewicka, 2011). Однако это не относится к людям преклонного возраста, для которых привязанность ассоциируется скорее с обоснованностью личностных, в т.ч. и средовых, выборов, и олицетворяет стабильность и защищенность.

Принцип детерминизма также использовался в наших исследованиях. В силу того, что их дизайн оставался доэкспериментальным, строго говоря, понятие причинности мы используем скорее статистически, назначая зависимую и независимую переменные в процессе обработки данных и рассматривая меру вклада условно независимой переменной в изменение условно зависимой. Детерминизм в цикле текущих исследований понимается нами нежестко, скорее как обусловленность (Харламенкова, 2008, 2013).

Еще К.Г. Юнг, предвзярая идеи синергетики относительно развития живых систем, писал: «Мы можем ясно определить причину и следствие, когда явление изолировано и подвергнуто экспериментам, другими словами, когда установлены постоянные, единообразные условия. Однако в случае с биологическими экспериментами нам вряд ли удастся установить начальную ситуацию, которая гарантированно вызовет определенный эффект. Здесь мы имеем дело с таким трудным материалом (например, с разнообразием и сложностью условий), что невозможно говорить о недвусмысленных причинных связях. Здесь больше подходит термин обусловленный: такие-то и такие-то условия могут привести к такому-то и такому-то результату. Так мы пытаемся заменить строгую причинность воздействием множества переплетенных условий, расширить четкую причинно-следственную связь, открыв ее для множества интерпретаций. Причинность как таковая не отменяется, но адаптируется к многослойному материалу жизни» (Юнг, 2015. С. 8).

Поскольку систему «человек ⇔ дом» мы рассматриваем как сложную, то предпочтение отдавалось циркулярным связям, в которых невозможно установить начальный импульс для развития того или иного психологического феномена, потому что все участники системного процесса влияют друг на друга.

Взаимодействие человека и его дома – всегда диалог, в котором можно выделить вопрос (или запрос) к своему дому, содержащий ожидания живущего там человека, и средовой ответ (обратную связь) от дома, который дает понять своему обитателю, насколько реалистичны и адекватны его ожидания. Обратная связь может утверждать обитателя в том, что дом «расположен» к нему, и тогда мы говорим о дружественной домашней среде, а может создавать ему бытовой стресс, не повинаясь, разрушаясь, затрудняя повседневную деятельность, и тогда мы будем говорить о недружественной, отчужденной домашней среде. Посредством таких ответов дом изменяет личность человека, корректируя его амбициозность в соответствии с реальностью. Во многих исследованиях данной книги мы рассматривали встречные связи разных переменных и обнаруживали, что их предсказательность часто не симметрична, а регрессионные модели сильно различаются при замене переменных.

Устанавливая связи и определяя закономерности, мы в то же время стремились добавлять переменные-модераторы, при наличии которых связи, в основном нелинейные, могли бы измениться: постоянным модератором в наших исследованиях был пол респондентов, а также нередко – уровень изучаемого качества, потому что на концах распределения плотность и содержание полученных связей часто различались.

Мы также опирались на *принцип дополнительности (комплементарности)*. Принцип дополнительности был сформулирован в физике Нильсом Бором (Бор, 1970). Его основной смысл заключается в том, что, познавая некоторую реальность, человек одновременно изменяет и интерпретирует ее, так что в результате исследования она предстает с качествами, отличными от тех, что изначально привлекли внимание ученого. То, каким будет видеться факт, зависит от метода и от познающего субъекта. В силу этого мы уделяли большое внимание методам исследования, осуществляя ревалидизацию ранее подготовленных опросников изучения домашней среды и психометрическую проверку вновь используемых опросников.

Но еще более важным следствием этот принцип обладает для понимания самого предмета, человека в его доме (Нартова-Бочавер, 2015). В самом деле, человек существует в доме, воспринимая его качества, оценивая их и изменяя в соответ-

ствии со своей индивидуальностью. Можем ли мы сказать, что объективные качества жилья формируют тот образ, который существует у обитателя? Или он привносит нечто из своей личности, проецируя ее вовне? Ниже мы дадим на эти вопросы эмпирические ответы.

С другой же стороны, принцип дополнительности акцентирует нецелостность всего сущего, потребность быть дополненным. Возникают вопросы – чем и до чего? Психологические течения, использующие крупные интегративные категории для описания функционирования личности, – такие, как бытие или повседневный мир, – снимают давнее искусственное субъект-объектное противостояние, потому что в любом акте отношения к миру, будь то наблюдение, оценка или изменение, всегда содержится субъектность как форма пристрастности и селективности. Если нечто попало в поле внимания человека – это уже не просто данность, а элемент его жизненного мира, оно отвечает потребностям субъекта (в информации, общении, достижениях или в чем-то еще) и позволяет ему восстановить целостность своего бытия. Приспосабливаясь к своему бытию или воссоздавая его, человек приобретает определенные индивидуальные особенности, по которым, в свою очередь, можно «считывать» и раскодировать его биографию.

Этот принцип познания корреспондирует также с *принципом всеобщей связи*, который означает целостность окружающего мира, его внутреннее единство, взаимосвязанность, взаимозависимость всех его компонентов, предметов, явлений, процессов, в силу которого возможно уподобление одной подсистемы другой (в нашем случае дома – личности). Кроме того, принцип дополнительности настраивает нас на понимание того, что все может быть не таким, каким кажется на первый взгляд, и обладать компенсаторным, а не синергетическим смыслом (Харламенкова, 2016).

Таким образом, принцип дополнительности, помимо «объективного» факта, позволяет открыть смысл этого факта, его место в жизненном мире личности, акцентируя не прямой характер связи между человеком и миром.

Далее, мы принимали во внимание также авторитетный в отечественной традиции *принцип субъекта*. Он сохранил свой основополагающий характер в текущей серии исследований,

но в качестве субъекта мы рассматривали уже не дом, как это было ранее, а человека в его доме, точнее, феноменологическое единство дома и его обитателей. И дом, и живущие в нем люди рассматриваются как агенты взаимовлияния и в то же время как носители восприимчивости к воздействию друг на друга. Источником подобного понимания стали идеи С.Л. Рубинштейна и его последователей. Мир, по Рубинштейну, – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя самого человека и систему отношений, которые он устанавливает с миром (Рубинштейн, 1973). Л.И. Анцыферова писала по этому поводу так: «Человек постоянно создает нечто в мире и в результате своего единства с миром одновременно преобразует нечто и в себе» (Анцыферова, 1993. С. 9). Вслед за ними З.И. Рябикина отмечала, что бытие представляет собой процесс воплощения смыслов в фактах преобразований личностью среды (Рябикина, 2005). Таким образом, существование и бытие связаны между собой не причинным, а именно обусловленным образом, посредством системы биографических, диспозиционных и разных других переменных.

Другое значение этого принципа позволило акцентировать роль домашней деятельности и бытовых рутинных практик в поддержании внутреннего порядка в личности обитателей. Принцип субъекта как никакой другой настраивает на экологически валидное изучение человека в контексте его бытия – таким образом, личность предстает не как абстрактный предмет рафинированного познания, а молярно, как эмпирическое явление. Хотя категория повседневности («обыденной жизни», *Alltag*) появилась в психоанализе З. Фрейда, оно было конструктивно использовано в одноименном направлении немецкой психологии, о котором К. Хольцкамп писал: «Не конкретный поддельный абстрактно-изолированный индивидуум должен быть законной темой психологии, а действующий, живущий, историчный человек» (Holzkamp, 1970. P. 17).

Изучение конкретного человека в его бытии может быть осуществлено только как опосредствованное реальной жизненной ситуацией. Так как один и тот же объективный мир может быть представлен когнитивно совершенно по-разному, основная задача психологии повседневности – изучение вариантов обыденных миров и повседневного мира вообще. «Поскольку

психика проявляется в первую очередь в повседневности и не может быть отделена от нее, мы можем понять функционирование и структуру психических процессов, только если получим возможность изучать повседневные психические явления» (Lehr, Thomaе, 1991. P. 5). Таким образом, именно дом может быть ключом к пониманию живущего в нем человека, а человек, в свою очередь, оставляет след в облике своего дома, видоизменяя его в соответствии со своими устремлениями, структурой личности и жизненной историей и создавая еще один текст своего жизнеописания.

Наконец, мы опирались на *принцип диалектики в познании*, в силу которого любое состояние любой системы может быть описано с точки зрения оппозиций, задающих траектории ее движения – из какой точки и в какую она перемещается, что присутствует в ней в избытке и чего недостает. Дом как Очаг всегда противостоит и подразумевает наличие Космоса; из него выходят *куда-то* и в него возвращаются *откуда-то*. Наличие дома подразумевает также и его отсутствие, бездомность или изгнанность. В случае нашего предмета «человек ↔ дом» фокус внимания будет смещаться то к дому как объекту, то к личности обитателя как субъекта, учитывать сочетание стимулирующей и стабилизирующей, а также других взаимодополняющих функций дома, иначе говоря, каждый аспект дома и момент связи его истории с историей жизни обитателей рассматривать с точки зрения присутствующих в нем оппозиций (Исаева, 2017).

Принцип диалектики позволит объяснить взаимопревращения разных качеств дома, в силу которых изначально положительный его дескриптор может стать фактором психологического неблагополучия обитателей, высокий уровень дружелюбности дома может быть слабым ресурсом для людей нравственно развитых, а низкий уровень, наоборот, – сильным ресурсом для морально неразвитых обитателей. Этот же принцип позволяет понять взаимное дополнение реального и идеального образа дома и пояснить, почему обитатели очень надежного дома могут с большей вероятностью, чем люди из ненадежного жилья, позволить себе конфронтацию с окружающими. Он также призывает максимально отдалиться от предмета изучения, в стремлении познать его всесторонне, и авторы предприняли парадоксальный ход исследования, изучив

мотивы, которые побуждают человека покинуть дом. Данные говорят, что отчуждение / привязанность к дому, возвращение / покидание – не простые противоположности, и приближение / отдаление связано с разными качествами домашней среды (и, скорее всего, обитателя, но это мы пока не изучили).

Следование главным принципам научного познания позволило нам последовательно решить следующие исследовательские задачи: предложить нашу собственную многомерную синергетическую модель взаимодействия человека и дома и осуществить серию эмпирических исследований для ее верификации.

1.2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА СО СРЕДОЙ

Житейское представление о том, что дом отражает личность своего хозяина, весьма распространено: в английском языке выражение «to feel at home» буквально переводится как «быть самим собой». Таким образом, «дома я чувствую себя самим собой» звучит тавтологично, и необходимость аргументировать связь человека и его дома отпадает. Однако поиск теоретического обоснования наших ожиданий получить связи между качествами человека и средой, которая его окружает, побудил нас обратиться к философии и социальной антропологии, чтобы затем кратко остановиться на теориях, целенаправленно адресованных вопросам взаимной адаптации, «конгруэнтности» человека и его жизненных сред.

Одним из первых философов, подчеркнувших неразрывную связь человека с местом, где он живет, был Э. Гуссерль (1970). Согласно его взглядам, человеческая жизнь – это всегда «бытие-в-мире», а мир включает те места, в том числе дом, которые связаны с существованием человека. Феноменологический подход в принципе отрицает противопоставление субъекта и объекта, рассматривая их в единстве, как неизбежно подразумевающие друг друга и адресованные друг другу. Вслед за Гуссерлем М. Хайдеггер (1971) утверждал, что «жилище» – это не только рутинная деятельность, которую люди выполняют дома, но также сам способ существования человека в мире, в са-

мом широком смысле понимания. Эти повседневные практики способствуют построению жилища (building), его обживанию (dwelling) и персонализации, что, в свою очередь или одновременно, формирует и направляет способ человеческого мышления (thinking). Мы бы даже сказали – мышления, ибо все упомянутые понятия – это глаголы. Благодаря этим неразрывно связанным между собой и самоподдерживающим процессам ранее безличное пространство становится личным, а жилищу присваивается идентичность дома: building => dwelling => thinking. И мы бы добавили re-building, после чего цикл повторяется. При этом не имеет значения, проводит ли человек время дома или вдали от него, образ дома все равно влияет на его личность.

Но как поддерживается эта связь? Современные сторонники феноменологического подхода полагают, что происхождение личности уходит своими корнями в невербализированные «бытийные» переживания детства, неразрывно связанные с местом, пространством и объектами окружающей среды, в которой проживал человек (Case, 1996; Korosec-Serfaty, 1985). Более того, они используют термин «присвоение» (aneignung), который первоначально, до его введения в экологическую психологию (Graumann, 1996), в рамках гегелевско-марксистской концепции описывал диалектическую природу отношений человека и окружающей среды. «Присвоение» означает, что мир становится действительно человеческой средой обитания только посредством умственной и физической, обычно совместной деятельности людей. Этот термин во многом близок культурно-историческому подходу, подчеркивающему роль социокультурного и межличностного контекста как субъекта присвоения и источника человеческого развития, а также утверждающего взаимную связь интериоризации и экстериоризации в процессе взаимодействия человека с окружающим миром.

Поскольку, согласно феноменологическому подходу, человек и окружающая его среда существуют в единстве, то особенности человеческого поведения определяются не только объективными характеристиками окружающей среды. Важную роль играет также то, какой смысл имеют эти качества для человека и насколько они важны для него. «Значение для человека объекта внешнего пространства, такого, как, например,

игрушка или ружье, дом или паб, сад или дикая природа – не ограничивается отношением человека к окружающей среде. С точки зрения практики важно понимать, что данный вопрос необходимо рассматривать как взаимодействие *двух* субъектов, человека и окружающей его среды»* (Graumann, 2002. P. 11).

Д. Кейз понимал дом как «рутину» + «духовное единение». Диалектика измерений «новизна – рутина» и «единение – одиночество» определяет степень того, насколько человек может использовать дом как место обыденной активности, самоизоляции или разделения и соединения людей. Состояние личности определяет, какая из этих функций более предпочтительна на данный момент, но дом всегда содержит их все (Case, 1996).

Важные аргументы в пользу рассмотрения человека не в отношении к его дому, а в единстве с ним дает также зоосемиотика. Согласно Я. фон Икскюлю, каждое живое существо входит в так называемый «функциональный круг»: находясь в окружающей среде, оно обозначает сначала объекты внешнего мира в соответствии со своими собственными потребностями («*merkwelt*», или «видимый мир»), а затем, если необходимо, присваивает или трансформирует их («*wirkwelt*», или «мир действия») (Kull, 2001). Отношения между живым существом и окружающей его средой основаны на обратных связях, в силу чего оно максимально адаптируется к той среде, в которой находится, и одновременно воздействует на нее, чтобы сделать для себя максимально комфортной. М. Мухов, вслед за Я. фон Икскюлем, также утверждала, что выражение «жизненное пространство» в повседневном использовании языка относится к пространству, «в котором кто-то живет» (Muchow, Muchow, 1980).

Неотделимость человеческой жизни от процесса создания и сохранения жилища отмечается также в социальной антропологии (Ingold, 2002). Т. Инголд показал в своем фундаментальном исследовании, что становление и функционирование человеческой личности и сообщества происходит параллельно с укреплением места обитания. Есть несколько аргументов в пользу того, почему человек и его дом похожи друг на друга и подходят друг другу: сначала в человеческом сознании рождается образ желаемого дома, затем этот образ реализуется

* Курсив наш. – С.Н.-Б. и др.

в материальном рукотворном объекте, наконец, он обживается и персонализируется. Все эти процессы глубоко субъектны, и даже после построения дома люди воспринимают влияния от своей домашней среды и одновременно меняют ее в сторону желаемых качеств. Трудно сказать, что происходит раньше или позже; однако в результате этого процесса циркулярного взаимодействия люди получают дома, соответствующие их личности.

Еще один интересный взгляд на роль места в человеческой жизни был предложен гуманитарной географией. Представители этой научной области заинтересовались тем, почему люди предпочитают одни места другим. Жи-Фу Туань привлек внимание к феномену «чувства места», написав книгу, посвященную топофилии (любви к месту) (1974). Этим термином Туань определил «чувство места», включающее в себя все эмоциональные связи между физической средой и человеческим бытием, где «место» – это любое жизненное пространство, наполненное субъектностью (Easthope, 2004; Tuan, 1980; Лавренова, Митин, 2007). Иначе говоря, это эмпатия, направленная на географический объект. Отношение положительно, если место вносит в человеческую жизнь порядок, и отрицательно, если оно делает ее хаотичной и малоорганизованной.

Иной взгляд на понимание природы взаимодействия человека и окружающего мира дают экологические учения. Так, Э. Брунстик учитывал то обстоятельство, что люди живут в среде, которая малопредсказуема и малоуправляема. В своей модели, получившей название «*модель линзы*», он подчеркивал высокую степень избирательности человека в восприятии объектов окружающей среды, которая определяется потребностями и активностью человека (Brunswick, 1956). В полном согласии со взглядами Брунстика создатель экологической теории восприятия Дж. Гибсон утверждал, что каждый человек выбирает определенные допущения из «объективной» среды, которые удовлетворяют его потребности. В результате представления жителей о своем доме всегда различаются и связаны с их текущими жизненными событиями и задачами (Gibson, 1986). В поведенческой географии также подчеркиваются циркулярные связи между человеком и его окружающей средой (Gold, 1980). А остроумная теория поведенческих следов

(Behavioral Residues Theory), ссылаясь на работы Брунsvика, также убедительно показывает, что повседневные практики столь сильно способствуют самопрезентации человека в его доме и персонализации пространства, что по следам пребывания в доме можно воссоздать особенности личности обитателя (Gosling et al., 2002).

Недавние исследования также развивают идею изучения тесной связи между человеком и окружающей его средой, понимаемой в самом широком смысле слова, как единство физического пространства и социального взаимодействия. Остановимся кратко на некоторых из них. В работе Дж. Эдвардса и др. обобщена теория соответствия человека и среды (Person–Environment Fit Theory), согласно которой чем сильнее расхождение между индивидуальными качествами человека и средой, в которой он находится, тем сильнее будет переживаемый им стресс (Edwards, Caplan, Harrison, 1998). Верно и обратное: соответствие среды личности способствует переживаемому благополучию. Хотя исследователи в основном фокусировали свое внимание на организационной среде и организационном стрессе, основные идеи их работы достаточно универсальны, чтобы быть перенесенными и на другие среды, в том числе домашнюю.

Так, авторы выделяют несколько плоскостей взаимодействия человека и его среды. Прежде всего, они выделяют объективные и субъективные атрибуты как личности, так и среды: объективная личность – это человек, как он реально существует, а субъективная – самовосприятие человеком своей индивидуальности; объективная среда – это физические, социальные ситуации и события, как они существуют независимо от человеческого восприятия, а субъективная среда как раз включает это восприятие. Далее, они идентифицируют четыре типа взаимодействия человека и среды: 1) объективное соответствие личности и среды (objective P–E fit), которое отражает меру сходства между объективными свойствами индивида и его объективной средой, 2) субъективное соответствие личности и среды (subjective P–E fit), или соответствие самовосприятие субъективному видению ситуации, 3) контакт с реальностью (contact with reality), который отражает соответствие субъективного взгляда на среду объективно существующей среде,

и 4) точность самовосприятия (accuracy of self-assessment), отражающую степень соответствия самовосприятия человека его реальным качествам. Чем больше расхождений по этим четырем типам взаимодействия, тем с большей вероятностью человек будет переживать стресс.

Дж. Эдвардс и другие выделили также два других ракурса взаимодействия человека со средой: это соответствие потребностей человека предложениям среды (need – supply fit) и соответствие способностей человека требованиям среды (demands – abilities fit). Описываемый подход очень близок развиваемому нами и рассматривает человека в среде как целостную систему, акцентируя недостаточность чисто субъективного или только объективного описания этой системы.

Последователи теорий соответствия человека и среды изучают разные среды. Так, методология этого подхода была использована при исследовании удовлетворенности пожилых людей своим жилищем и микрорайоном (Kahana et al., 2003), хотя авторы предпочитают использовать выражение «конгруэнтность личности и среды» (person–environment congruence). А Г. Мозер (Moser, 2006) полагает, что соответствие личности и среды обитания (person–environment congruity), подразумевающее также и наличие привязанности обитателей к своему жилью, представляет собой ключевой фактор психологического благополучия человека.

Таким образом, несмотря на небольшие терминологические различия, все перечисленные подходы утверждают, что человек настраивается на требования и предложения среды, изменяя эту среду, и уровень его стресса / благополучия сильно зависит от меры соответствия среды и личности. Следовательно, человек функционирует в неразрывной связи с условиями своего обитания.

Если описанные теории в основном реализуют эволюционную идею адаптации человека к своей среде, то единство человека и среды может аргументироваться также и другими доводами. Следует упомянуть теорию развития привязанности к месту (Developmental Theory of Place Attachment) (Morgan, 2010), которая справедливо отмечает, что привязанность к месту и людям, живущим в этом месте, возникает параллельно с пережитым опытом отношения к данному месту в детстве,

подпитывается обоими источниками – любовью к собственно месту и к близким людям. Поскольку горе, сочувствие, любовь и удовольствие развиваются и проявляются в определенном месте, социальные характеристики, такие как отношение к семье, также должны быть связаны с этим местом, в нашем случае – с домом.

Затронув тему переживаний и эмоций, логично также вспомнить авторитетную теорию ядерного аффекта (Theory of Core Affect), которая объясняет, как именно аффекты, оценки и представления определяют друг друга в повседневной жизни, в силу чего образ и отношение человека, причем не только к среде, но и к себе самому, представляющему, чувствующему и оценивающему эту среду, сливаются в целостный неделимый феномен (Russell, 2003). И, конечно, мы не можем игнорировать нейропсихологические исследования, в частности открытие зеркальных нейронов: «...мозг снабжен мощными и очень пластичными механизмами, благодаря которым мы можем преодолевать барьеры между нашей телесной оболочкой и любым другим человеком или объектом, попадающим в поле нашего действия» (Эллард, 2017. С. 22).

Таким образом, разные области психологии и других дисциплин демонстрируют неразделимую связь человека и его домашней среды, подтверждая право на существование такого предмета исследования, как система «человек ↔ дом», и стимулируя создание нашей собственной теории. Дом задает «состояние души» обитателей, а «состояние души», в свою очередь, определяет то, как жители ощущают мир в целом и свой дом как часть этого мира.

1.3. МНОГОМЕРНАЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ДОМА

Поиск наиболее точного концептуального аппарата для изучения человека в его домашней среде привел авторов к пониманию того, что ни отдельно «измеренные» объективные качества жилища, ни его образ, ни привязанность к нему не дают полной картины того, что же происходит в интимном пространстве взаимодействия и взаимоприспособления (в буквальном смысле слова,

ведь domestic – это и домашний, и ручной) человека и его дома. Мы совершенно солидарны в нашем научном мировоззрении с К. Эллардом, который писал: «...я изучаю места только так: внимаю своим ощущениям и одновременно беспристрастно и отстраненно анализирую то, что вижу.. Хотим мы того или нет, замечаем или не замечаем, но места окутывают нас чувствами, направляют наши движения, меняют наши убеждения и решения и, может быть, иногда помогают получить возвышенный религиозный опыт. Как добиться такого эффекта, известно людям с тех пор, как появилась наша цивилизация, но многое остается неясным. Наука, изучающая взаимодействие человека и застроенной среды, только зарождается...» (Эллард, 2017. С. 255).

Наша собственная модель включает описание структуры (уровней) взаимодействия человека и его домашней среды, перечень функций, которые выполняет дом по отношению к живущему в нем субъекту, и положения, которые комментируют смысл и значение этого взаимодействия.

Дом в нашем исследовании понимается как особая среда обитания человека, в силу единства физических, социальных и экзистенциальных качеств места удовлетворяющая широкий спектр его потребностей. Это среда, которая в нормативном случае присутствует на протяжении всего жизненного пути человека, биографически связана с его историей и историей его семьи и потому отражает его индивидуальность, выражает идентичность и стимулирует личностную аутентичность. Ключевое свойство дома – его рукотворность, в силу которой он всегда представляет собой продукт творчества и проекций личности своего обладателя. И потому уместно еще раз вспомнить юнгианское понимание дома как метафоры личности, в которой подвал соответствует Ид, основное жилое помещение – уровню Эго, а чердак – уровню Супер-Эго (Юнг, 1994).

Отношение между человеком и его домашней средой может быть описано на нескольких уровнях (табл. 1.1). В стремлении изучить дом как субъект мы позволили себе также злоупотребить философской триединой моделью человека и интегральной теорией индивидуальности (Мерлин, 1986).

1. *Допсихологический уровень* определяет некоторое место как жилье, но не как дом. Этот уровень задан *качествами жилья*,

например, тем, где оно находится, временный или постоянный характер имеет, каков его метраж, с кем делит жилье обитатель и другими характеристиками. Условно можно обозначить этот уровень как «дом глазами риелтора» – если представить, что может увидеть в нашем доме чужой и несколько не привязанный к нему человек, то это будут такие его качества, как место расположения (город или деревня), материал (блочный, кирпичный, бревенчатый), площадь (однокомнатное, двухкомнатное, трехкомнатное, двухуровневое жилье) и пр. Этот уровень взаимодействия в первую очередь оценивается при решении задачи выживания человека; он важен и по возможности принимался нами во внимание, однако сам по себе он не представляет интереса для собственно психологического исследования. По возможности, однако, мы учитывали его в анализе наших данных.

2. *Объектный уровень* задан физическими качествами дома как жилой среды, представленными в *функциональности домашней среды* – работе и действиях, которые дом выполняет в жизни обитателей, для которых он был построен или приобретен. Мы предполагаем, что изначально функции дома как целенаправленной спланированной рукотворной среды не могут иметь дезадаптивного характера. Чем больше функций может выполнять дом, тем потенциально большему количеству людей он может подходить, однако наличие большого количества функций само по себе не обязательно делают его идеальным домом. На этом уровне анализа появляется обитатель как часть системы «человек ↔ дом», и функционал дома помогает ему адаптироваться к реальности. Без функций, так же, как и без стен, дома не может быть, но само по себе это не делает его любимым и значимым.

3. *Субъект-объектный уровень* задан степенью соответствия, или *релевантности*, между наличествующими функциями и теми потребностями обитателя, для удовлетворения которых они могут использоваться. Другими словами, эти наличествующие функции соответствуют потребностям конкретных реальных обитателей дома. Благодаря такому соответствию дом и его обитатели оказываются плотно притертыми друг к другу подсистемами. Этот уровень включает в себе систему допущений (*affordances*) – «отношений между способностями

воспринимать и действовать и характеристиками окружающей среды» (Chemero, 2009. P. 150). Допущения представляют собой результат селекции, осуществленной обитателями по отношению ко всему спектру функций дома при помощи фильтра собственных потребностей и индивидуальных качеств. Именно на этом уровне взаимодействия устанавливается соответствие (*fit, congruence, congruity*) дома и личности обитателей (Moser, 2009), и дом способствует обретению идентичности.

4. Наконец, *субъектный уровень* задан глубокими личностными переживаниями, смыслами, позитивным отношением к дому, стремлением проводить там много времени, предпочитать другим местам и возвращаться – т.е. *привязанностью к дому*. Она связана со смыслами и ценностями личности, социокультурными и информационными процессами. Привязанность к дому позитивно влияет на психологическое здоровье и благополучие человека (Lewicka, 2011; Резниченко, 2016[a]; 2017). Привязанность к дому маркирует аутентичное существование человека благодаря чувству уместности во времени и пространстве.

Функциональность, релевантность и привязанность к дому в совокупности описывают уровень дружественности дома. В наших предыдущих исследованиях было показано, что, чем выше релевантность и функциональность домашней среды, тем выше привязанность человека к своему дому и тем больше он рассматривает домашнюю среду как дружественную (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017). В то же время эти связи не линейны. Дружественность дома может складываться из разных составляющих – кто-то ценит комфорт, строит «умный дом» и, проведя там немного времени и не успев выработать привязанности, меняет на другой. Однако за время их совместной истории дом был дружественным к своему хозяину. Кто-то ценит дом за то, что он отражает личность хозяина, хотя не очень удобен и плохо расположен. Кто-то испытывает к своему дому страсть, фетишизируя, но при этом не ремонтируя. Все это – разные варианты отношений между человеком и домом, характеризующиеся дружественностью домашней среды.

Взаимодействие между человеком и его домом происходит на всех уровнях, однако при этом нет жесткого соответствия между качествами дома и уровнем индивидуальности, который

наиболее восприимчив к этой характеристике домашней среды. Так, например, качества дома как жилья, еще не персонализированного в силу отсутствия опыта проживания в нем, могут действовать не только на организм приценивающегося посетителя благодаря чистому воздуху, кусту розмарина во дворе и просторному балкону, но могут также вызвать чувство благоговения и восторга под влиянием неосознаваемого детского импринтинга, в силу чего дом сразу станет своим.

Таблица 1.1

Уровни взаимодействия человека и его дома

Аспект дома как феномен	Форма взаимодействия человека и дома	Центральный конструкт	Метафора индивидуальности	Форма бытия
Допсихологический	Поиск информации, возможно, опосредованный и «бесконтактный»	Качества жилья	Организм	Выживание
Объектный	Анализ: что за возможности дом предоставляет? Непосредственное взаимодействие	Функциональность домашней среды	Тело	Адаптация
Субъект-объектный	Оценка; непосредственное взаимодействие	Релевантность домашней среды	Личность (душа)	Идентичность
Субъектный	Любовь; непосредственное реальное или мысленное взаимодействие	Привязанность к дому	Субъект (дух)	Аутентичность

Более того, на каждом из рассмотренных уровней взаимодействия актуализируется множество образов дома, рассмотренных нами в предыдущих исследованиях, а именно повседневный, динамический, воображаемый и архетипический, что позволяет выделять веер вариантов возможностей раскрытия ресурсов домашней среды. Так, функциональность может быть воспринята и использована в ее повседневном варианте, отталкиваясь от (возможно, пока отсутствующих) свойств воображаемого дома, как динамическое его качество, а также как архетипическое, которое неизбежно присутствует во всех формах взаимодействия человека со своим домом.

Структура любой системы связана с ее функциями и содержанием. Каковы функции дома в человеческой жизни? Мы составили следующий перечень взаимодополняющих друг друга функций.

1а) *Стабилизирующая*: дом задает стратегию жизни человека, «выравнивая» повседневные флуктуации его личности и поведения. Дом – это «неподвижная точка» человеческого бытия.

1б) *Стимулирующая*: дом, обеспечивая надежный «тыл», побуждает человека к открытию новых горизонтов и жизнетворчеству в самом широком смысле слова.

2а) *Поддерживающая*: дом наделяет человека энергией, психологическим и ментальным здоровьем и позволяет решать разные задачи развития.

2б) *Превентивная (валеологическая)*: дом не позволяет развиваться неблагоприятным состояниям и свойствам личности.

3а) *Усиливающая*: дом делает человека храбрым, сильным, спонтанным, готовым к конфликтам и конфронтации.

3б) *Облагораживающая (одухотворяющая)*: дом делает человека нравственным и добродетельным.

Ранее мы различали также по дистанции воздействия проксимальные и «вынесенные», дистальные функции. Первые реализуются только в непосредственном контакте человека с домом через рутинные практики и опираются на повседневный и динамический образы дома. Вторые могут осуществляться на расстоянии и опираются на образы воображаемого и архетипического дома.

Таким образом, и образы, и функции дома также представляют собой оппозиционные, взаимодополняющие и взаимокompенсующие феномены, которые диалектически обеспечивают развитие и самокомпенсацию системы «человек ↔ дом», которая в результате становится многослойным текстом, палимпсестом, аккумулирующим в себе совместную историю личности, семьи и самого дома. Основное предназначение домашней среды – это поддержание баланса энергии и гармонизация личности обитателей. Дом поддерживает человека в зоне его ближайшего личностного развития и дает ему то, что сейчас необходимо и чем он может распорядиться.

Теперь мы готовы обобщить представления о роли домашней среды в человеческой жизни.

1. Дом представляет собой универсальный ресурс позитивного функционирования личности – будучи рукотворной средой, он изначально создан и существует для человека.

2. Субъективно воспринимаемая ресурсность дома зависит от восприимчивости обитателя, его индивидуально-личностных качеств (пола, возраста, структуры личности, принимаемых задач развития).

3. Встраиваясь в задачи жизненного пути, дом резонирует на актуальный уровень собственных личностных ресурсов обитателя, усиливая их в случае дефицита и подталкивая к обретению новых целей вне дома в случае их недостатка или избытка.

4. Дом обладает сложной структурой образа (повседневный, динамический, воображаемый, архетипический) и может воздействовать как ресурс на расстоянии, причем физически и символически.

Для исследования трех уровней взаимодействия человека и его дома нами были разработаны и использованы три основных опросника (табл. 1.2), модификации некоторых из них посвящен следующий параграф (Нартова-Бочавер и др., 2016; Резниченко и др., 2016).

Таблица 1.2

Набор инструментов для исследования различных уровней взаимодействия человека и его дома

Функциональность домашней среды (ФДС)	Релевантность домашней среды (РДС-к)	Привязанность к дому (ПД)
изучение функциональных характеристик образов реального / идеального дома	изучение значимых для обитателя характеристик образа реального дома	изучение уровня привязанности человека к дому
Прагматичность: базовые функции дома	Приватность: способность закрыться от избыточной информации и контактов	общий уровень привязанности человека к дому
	Ресурсность: обеспечение поддержки стабильности	
Развитие: саморазвитие и снабжение информацией	Самопрезентация: возможность экспозиции достижений, интересов и идей обитателя	
	Эргономичность: удобство проживания и уют	

Стабильность: постоянство, чувство комфорта, предсказуемость дома	Отчужденность: неприятие дома	
	Пластичность: гибкость и динамичность дома	
Защищенность: безопасное взаимодействие с внешним миром	Историчность: связь обитателя с семьей через историю дома	

1.4. Опросник Релевантность Домашней Среды: МОДИФИКАЦИЯ И РЕВАЛИДИЗАЦИЯ

Первичная версия опросника Релевантность домашней среды 2016 г. была разработана для выяснения субъективного отношения человека к объективным характеристикам среды сквозь призму его смыслов, потребностей и опыта, а именно насколько разнообразные функции дома позволяют удовлетворить потребности своего обитателя. Опросник включал 108 утверждений, оценочные характеристики актуальной домашней среды (например, «У меня дома есть на что посмотреть»), степень согласия с которыми оценивается по 5-балльной шкале. Эти 108 пунктов были неравномерно распределены по семи шкалам, отражающим потребности респондентов, которым отвечает или не отвечает их реальный дом: 1) *Управляемость* домашней среды – мера прогнозируемости и подконтрольности дома; 2) *Ресурсность* – поддержка (информационная, социальная, физическая) и ощущение стабильности в домашней среде; 3) *Самопрезентация* – возможность экспозиции достижений, интересов и идей жилого субъекта через предметную среду дома; 4) *Эргономичность* – удобство проживания в доме и уют домашней обстановки; 5) *Отчужденность* – неприятие домашней среды и неудовлетворенность мерой ее функциональности в целом; 6) *Пластичность* – гибкость и динамичность домашней среды, податливость к изменениям и легкость трансформации; 7) *Историчность* – наличие ассоциативных связей человека с домом на уровне автобиографических воспоминаний, знаний символов и истории дома, связывающих обитателя с другими родственниками и поколенческой семейной историей (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Первичная версия опросника продемонстрировала устойчивую структуру и приемлемые показатели внутренней согласованности шкал (табл. 1.3). Тем не менее опросник имел ряд проблемных моментов, требующих критического переосмысления и дополнительной психометрической и содержательной доработки.

1. Содержание шкал опросника не было очевидно валидным, а феноменологическое поле некоторых шкал было излишне широким, что, в свою очередь, снижало их самосогласованность, несмотря на большое количество входящих в них пунктов. С точки зрения согласованности пересмотра в наибольшей степени требовали шкалы Управляемость, Ресурсность и Пластичность. Так, например, Ресурсность включала в себя два дистальных конструкта – стабильность и поддержка (одновременно информационная, эмоциональная и физическая) – которые отражают принципиально разные потребности обитателя и должны входить в разные шкалы.

Смысл ряда пунктов, входящих в шкалы, не соответствовал смыслу конструктов, представленных шкалами: например, смысл пункта *«В моем доме происходит то же, что и за его стенами – праздники, ссоры, войны»* не в полной мере отражает смысл шкалы Самопрезентация, которую он «нагружает», а пункт *«У меня нет потребности приобрести собственное жилье»* рассогласуется с содержанием шкалы Пластичность.

2. Проблемой стала и длительность прохождения опросника респондентами: среднее время, затрачиваемое респондентом на заполнение 108 утверждений в режиме «карандаш и бумага», соответствовало 25 минутам. С точки зрения психометрики, да и психофизиологии тоже, это предельная длительность прохождения непрофессиональных личностных и мотивационных опросников, чреватая погрешностями в данных вследствие истощаемости и утомления респондента, а также вероятности ошибок работы исследователей с большими массивами данных.

3. Факторизация прежнего варианта опросника осуществлялась на достаточной по объему ($N = 231$), но не сбалансированной по гендерному (более 70 % выборки – представительницы женского пола) и возрастному составу (высокие показатели

стандартного отклонения по возрасту свидетельствуют о большом разбросе показателей возраста в группе испытуемых) выборке.

1.4.1 Модификация

Чтобы сократить и конкретизировать содержательную часть опросника, мы экспертно отобрали по пять утверждений на каждую из семи шкал, наиболее точно отражающих ее смысл.

Из шкалы Управляемость были удалены все пункты, связанные с прогнозируемостью домашней среды, но оставлены те, которые отражают возможность контролировать пространство. Эта шкала была переименована в Приватность – возможность заниматься дома той деятельностью, которой хочется (в т.ч. быть наедине с самим собой), не нарушая границ других обитателей.

В шкале Ресурсность были оставлены только те пункты, которые отражают потребности обитателя в стабильности и чувстве тождественности самому себе.

Шкалу Пластичность наполнили только те утверждения, которые связаны с возможностью трансформации домашней среды.

Шкалы Самопрезентация, Эргономичность, Отчужденность и Историчность не поменяли своего смысла, а просто были сокращены.

Кроме того, из всех шкал были удалены инверсные пункты, что упрощает процедуру подсчета сырых баллов по «ключу».

Таким образом, для этапа рефакторизации был подготовлен краткий опросник Релевантность домашней среды (РДС-к), состоящий из 35 пунктов и семи шкал (пункты опросника и их принадлежность к шкалам см. в Приложении 1).

1) *Приватность* – возможность заниматься дома желаемой деятельностью, не доставляя неудобств другим обитателям и сохраняя свои собственные границы;

2) *Ресурсность* – ощущение стабильности как самой домашней среды (дом всегда остается домом), так и себя в ней (возможность быть собой);

3) *Самопрезентация* – возможность экспозиции своих достижений, интересов и идей через предметную среду дома;

- 4) *Эргономичность* – комфорт и уют домашней обстановки;
- 5) *Отчужденность* – неудовлетворенность мерой функциональности домашней среды;
- 6) *Пластичность* – легкость трансформации домашней среды;
- 7) *Историчность* – связь человека с его прошлым и историей жизни, опосредуемая автобиографическими воспоминаниями о событиях прошлого, произошедших в доме.

Интегральный показатель по опроснику РДС-к вычисляется путем суммирования средних значений.

1.4.2. Рефакторизация

Структурная модель проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа. Для обеспечения гендерного и возрастного баланса (см. п. 3 в перечне недочетов первой версии РДС) респондентов выборки факторизации мы расширили ее объем более чем в семь раз по сравнению с выборкой факторизации первичной версии опросника: анализировались данные 1730 респондентов (из них 1041 – женского пола) в возрасте от 11 до 72 лет ($M_{\text{возраст}} = 19,0$, $M_{\text{возраст}} = 20,4$, $SD_{\text{возраст}} = 6,96$). Как и прежде, в качестве оптимальной была подтверждена 7-факторная структура опросника (рис. 1.1).

В таблице 1.3 указаны метрики прежней и новой версии опросника, предназначенные для тестирования соответствия модели. Для анализа соответствия модели нового опросника мы выбрали рекомендуемые научным сообществом индексы: хи-квадрат, RMSEA – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации, SRMR – стандартизованные среднеквадратичные остатки, CFI – сравнительный индекс соответствия и TLI – индекс Такера–Льюиса. Несмотря на то что в целом индексы соответствия модели нового опросника несколько хуже аналогичных индексов прежней версии, все метрики, кроме собственного значения хи-квадрата и его значимости, соответствуют общепринятым диапазонам «хорошего соответствия» модели опросника эмпирическим данным: для RMSEA пороговым является значение – не выше 0,08 (напр., Schumacker, Lomax, 2004), для SRMR – 0,06 и ниже; а для CFI и TLI – не ниже 0,90 (напр., Hooper, Coughlan, Mullen, 2008).

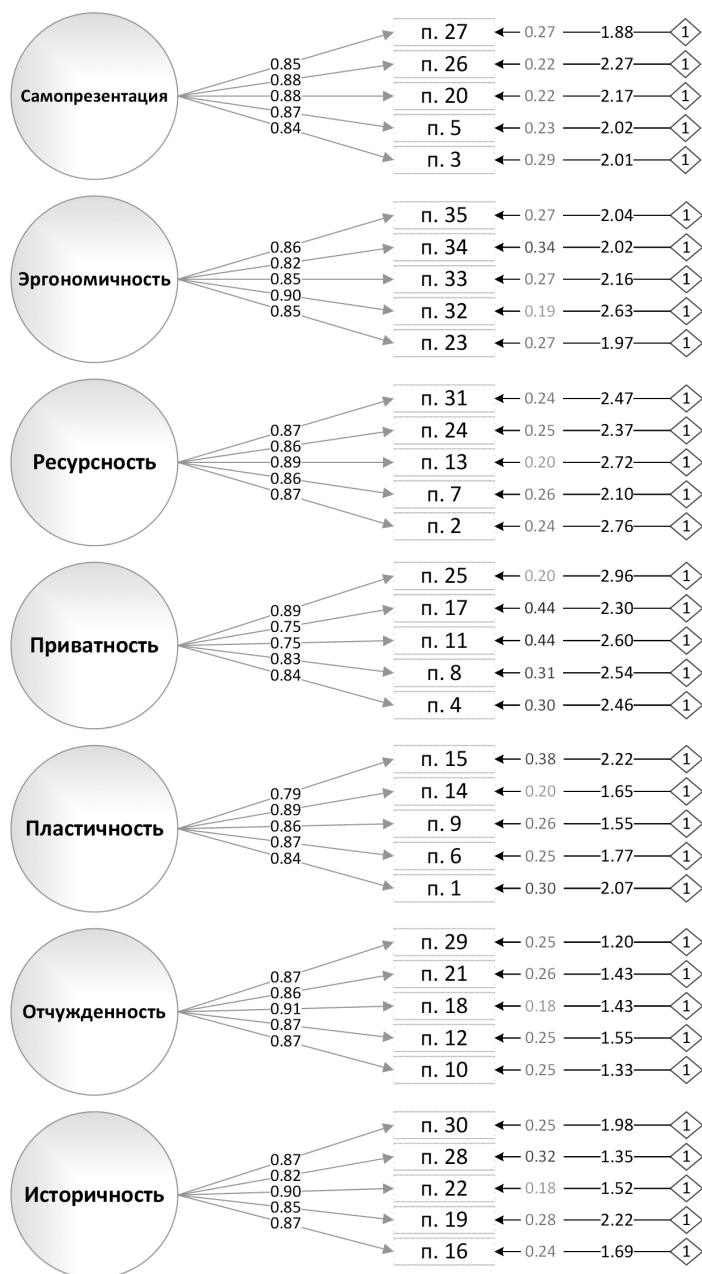

Рис. 1.1. Факторные нагрузки на шкалы опросника РДС-к

Таблица 1.3

Сравнение результатов конфирматорного факторного анализа и структуры старой и новой версии опросника Релевантность домашней среды

Различающиеся параметры		Старая версия РДС (2016)	Новая версия РДС-к (2018)
Выборка факторизации		N = 231 (женский пол = 72,2 %), R _{возраст} = 12–68 лет; M _{возраст} = 16,6; M _{возраст} = 20,5 года, SD _{возраст} = 10,1)	N = 1730 (женский пол = 60,2 %), R _{возраст} = 11–72 лет (M _{возраст} = 19,0, M _{возраст} = 20,4, SD _{возраст} = 6,96)
Структура опросника	Количество пунктов в опроснике	108	35
	Шкалы (количество пунктов в шкале) – α Кронбаха	Управляемость (27) – 0,88	Приватность (5) – 0,91
		Ресурсность (19) – 0,88	Ресурсность (5) – 0,94
		Самопрезентация (17) – 0,79	Самопрезентация (5) – 0,94
		Эргономичность (17) – 0,80	Эргономичность (5) – 0,93
		Отчужденность (12) – 0,76	Отчужденность (5) – 0,94
		Пластичность (9) – 0,69	Пластичность (5) – 0,94
Историчность (7) – 0,73	Историчность (5) – 0,94		
Индексы соответствия моделей	χ^2 , ур.знч.	15,10, нд	4248,2, p = 0,001
	df	14	539
	CMIN / DF	1,08	-
	RMSEA	0,02	0,06
	SRMR	-	0,03
	IFI	0,99	-
	CFI	0,99	0,94
TLI	-	0,94	

Примечание: Нд – не достоверно; CMIN / DF – нормализованный показатель критерия точного соответствия χ^2 ; RMSEA – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации, SRMR – стандартизованные среднеквадратичные остатки, IFI – инкрементный индекс соответствия; CFI – сравнительный индекс соответствия, TLI – индекс Такера–Льюиса

Что касается высокого и значимого показателя хи-квадрата, традиционно интерпретируемого как индикатор «плохого соответствия» модели (т.е. существенного отличия ковариационной структуры модели от наблюдаемой ковариационной матрицы), то его прогностичностью в данном случае можно пренебречь: известно, что хи-квадрат консервативен и чувствителен к размеру выборки и при сравнительно больших

выборках (> 200) значимость хи-квадрата не является сама по себе основанием для модификации модели, если остальные тесты указывают на ее хорошее соответствие (напр., Bentler, Bonnet, 1980).

Анализ надежности шкал опросника РДС-к подтвердил их высокую самосогласованность – на порядок выше, чем в прежней версии (табл. 1.3): шкала Приватность (бывшая шкала Управляемость) – $\alpha = 0,91$; шкала Ресурсность – $\alpha = 0,94$; шкала Самопрезентация – $\alpha = 0,94$; Эргономичность – $\alpha = 0,93$; Отчужденность – $\alpha = 0,94$; Пластичность – $\alpha = 0,94$; шкала Историчность – $\alpha = 0,94$. Доведение α Кронбаха до столь высоких значений свидетельствует о том, что сокращение пунктов в шкалах опросника и его рефакторизация на более крупной выборке были правильным решением.

На выборочной совокупности в 1730 человек нами были получены показатели мер центральной тенденции для опросника (табл. 1.4). Наибольшая вариативность ответов отмечается по шкалам Историчность и Самопрезентация – это потребности, мера релевантности которых в большей мере зависит от латентных переменных, например пола или возраста респондента. Наименьшая вариативность ответов обнаружена по шкале Приватность – вероятно, из всего перечня эта потребность наиболее универсальна и значима для всей генеральной совокупности.

Таблица 1.4

**Описательная статистика шкал новой версии опросника
Релевантность домашней среды**

Шкала	M	SD	Me	Min	Max	SE
Приватность	3,92	0,73	4,00	1	5	0,02
Ресурсность	3,80	0,86	4,00	1	5	0,02
Самопрезентация	3,36	0,90	3,40	1	5	0,02
Эргономичность	3,45	0,85	3,40	1	5	0,02
Отчужденность	2,35	0,85	2,20	1	5	0,02
Пластичность	3,09	0,88	3,20	1	5	0,02
Историчность	3,07	1,10	3,00	1	5	0,03

Примечание: M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; Me – медиана; Min – минимальное бланковое значение; Max – максимальное бланковое значение; SE – стандартная ошибка

Следующим шагом по доработке новой версии опросника стала проверка внешней, содержательной и конструктивной валидности.

1.4.3. Внешняя валидность

Проверка внешней валидности опросника осуществлялась с помощью дисперсионного анализа и пост-хок тестов пошкального распределения ответов у респондентов разного возраста и пола.

В сбалансированную по возрастному и гендерному критериям выборочную совокупность вошли 332 респондента ($M_{\text{возраст}} = 26,8$; $SD_{\text{возраст}} = 13,2$; 54,8 % женского пола), жители Москвы и городов ближайшего Подмосковья, со средним годовым доходом 360 тысяч рублей. Выборка была разделена на четыре разновозрастные субгруппы:

1) Группа респондентов подросткового возраста ($N = 91$; $R_{\text{возраст}} = 12-17$ лет; $M_{\text{возраст}} = 12,9$; $SD_{\text{возраст}} = 1,3$; 49 % респондентов женского пола), учащиеся общеобразовательных школ г. Москвы.

2) Группа респондентов юношеского возраста ($N = 90$; $R_{\text{возраст}} = 18$ лет – 24 года; $M_{\text{возраст}} = 20,1$; $SD_{\text{возраст}} = 2,3$; 53 % респондентов женского пола), студенты психологических и других вузов г. Москвы.

3) Группа респондентов периода взрослости ($N = 81$ человек; $R_{\text{возраст}} = 25-49$ лет, $M_{\text{возраст}} = 31,7$; $SD_{\text{возраст}} = 4,9$; 53 % респондентов женского пола).

4) Группа респондентов периода зрелости ($N = 70$ человек; $R_{\text{возраст}} = 50$ лет – 72 года, $M_{\text{возраст}} = 55,2$; $SD_{\text{возраст}} = 7,9$; 57 % респондентов женского пола).

Возрастные различия. Несмотря на то, что интегральный балл опросника РДС-к (сумма средних значений по всем семи шкалам) не имеет значимых различий в четырех возрастных подгруппах ($F_{(3; 329)} = 0,63$; $p = 0,596$), таковые были обнаружены по четырем из семи шкал, а именно по шкалам: Ресурсность ($F_{(3; 329)} = 5,95$; $p = 0,001$), эгономичность ($F_{(3; 329)} = 4,79$; $p = 0,003$), Историчность ($F_{(3; 329)} = 5,63$; $p = 0,001$) и особенно Пластичность ($F_{(3; 329)} = 9,42$; $p = 0,000$) – субъективная релевантность функции трансформируемости дома наиболее силь-

но сопряжена с возрастом его обитателя (рис. 1.2). Соответственно, потребности людей разного возраста в приватности, самопрезентации и общей функциональности дома (антипод Отчужденности) носят универсальный характер по степени своей значимости.

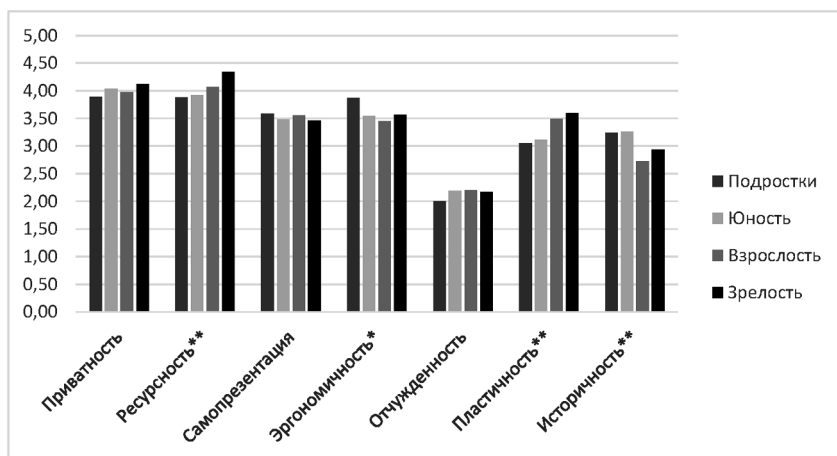

Рис. 1.2. Возрастные различия по средним значениям шкал опросника РДС-к: N = 332. * – различия значимы на уровне $p \leq 0,01$; ** – на уровне $p \leq 0,001$

Пост-хок тест Геймса–Хоуэлла позволил уточнить межгрупповые различия по шкалам, дифференцирующим связанные с домашней средой возрастные потребности. В период зрелости стабильность домашней среды (Ресурсность) оказывается более значимой функцией дома, чем в подростковом ($p = 0,000$), юношеском возрасте ($p = 0,002$), а также в период взрослости ($p = 0,050$). Показатели по шкале Эргономичность значимо выше у подростков, чем у представителей периодов юности ($p = 0,047$) и взрослости ($p = 0,002$). Для подростков и представителей юношеского возраста Пластичность оказывается в равной степени менее значимой, чем для людей периодов взрослости ($p = 0,001$ и $p = 0,006$ соответственно) и зрелости ($p = 0,000$ и $p = 0,002$ соответственно): податливость дома изменениям наиболее важна для людей предпенсионного и пенсионного возраста. Наконец, подростки и молодые люди ($p = 0,004$ в обеих группах) имеют более высокие показатели по шкале Историчность, чем взрослые люди.

Гендерные различия. Дисперсионный анализ межгендерных различий по шкалам РДС-к показал достаточно скудные зависимости субъективной значимости функций дома от пола обитателя. Таковые обнаружены лишь по шкале Отчужденность ($F_{(1,331)} = 5,80$; $p = 0,017$) и на уровне тенденции по шкале Ресурсность ($F_{(1,331)} = 1,73$; $p = 0,064$): оба показателя сильнее выражены в женской подгруппе.

1.4.4. Содержательная валидность

Для проверки того, насколько смоделированный нами конструкт – релевантность функций домашней среды – и его шкалы способны отражать реальную значимость функций дома для его обитателя, мы сравнили данные по шкалам опросника двух групп респондентов: проживающих в своих квартирах или квартирах их родителей и резидентов общежитий. Наиболее логичной гипотезой нам показалась та, что люди, проживающие в своих домах и, соответственно, не ограниченные в жилых удобствах и не стесненные правилами и требованиями проживания в коммунальном жилье, имеют более высокие значения по всем шкалам РДС-к, кроме Отчужденности. Зеркальные тенденции у резидентов общежитий: значения по шкале Отчужденность у них окажутся высокими, а по остальным шкалам – ниже, чем у группы «домашних» респондентов.

Общую выборку составили 434 студента, учащиеся бакалавриата НИУ ВШЭ. 227 из них – москвичи, преимущественно проживающие в родительских квартирах ($M_{возраст} = 22,1$, $SD_{возраст} = 0,92$; 71,6 % женского пола). Оставшиеся 207 человек ($M_{возраст} = 21,7$, $SD_{возраст} = 0,65$; 78,7 % женского пола) – студенты, прибывшие на обучение в Москву из разных регионов России и проживающие в общежитии НИУ ВШЭ коридорного типа (3–4 человека в комнате; функциональные помещения – общие для всех жителей этажа).

Сравнение средних значений по шкалам опросника с помощью ANOVA подтвердило исходную гипотезу: студенты, проживающие в отчих домах, в отличие от студентов из общежитий имеют значимо (при $p = 0,000$ для всех шкал) более высокие показатели по шкалам РДС-к ($F_{(1,433)} = 85,68$), Приватность ($F_{(1,433)} = 34,60$), Ресурсность ($F_{(1,433)} = 74,44$), Самопрезентация

($F_{(1,433)} = 27,40$), Эргономичность ($F_{(1,433)} = 38,37$), Пластичность ($F_{(1,433)} = 34,75$) и Историчность ($F_{(1,433)} = 64,94$) и более низкие по шкале Отчужденность ($F_{(1,433)} = 12,92$) (рис. 1.3).

Наибольшую дифференцирующую способность применительно к типу проживания опросник демонстрирует по шкалам Ресурсность и Историчность, что в целом соответствует логике проживания в условиях общежития: коммунальное жилье по определению не способно удовлетворить потребности резидента ни в стабильности (Ресурсности) – общежитие – временное жилище, ни в укреплении связи с семьей (Историчности).

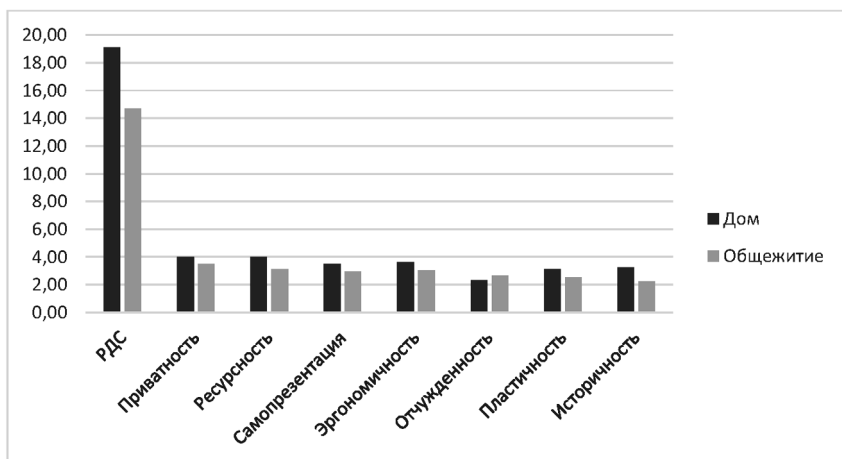

Рис. 1.3. Различия средних значений шкал опросника РДС-к в зависимости от типа проживания (различия значимы на уровне $p = 0,000$)

1.4.5. Конструктивная валидность

Оценка конструктивной валидности опросника осуществлялась с помощью корреляционного анализа шкал РДС-к с другими инструментами из нашего пула – опросниками Функциональность домашней среды и Привязанность к дому (ПД) – поскольку из всего перечня существующих на сегодняшний день валидизированных методик они в наибольшей степени соответствуют теоретическому концепту, заложенному в опросник РДС-к.

Для корреляционного анализа были отобраны данные 719 человек в возрасте от 18 до 40 лет ($M_{возраст} = 21,92$; $SD_{возраст} = 6,90$; 71,2 % женского пола).

Интегральный показатель РДС-к имеет значимые ($p = 0,000$) и сильные связи со шкалами ФДС Прагматичность, Развитие и Стабильность и умеренные – с Защищенностью и показателем Привязанности к дому (табл. 1.5).

Таблица 1.5

**Связи между шкалами опросников РДС-к, ФДС и ПД
(связи значимы на уровне $p = 0,000$)**

Шкалы РДС-к	ФДС	Прагматичность	Развитие	Стабильность	Защищенность	ПкД
РДС-к	0,78	0,76	0,72	0,71	0,60	0,64
Приватность	0,57	0,63	0,47	0,58	0,39	0,38
Ресурсность	0,69	0,71	0,60	0,67	0,49	0,59
Самопрезентация	0,63	0,54	0,54	0,54	0,63	0,55
Эргономичность	0,68	0,64	0,60	0,64	0,54	0,53
Отчужденность	-0,38	-0,44	-0,30	-0,38	-0,24	-0,31
Пластичность	0,55	0,54	0,50	0,49	0,44	0,46
Историчность	0,46	0,37	0,58	0,35	0,32	0,42

Интершкальные корреляции колеблются от сильных до слабых, но все при уровне значимости $p = 0,000$. Наиболее сильно со шкалами ФДС и Привязанностью к дому положительно коррелируют такие шкалы РДС-к, как Ресурсность, Эргономичность и Самопрезентация. Ожидаемо шкала Отчужденность имеет отрицательные связи со всеми шкалами других опросников. Слабая отрицательная связь обнаружена только между Отчужденностью и шкалой Защищенность ФДС.

Итак, резюмируем. Дефицит очевидной валидности в содержании пунктов и шкал версии опросника Релевантность домашней среды от 2016 года, его массивность и ограниченная выборка этапа факторизации заставили нас заново пройти весь цикл разработки – начиная от экспертного решения о том, какие пункты шкал будут удалены из новой версии, и заканчивая этапами факторизации и ревалидизации. Новая версия опросника стала значительно короче прежней – всего 35 утверждений из прежних 108; шкала ответов осталась прежней, равно как и структура опросника, за тем лишь исключением, что во всех шкалах измеряемый ими центральный конструкт

удалось конкретизировать и феноменологически сузить, а шкала Управляемость была переименована в Приватность. Новая версия показывает удовлетворительные индексы соответствия модели эмпирическим данным и высокие значения внутренней согласованности – гораздо выше, чем прежняя версия опросника. Смысл каждой из шкал стал более очевидным, а работа исследователя с «ключом» опросника упростилась, поскольку были удалены обратные пункты. Как и прежде, опросник обнаруживает высокие и логически оправданные показатели внешней, содержательной и конструктивной (конвергентной) валидности.

1.5. КОНСТРУКТИВНАЯ ВАЛИДНОСТЬ ОПРОСНИКА ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДОМУ: ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ, ВНОСЯЩИЕ ВКЛАД В ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДОМУ

В средовой психологии есть немало данных о том, каким образом объективно существующие характеристики среды и социально-демографические переменные влияют на привязанность к месту. Поскольку привязанность к дому хоть и является частным вариантом привязанности к месту, но представляет собой новый предмет исследования, мы посчитали необходимым проанализировать связи между такими социально-средовыми характеристиками, как состав, соотношение фактического и идеального, с точки зрения респондента, количества проживающих, принадлежность жилища, наличие личного пространства, место трудовой занятости (работа в доме или на территории работодателя), количество эпизодов смены места жительства и длительность проживания с интенсивностью привязанности к дому.

Общую выборку исследования составили 332 человека ($M_{\text{возраст}} = 26,8$; $SD_{\text{возраст}} = 13,2$; 54,8 % женского пола), жители Москвы и городов ближайшего Подмосковья, со средним годовым доходом 360 тысяч рублей. Выборочная совокупность была поделена на четыре условные группы по возрастному признаку: 1) респонденты подросткового возраста; 2) респонденты юношеского возраста; 3) респонденты периода зрелости; 4) респонденты периода старости. Детализацию описательных

характеристик субгрупп можно посмотреть в подпараграфе «Внешняя валидность» раздела «Релевантность домашней среды: модификация и ревалидизация» – выборки полностью дублируют друг друга.

Привязанность к дому измерялась с помощью одноименного опросника (Резниченко и др., 2016). Для изучения жилищных условий использовались данные персональной анкеты, которая включала семь закрытых вопросов с разными вариантами ответов, выясняющих условия проживания и особенности взаимодействия респондентов с домашней средой: 1) состав проживающих («Я проживаю с...»); 2) принадлежность дома («Дом (квартира), в котором я живу, принадлежит...»); 3) наличие личного пространства; 4) место занятости («Я работаю / учусь...»); 5) длительность проживания («Я живу в своем доме... лет»); 6) количество эпизодов смены места жительства на протяжении жизни («За свою жизнь я менял место жительства...»); 7) соотношение фактического и идеального, с точки зрения обитателя, количества жильцов. Варианты ответов на каждый вопрос представлены в табл. 1.6.

В силу невыполнения требования гомогенности дисперсий при сравнении средних значений привязанности к дому у людей, проживающих в разных средовых условиях, применялись непараметрические критерии Краскелла–Уоллиса и Манна–Уитни. В качестве проверяемой (зависимой) переменной была выбрана привязанность к дому, а группирующими (независимыми) – средовые условия. Из анализа были исключены данные малочисленных групп (где количество наблюдений меньше числа степеней свободы (количество сравниваемых групп минус 1)).

Результаты сравнительного анализа позволяют говорить о том, что из всех выделенных средовых переменных наиболее сильно сопряжены с привязанностью к дому такие, как принадлежность жилища (влияет на силу привязанности к дому во всех возрастах), наличие личного пространства (обуславливает различия в силе привязанности к дому у подростков и особенно у представителей юношеского возраста), а также длительность проживания (оказывает влияние на привязанность к дому во взрослом и зрелом возрастах) (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Возрастные тренды привязанности к дому у респондентов, проживающих в различных средовых условиях

Социально-средовые переменные (вопросы)	Жилищные условия (варианты ответов)	Подростки	Юность	Взрослость	Зрелость
Состав проживающих	один	*	нд	3,92	нд
	с родителями			3,44	
	с квартиросъемщиками			3,25	
	с супругом(ой) и / или детьми			3,58	
Принадлежность жилища	мне	–	3,41	3,80	3,90
	родителям	3,64	3,67	3,73	–
	арендодателю	3,01	3,28	3,21	3,46
	супруг(ге) и / или детям	–	4,57	3,48	4,26
Наличие личного пространства	есть своя комната	3,67	3,68	нд	нд
	есть личное пространство	3,22	3,43		
	нет ни комнаты, ни личного пространства	2,90	3,12		
Место занятости	дома	–	3,40	нд	нд
	вне дома		3,62		
Длительность проживания (в годах)	0–1	нд	нд	3,57	–
	1–5			2,96	3,36
	5–10			3,64	3,93
	11–15			3,94	4,25
	более 15			3,65	3,95
Количество эпизодов смены места жительства	0	нд	нд	4,43	нд
	1-3			3,49	
	больше 3			3,59	
Фактическое количество жильцов	меньше, чем идеальное	3,45	нд	нд	3,79
	такое же	3,75			4,06
	больше, чем идеальное	3,69			4,02

Примечание: N = 332. Обычным шрифтом обозначены различия на уровне тенденции ($0,05 \leq p \leq 0,1$); курсивом – различия на уровне $p \leq 0,05$; жирным шрифтом – различия на уровне $p \leq 0,01$; «нд» – различия между группами недостоверны. * – при статистическом расчете данные не анализировались, поскольку имеется менее двух наполненных групп. Прочерком («-») обозначены группы, исключенные из сравнительного анализа в силу малого объема.

Также были выявлены возрастные тренды привязанности к дому у групп респондентов, проживающих в различных жилищных условиях.

Из табл. 1.6 видно, что переживание привязанности к дому у подростков сопряжено с тремя средовыми переменными: с принадлежностью жилища (при $p \leq 0,05$), с наличием личного пространства и с количеством жильцов (на уровне тенденции). У подростков, живущих в домах своих родителей, имеющих свою собственную комнату и проживающих вместе с желаемым количеством домочадцев, привязанность к дому выше, чем у тех, кто проживает в съёмном доме, лишен личного пространства и живет в доме, где количество жильцов меньше, чем желаемое.

Для представителей юношеского возраста значимые социально-средовые факторы домашней среды, влияющие на привязанность к дому, в первую очередь – наличие личного пространства ($p \leq 0,01$), принадлежность дома (при $p \leq 0,05$) и лишь на уровне тенденции – место занятости. Привязанность к дому наиболее сильна у молодых людей, имеющих свою комнату, проживающих в доме, принадлежащем родителям, а также работающих или обучающихся вне дома; слабая привязанность больше типична для тех, кто не имеет возможности удовлетворить потребности в уединении и приватности, проживает в доме, владелец которого посторонний человек, и работает или учится в условиях дома.

Представители периода взрослости оказались наиболее восприимчивыми к различным жилищным условиям. Привязанность к дому у них значимо сопряжена (при $p \leq 0,05$) с составом проживающих, принадлежностью дома, длительностью проживания в доме, а также с количеством эпизодов смены места жительства. Так, наиболее высокие значения по шкале привязанности к дому имеют те люди, которые проживают одни, в своем собственном доме, живут в нем на протяжении 11–15 лет либо у которых не было опыта переселения в другое жилье. Низкие значения по шкале обнаружены у взрослых респондентов, проживающих с квартиросъемщиками, на территории арендодателя, живущих в своих домах достаточно длительный срок – 1–5 лет, а также у тех, кто за свою жизнь переселялся в новое жилище 1–3 раза.

Наконец, значимыми жилищными условиями, укрепляющими либо ослабляющими привязанность к дому у представителей периода зрелости, являются принадлежность жилища и длительность проживания (при $p \leq 0,05$), а также – на уров-

не тенденции – количество жильцов. Детализируя различия, можно описать профиль условно сильно- и слабопривязанных к дому респондентов этой возрастной группы следующим образом: люди, которые проживают в домах, принадлежащих их супругам и / или детям, которые взаимодействуют с домашней средой на протяжении 11–15 лет, а также те, которых окружает оптимальное с их точки зрения количество домочадцев, с большей вероятностью будут чувствовать сильную положительную эмоциональную связь со своим домом. А те представители периода зрелости, которые живут в съемных квартирах, либо которые живут в своем доме сравнительно недавно (1–5 лет), либо делят домашнее пространство с меньшим количеством человек, чем им хотелось бы, имеют более низкие значения по шкале привязанности к дому.

Полученные результаты, демонстрирующие, что на привязанность к дому наиболее существенное влияние оказывают принадлежность жилища, наличие личного пространства и длительность проживания, согласуются с зарубежными исследованиями интериндивидуальных факторов, предопределяющих привязанность к месту и средовые предпочтения жильцов (Anton, 2014; Elprama, 2011).

Например, известна прямая связь между домовладением и позитивным восприятием не только собственного жилища, но и местности, в которой оно находится, а также соседского сообщества (Anton, 2014). В нашем исследовании принадлежность жилища оказалась значимым условием для поддержания привязанности у людей всех возрастов. Логично, что наибольший дискомфорт человек испытывает, организуя свою жизнь и быт на чужой территории, поскольку лишен прав хозяина – совершенствовать, трансформировать и индивидуализировать жилье в соответствии со своими вкусами и предпочтениями. Кроме того, съемное жилье – это, как правило, временное и нестабильное пристанище, а человек, живущий в нем, обычно нацелен на приобретение собственного жилища и поэтому не стремится привязываться к временному дому. Любопытно, что наиболее высокие значения привязанности к дому обнаружались у молодых людей и представителей периода зрелости, проживающих в домах их супругов или детей, а не в собственных. Объяснить эту тенденцию можно тем, что владение жилищем

накладывает на собственника многие хлопотные и энергозатратные обязанности (сбор документов на приватизацию, оплата коммунальных услуг, участие в собраниях ТСЖ), которые могут осложнять жизнь и формировать рутинное отношение к дому. Вероятно, для молодых людей и людей зрелого возраста выполнение этих обязанностей может казаться особенно трудоемким из-за дефицита опыта и знаний (в случае с молодежью) или собственных ресурсов, например физических (в случае с пожилыми людьми), для решения таких проблем.

Интенсивность привязанности к дому сопряжена и с наличием личного пространства, что неудивительно, поскольку отечественными и зарубежными психологами отмечается, что приватность и суверенность личностных границ – залог не только положительного отношения к среде жизнедеятельности, но и предиктор эмоциональной устойчивости, саморегуляции и психологического и социального благополучия в целом (Нартова-Бочавер, 2005; Резниченко, 2017[б]). М. Хейдметс отмечает, что для человека как центрального звена системы межсубъектных взаимоотношений существует лишь одна нужда – сохранить и укрепить самого себя (Хейдметс, 1988). Личное пространство, являясь одним из катализаторов и регуляторов системы социального взаимодействия «Я-другой», оказывает влияние на интенсивность привязанности к дому в подростковом и особенно юношеском возрастах, что также не противоречит представлениям отечественной психологии личности о формировании личностной автономии, персонализации и индивидуализации личности как главных этапов становления субъектности молодых людей (Слободчиков, 2000). В подростковом возрасте личное пространство обеспечивает возможность сепарации от социальной среды, опыт контроля условий и образа жизни внутри своего жизненного пространства, свободу выбора, а в юношестве – самоорганизацию, рефлекссию достижений собственной жизни и самого себя, быть самим собой, избегая давления внешнего мира (Law, Altman, 1992).

Как отмечает итальянская исследовательница субъект-средовых отношений М. Джулиани, «...положительные взаимосвязи между длительностью проживания и силой привязанности к месту проживания – широко распространенный факт» (Giuliani, 2003. P. 152). Этот факт нашел подтверждение и в нашем ис-

следовании, но оказался справедлив только для людей периодов взрослости и зрелости. Учитывая возрастные задачи развития (достижение и поддержание целесообразного жизненного уровня, забота о детях, супруге, родителях) и социальные роли (кормильца семьи, родителя, хранителя домашнего очага), характеризующие жизнь взрослого человека, можно предположить, что длительность проживания в домашней среде ассоциируется с чувством стабильности и защищенности, с организованным оптимальным образом укладом жизни, позволяющим решать жизненные задачи с наименьшими энергетическими потерями.

Обнаруженные связи между длительностью проживания и формированием глубокой привязанности к дому у зрелых людей могут объясняться тем, что за долгие годы жизни в жилой среде человек успевает не только создать для себя оптимальное в функциональном отношении пространство жизнедеятельности и наладить быт, но также идентифицироваться с образом дома, сделать его частью своего «Я» и метафорой личности и жизни. В свою очередь, идентификация с домом является одним из вариантов удовлетворения широкого круга экзистенциальных потребностей зрелого возраста в социальной и личностной интеграции и самопреемственности.

Таким образом, данные, полученные нами в ходе ревалидации основных инструментов нашего исследования, хорошо согласуются с представлением о взаимосвязи и взаимовлиянии человека и его домашней среды.

Выводы

В этой главе мы обозначили главные методологические принципы исследования, которые задавали направление нашим теоретическим и эмпирическим исследованиям: это принципы развития, системности, детерминизма, дополнительности, всеобщей связи, субъектности и диалектического познания. Мы показали, каким образом опора на эти принципы помогает осмыслить содержание взаимодействия человека и его домашней среды и продемонстрировать его неизбежность и закономерность.

Далее мы определили наш изменившийся предмет исследования как систему «человек ↔ дом» и обосновали право-

мерность такого взгляда, обратившись к междисциплинарным источникам, заимствованным из сферы философского течения феноменологии, социальной антропологии, гуманитарной географии, зоо- и социосемиотики, экологии и некоторых психологических теорий взаимодействия конгруэнтности личности и среды. С использованием разных, иногда пересекающихся понятий во всех этих областях знания убедительно демонстрируется взаимная «валентность», в силу чего они начинают выражать друг друга, настраиваться друг на друга и взаимобуславливать друг друга.

Единство взглядов на тесную связь человека и его дома побудили нас проанализировать уровни и аспекты этой связи и предложить многомерную синергетическую модель, включающую в качестве подсистем двух субъектов – собственно человека как обитателя дома и сам дом. Нами выделены четыре уровня взаимодействия между ними (допсихологический, объектный, субъект-объектный и субъектный) и шесть функций, которые может выполнять дом в человеческой жизни (стабилизирующая, стимулирующая, поддерживающая, превентивная (валеологическая), усиливающая и облагораживающая (одухотворяющая). Дом «умеет» выполнять их все, и в этом смысле это универсальный ресурс, однако в силу восприимчивости к ним человека, решающего вполне конкретные задачи своего жизненного пути, из этого репертуара он выбирает только те, которые необходимы здесь и сейчас.

И наконец, в этой главе проанализированы новые данные, касающиеся ревалидации двух из трех основных исследовательских методов. Опросник Релевантность домашней среды был сокращен со 108 до 35 пунктов, и название шкалы Управляемость домашней среды было заменено на Приватность. Опросник Привязанность к дому подтвердил свою содержательную валидность. Таким образом, первая глава представляет собой «нулевой цикл» нашего исследования, направленного на верификацию предложенной нами теоретической модели и, как нам кажется, открывающего новые перспективы использования домашней среды для интенсификации позитивного функционирования личности.

ГЛАВА 2. ДОМ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБИТАТЕЛЕЙ

Такое чувство, словно придя с промозглой улицы, я переоделся в домашнее – старую заношенную рубашку и брюки, которые не наденешь на люди, но в которых уютно и комфортно; налил в большую кружку крепкого горячего чая и открыл новую книжку любимого писателя. Прочитал несколько страниц и удовлетворенно посмотрел, как много еще страниц впереди... Теплота, спокойствие и ожидание чего-то хорошего...

Сергей Лукьяненко. Черновик

2.1. РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К СОВЛАДАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ. СРЕДА И КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ

Способность личности быстро и эффективно разрешать возникающие трудные жизненные ситуации в современном мире становится особо актуальной и является важнейшим аспектом ее адаптации к социуму.

Способы поведения человека в трудной ситуации, возникающие в ответ на воспринимаемую угрозу, носят название *копинг-стратегий*, или стратегий совладающего поведения. Термин «копинг» произошел от английского слова «coping», которое в отечественной психологии переводится как «совладание». Синонимами слова «копинг» являются понятия преодоления, совладания, выбора копинг-стратегий.

Свое развитие проблема копинга получила в концепции психологического стресса Р. Лазаруса, который понимал под совладанием поведенческие и когнитивные усилия, предпринимаемые человеком для ослабления влияния стрессовых обстоятельств (Lazarus, 1993). В настоящее время понятие копинга используется для изучения поведения человека в любых трудных жизненных ситуациях.

Р. Лазарус и С. Фолкман определяли преодоление жизненных трудностей как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и внутренними требованиями, кото-

рые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека» (Lazarus, Folkman, 1984. P. 141). Таким образом, совладание рассматривается ими как осознанный ситуационный процесс, имеющий свои динамические характеристики.

2.1.1. Классификация копинг-стратегий

Изучение исторического контекста исследования проблематики совладающего поведения позволяет сделать вывод о том, что в психологии пока нет единого понимания оснований для выделения копинг-стратегий. Основными критериями для систематизации стратегий совладания в зарубежной психологии чаще всего выступают направленность действий человека, интенсивность совладания, адаптивность выбираемых копингов, а также их модальность, то есть психологическая сфера, с которой соотносятся стратегии.

С точки зрения направленности действий человека рассматриваются стратегии, ориентированные либо на саму ситуацию, либо на себя, либо что-то иное (Moss, Schaefer, 1986; Lazarus, Folkman, 1988; Amirkhan, 1999; Skinner, Edge, 2002).

Р. Лазарус и С. Фолкман выделяют так называемые проблемно-фокусированные и эмоционально-фокусированные стратегии (Lazarus, Folkman, 1988). Первые предполагают рациональный анализ проблемы, построение плана разрешения трудной ситуации и проявляются в самостоятельном анализе случившегося, в обращении за помощью к другим, в поиске дополнительной информации. Вторые касаются, прежде всего, эмоционального реагирования на ситуацию, они не сопровождаются конкретными действиями, поскольку человек пытается не думать о проблеме, стремится забыться во сне, отвлечься от отрицательных эмоций с помощью вкусной еды, алкоголя, музыки или вовлечь других людей в свои переживания (Weber, 2003).

Похожее разделение копинг-стратегий предлагают Р. Моос и Д. Шефер. Они выделяют три типа копинг-стратегий поведения человека в трудной ситуации: стратегии, сфокусированные на оценке, стратегии, сфокусированные на проблеме, и стратегии, сфокусированные на эмоциях (Moss, Schaefer, 1986).

С точки зрения направленности действий по разрешению возникших трудностей широко известна также классификация

Д. Амирхана. Он выделял три группы копинг-стратегий – разрешение возникающих проблем, поиск социальной поддержки и избегание (Amirkhan, 1999).

Э. Фрайденберг рассматривает совладающее поведение в зависимости от успешности разрешения имеющихся трудностей и предлагает три категории копинг-стратегий: обращение к другим, эффективный копинг, проявляющийся в когнитивном анализе проблемы, сохранении оптимистического настроения и неэффективный копинг, выражающийся в стратегии избегания (Frydenberg, 2004).

Наконец, стратегии совладания можно рассмотреть и с точки зрения их модальности, то есть психологической сферы, с которой соотносится стратегия: когнитивная, эмоциональная или поведенческая (Heim, 1988).

2.1.2. Эффективность совладающего поведения

Среди факторов эффективности совладающего поведения можно назвать снижение чувства уязвимости к трудностям, повышение адаптивных возможностей человека, адекватное и гибкое реагирование на изменяющиеся условия. По мнению некоторых исследователей, совладающее поведение не обязательно должно быть всегда активным и конструктивным, иногда оно приобретает пассивные формы ухода от ситуации. Тем не менее ряд авторов придерживаются точки зрения, что неотъемлемой характеристикой копинг-поведения является его полезность.

По мнению К. Накано, применение неадаптивных вариантов копинг-стратегий приводит к избеганию проблем, и они направлены не на разрешение проблемы, а на уменьшение эмоционального напряжения. Более того, очень часто не сами трудные ситуации являются факторами, оказывающими негативное воздействие на психологическое и физическое здоровье человека, а применение неадаптивных, неэффективных стратегий совладания (Nakano, 1991).

Существуют исследования, подтверждающие эффективность использования когнитивных, поведенческих и эмоциональных копинг-стратегий. Например, использование когнитивных стратегий повышает у человека ощущение степени кон-

троля над ситуацией и, как следствие, снижает уровень отрицательных эмоций (Compas, Connor-Smith, Saltzman, Thomsen, Wadsworth, 2001). Частое использование эмоциональных стратегий, наоборот, связано с увеличением симптомов тревожных и депрессивных состояний (Folkman, Moskowitz, 2000). Человек, прибегающий к адаптивным поведенческим стратегиям, которые выражаются в активном разрешении проблем, легче адаптируется к меняющимся условиям (Frydenberg, 2004).

В соответствии с исследованиями С. Фолкман и Р. Лазаруса, стратегии конфронтационного копинга, дистанцирования и бегства–избегания можно рассматривать как неэффективные, а стратегии самоконтроля, поиска социальной поддержки, принятия ответственности, планирования решения проблемы и позитивной переоценки – как эффективные стратегии (Folkman, Lazarus, 1998).

Необходимо подчеркнуть, что, хотя выделенные типы копинг-стратегий рассматриваются в основном отдельно, в реальной ситуации они могут переходить друг в друга в зависимости от их актуальности в каждый конкретный момент времени. В самом начале совладания с трудностями, когда человек только сталкивается с проблемой, он мобилизует все свои ресурсы и стремится применять проблемно-ориентированные стратегии. Если же это не приносит ему успеха, может повыситься уровень тревожности, фрустрации, и человек перейдет к эмоционально-ориентированным стратегиям.

Нужно отметить, что однозначного решения проблема эффективности совладающего поведения пока не получила. Согласно одной из точек зрения, она обеспечивается одновременным наличием у человека множества стратегий совладания при условии их гибкого применения к различным ситуациям. Вторая точка зрения акцентирует наличие устойчивого совладающего репертуара, отражающего прошлый опыт столкновения человека с трудностями и практически не меняющегося от ситуации к ситуации (Белинская, 2009).

Тем не менее в некоторых исследованиях установлено, что применение сразу нескольких разных стратегий совладания более эффективно, чем выбор только одной конкретной копинг-стратегии (Mattlin, Wethington, Kessler, 1990).

2.1.3. Ресурсный подход к совладающему поведению личности

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной психологии проблематика совладающего поведения многими авторами рассматривается с точки зрения «ресурсного подхода». Он акцентирует наличие у человека «ключевых ресурсов», помогающих ему преодолевать трудные жизненные ситуации и адаптироваться к меняющимся обстоятельствам (Хазова, 2004; Бодров, 2006; Белинская, 2009; Водопьянова, 2009; Старченкова, 2009; Holahan, Moos, 1987; Hobfoll, Lerman, 1988; Taylor, 1995; Folkman, Lazarus, 1998; Folkman, Moskowitz, 2000; Frydenberg, 2004). Подразумевается, что «совладание с жизненными трудностями есть, по сути, процесс мобилизации личностных ресурсов и ресурсов среды и их оптимального использования» (Старченкова, 2009. С. 200).

Копинг-ресурсы могут быть прогностическими в отношении психологического благополучия личности, они зачастую предотвращают возникновение неврозов и депрессивных состояний, профессионального выгорания и других негативных явлений.

С. Хобфолл предлагает *теорию сохранения ресурсов* (Conservation of Resources, COR-теория), в которой рассматривает два класса ресурсов: материальные и социальные или связанные с ценностями (Hobfoll et al., 2018). Его теория основывается на четырех базовых принципах.

1. Принцип первичности потерь. Потери ресурсов для человека непропорционально более значительны, чем увеличение ресурсов.

2. Принцип инвестирования ресурсов. Человек должен инвестировать средства в целях защиты от потерь этих ресурсов, возмещения убытков и для получения новых ресурсов.

3. Принцип парадоксального усиления. Прирост ресурсов увеличивается в зависимости от степени потери данных ресурсов. То есть, когда обстоятельства потери ресурсов высоки, необходимость увеличения ресурсов становится более важной – они приобретают большую ценность.

4. Принцип отчаяния. Когда ресурсы человека исчерпаны, он включает «защитный режим», чтобы сохранить свою личность и ценности. Часто этот процесс носит защитный, агрессивный и даже иррациональный характер (Hobfoll et al., 2018).

По своей сути, теория С. Хобфолла – это мотивационная теория, которая объясняет человеческое поведение исходя из эволюционной потребности в приобретении и сохранении ресурсов для выживания. Люди должны приобретать и сохранять как свои сильные личностные стороны, так и социальные связи. Таким образом, они используют ключевые ресурсы не только для того, чтобы реагировать на стресс, но и для создания резерва ресурсов для преодоления сложных ситуаций в будущем. Кроме того, получение и сохранение личностных, социальных и материальных ресурсов дает человеку ощущение того, что он способен справиться со стрессовыми ситуациями. Ключевым моментом данной теории является то, что индивидуальная оценка ресурсов является вторичной по отношению к тому, что ценно и универсально для людей в целом. Среди этих общепризнанных ресурсов рассматриваются здоровье, благополучие, семья, чувство собственного достоинства и чувство цели и смысла в жизни (Taylor, Stanton, 2007).

Копинг-ресурсом может выступать все то, что человек использует для совладания с трудными ситуациями, то есть совокупность личностных, средовых, когнитивных, социальных, материальных, культурных, ценностных средств и возможностей, которые личность осознанно может использовать для преодоления возникших трудностей.

Говоря о ресурсах совладающего поведения, большинство авторов выделяют среди них два основных типа. С. Фолкман и Р. Лазарус рассматривают *личностные* и *средовые копинг-ресурсы*. В качестве личностных ресурсов, по их мнению, выступают не только личностные свойства человека, но и особенности когнитивной сферы, ценности, нормы, мотивация, навыки, способности. Средовые ресурсы – это, прежде всего, социальное окружение и семья, которые могут помочь человеку справиться с проблемами. Ресурсы могут быть использованы человеком, тем самым актуализируясь, а могут оставаться в потенциальном состоянии. Кроме того, важно рассматривать «систему ресурсов», их гибкость и «вес» каждого ресурса в этой системе (Folkman, Lazarus, 1998).

Другие исследователи также рассматривают широкий спектр ресурсов, как экологических, средовых, так и личностных. Типичные средовые ресурсы включают в себя социальные связи,

инструментальную, моральную и эмоциональную поддержку со стороны социального окружения, а также материальные, духовные и культурные ресурсы. Личностные ресурсы – это индивидуальные качества, навыки и умения, такие как уверенность в себе, способность к саморегуляции, физическое здоровье, способность участвовать в решении проблем и структурировании ситуации, оптимизм, выносливость, самоэффективность, локус контроля и другие ресурсы (Seligman, 1992; Maddi, 1999; Bandura et al., 2001; Masters, Wallston, 2005; Aycock, 2011; Nachaturova, 2013).

С. Тейлор и ее коллеги выделяли внешние и внутренние ресурсы совладания. Внутренние ресурсы – это личностные факторы, позволяющие эффективно преодолевать трудную ситуацию. К внешним ресурсам относятся время, деньги, образование, социальные связи и т.д. (Taylor, 1995).

Н.Е. Водопьянова также говорит о внутренних или личностных ресурсах совладания, добавляя к ним так называемые инструментальные ресурсы. К личностным ресурсам преодоления относятся отношение к трудной ситуации как к возможности приобретения нового личного опыта, самоуважение и самодостаточность, позитивность мышления, эмоционально-волевые качества и физические ресурсы, прежде всего состояние здоровья. Среди инструментальных ресурсов выделяются способность человека контролировать ситуацию, умения, компетентность, технологии освоения новых знаний и навыков, способность к когнитивной структуризации и осмыслению ситуации, а также материальные ресурсы (Водопьянова, 2009).

Т.Л. Крюкова отмечает принадлежность человека к социальным группам, обращение за помощью к другим людям в качестве эффективного социального ресурса совладания (Крюкова, 2004).

Некоторые авторы, в частности К. Муздыбаев, понимают под копинг-ресурсами все возможности человека преодолеть сложную ситуацию. К ним могут быть отнесены психологические ресурсы, среди которых особо выделяются оптимизм и пессимизм, социальные ресурсы, означающие доступность инструментальной и эмоциональной помощи со стороны социального окружения, а также деньги и власть (Муздыбаев,

1998). М. Селигман также рассматривает оптимизм в качестве главного ресурса совладания со стрессом (Seligman, 1992).

Личностные и средовые копинг-ресурсы связаны с психологическим благополучием личности и выбором стратегий совладающего поведения. Результаты ряда исследований показали, что социальная поддержка и возможность для человека обратиться за помощью связана с активными, ориентированными на задачу, копинг-стратегиями (Lewin, Sager, 2008).

Существуют исследования, подтверждающие связь совладающего поведения с социально-экономическим и финансовым статусом человека. Л. Каплан и ее коллеги установили, что люди с низким социально-экономическим статусом склонны прибегать к эмоционально-ориентированным стратегиям поведения (Caplan, Schooler, 2007). Исследования Р. Мооса и коллег показывают, что люди с высоким социально-экономическим статусом предпочитают активные поведенческие стратегии и не ориентированы на стратегии ухода от проблем (Holahan, Moos, 1987).

Некоторыми авторами отмечается, что выбор стратегий поведения в трудной ситуации обусловлен также особенностями и структурой семьи, характером детско-родительских отношений, что может являться важнейшим средовым копинг-ресурсом (Михайлова, 1998; Ялтонский, Сирота, 2008; Holahan, Moos, 1987; Cummings, Davies, Simpson, 1994; Kliever, Parrish, Taylor, Jackson, Walker, Shivy, 2006). В дисфункциональных семьях, в семьях, где применяется физическое насилие, родители и дети используют, в основном, стратегии избегания и эмоционально-экспрессивные способы совладания. В то же время семейная сплоченность и семейная адаптация могут рассматриваться в качестве копинг-ресурсов, помогающих эффективно преодолевать трудные ситуации (Михайлова, 1998; Бодров, 2006).

Говоря о ресурсах совладающего поведения, необходимо учитывать осознанность, контролируемость, целенаправленность, успешность и адаптивность их использования человеком (Крюкова, 2004). Кроме того, как уже отмечалось, важно рассматривать системность организации ресурсов, ее гибкость, а также «вес» каждого ресурса в этой системе. Один ресурс может быть использован человеком в разных ситуациях, а дру-

гой оказаться эффективным в преодолении только конкретной проблемы (Петрова, 2008).

На наш взгляд, важнейшим средовым ресурсом совладающего поведения может выступать *домашняя среда*. Для оценки домашней среды может быть использовано понятие дружелюбности, означающее богатство возможностей домашней среды и их доступность обитателям (Нартова-Бочавер и др., 2016).

2.2. ДОМАШНЯЯ СРЕДА КАК РЕСУРС СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Домашняя среда играет важную роль в поддержании и укреплении стабильности и благополучия личности.

В ряде исследований домашняя среда рассматривается как социальное явление и как основа семейного климата или семейной идентичности. Некоторые исследования, например в области психологии мотивации и поведения потребителей, касаются изучения физических атрибутов домашней среды и их влияния на домашнее хозяйство: типа жилья, его удобства, пространственно-временных характеристик, таких как близость и доступность (Bonnes, Bonaiuto, 2002).

Существует множество способов оценки материальных ресурсов, которые может предоставлять домашняя среда. Однако за исключением создания некоторых опросников, разработанных десятилетия назад для оценки домашней среды, можно упомянуть относительно немного исследований, затрагивающих изучение домашней среды как ресурса психологического благополучия человека (Heft, 2003).

В то же время домашняя среда может рассматриваться как важнейший ресурс совладающего поведения личности. Человек впечатлительный или с неустойчивой психикой может быть особенно чувствителен к повседневному стрессу, вызванному неудобной, грязной и тесной домашней обстановкой. Неблагоприятные домашние условия сильно влияют на суицидальное поведение личности.

Принципы, разработанные в рамках экологической психологии, позволяют нам рассматривать параметры домашней среды как ресурс совладающего поведения. Как и в других исследованиях нашего проекта, домашняя среда изучалась со

стороны ее функциональности (наличествующих возможностей активности обитателей), релевантности (меры того, насколько именно этот дом подходит обитателям, независимо от его объективных характеристик) и, наконец, привязанности к дому – позитивного эмоционального отношения, стимулирующего времяпрепровождение в нем и желание возвращаться.

Функциональность, релевантность домашней среды и привязанность к дому, выражая меру дружественности домашней среды, влияют на психологическое здоровье и благополучие обитателей и могут считаться важнейшим ресурсом совладающего поведения (Williams, Stewart, 1998; Lewicka, 2011). При этом дом обладает как прямым воздействием, так и косвенным, фасилитируя те процессы восстановления и совладания, которые уже происходят, но недостаточно интенсивны.

Влияние домашней среды на совладающее поведение личности имеет возрастную специфику. К примеру, Р. Хэй обнаружил, что степень привязанности к дому в детстве более продолжительна и стабильна, чем во взрослом возрасте. Но у взрослых уровень привязанности к дому имеет тенденцию к увеличению (Нау, 1998). В молодости домашняя среда особенно важна для индивидуума, поскольку этот период характеризуется кризисом четверти жизни, первым опытом романтических отношений и сепарацией от дома.

Исследования говорят, что эмоциональная связь с домом сама по себе не обязательно является для человека копинг-ресурсом, однако субъективно она переживается как «обещание» безопасности, данное домашней средой, как нечто привычное, знакомое и приятное (Kankotan, 2008). При этом отчуждение от дома отрицательно влияет как на процесс адаптации к новому месту, так и на развитие стратегий преодоления ситуации потери значимого места (Brown, Perkins, Brown, 2003).

Было проведено несколько исследований, изучающих связь между параметрами дома, которые могли бы сформировать положительный или отрицательный образ домашней среды и расширить репертуар совладающего поведения личности.

Р. Гиффорд и его коллеги полагают, что привязанность к месту связана с выбором стратегий совладания, которые предполагает положительную переоценку угрожающих событий и использование домашней среды и привязанности к ней как ре-

сурса, помогающего справиться со сложной ситуацией (Gifford et al., 2009).

Низкая функциональность домашней среды, стрессы и эмоциональное напряжение могут снизить способность человека преодолевать трудности и использовать активные стратегии совладания. К примеру, исследования П. Лершера и его коллег показали, что чувствительность к шуму связана со стратегиями совладания, основанными на уходе и избегании решения возникающих трудностей (Lercher et al., 2002). Напротив, высокая функциональность и релевантность домашней среды, которые могут проявляться в предоставляемых ею возможностях для здорового развития, физической активности, а также атмосфере творчества и совместного времяпрепровождения в семье, связаны с эффективными стратегиями преодоления (The Oxford handbook..., 2012).

Несмотря на все возрастающий интерес к изучению отношений между человеком и окружающей его домашней средой, исследования психологических ресурсов домашней среды остаются редкими.

Таким образом, нашей исследовательской гипотезой стало следующее предположение: дружественная домашняя среда связана с выбором эффективных стратегий совладания, таких как самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы и положительная переоценка. Параметрами дружественной домашней среды являются функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому.

2.2.1. Процедура исследования

Участниками исследования стали 344 респондента: 267 девушек и 77 юношей, $R_{возраст} = 16$ лет – 24 года, $M_{возраст} = 19,1$, $SD_{возраст} = 7,8$. Все респонденты – студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики». Для проверки выдвинутой гипотезы мы провели эмпирическое исследование с использованием четырех опросников.

В методический инструментарий, наряду с традиционно используемыми опросниками Функциональность домашней среды (ФДС), Релевантность домашней среды (РДС, расши-

ренная версия из 108 пунктов), Привязанность к дому (ПД), вошел опросник Способы совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (Крюкова, Куфтяк, 2007). Он предназначен для определения способов преодоления трудностей в различных сферах деятельности. Опросник включает в себя восемь субшкал – Конфронтационный копинг, Дистанцирование, Самоконтроль, Поиск социальной поддержки, Принятие ответственности, Бегство–избегание, Планирование решения проблемы и Положительная переоценка. Коэффициенты надежности альфа Кронбаха по шкалам опросника ФДС в нашем исследовании колеблется от 0,72 до 0,91 (в оригинальном исследовании – от 0,75 до 0,89), РДС – от 0,71 до 0,87 (в оригинальном – от 0,69 до 0,88), ПД – 0,91 (в оригинальном он был равен 0,93), опросника Способы совладающего поведения – от 0,69 до 0,85 (в оригинальном исследовании – от 0,62 до 0,92).

Респонденты заполняли опросники индивидуально и анонимно.

2.2.2. Результаты

Для статистической обработки полученных результатов мы использовали программу «SPSS», версия 21,0. Для проверки выдвинутых гипотез исследования мы использовали корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

В табл. 2.1 представлена описательная статистика показателей параметров домашней среды и стратегий совладающего поведения.

Таблица 2.1

Описательная статистика показателей параметров домашней среды и стратегий совладающего поведения

Переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Дисперсия
ФДС, общий показатель	20,42	3,89	15,12
Прагматичность	5,45	0,96	0,92
Развитие	4,95	1,09	1,19
Стабильность	5,29	1,25	1,57
Защищенность	4,72	1,03	1,06
РДС, общий показатель	17,59	3,56	12,70
Управляемость	3,82	0,61	0,38

Ресурсность	3,68	0,68	0,47
Самопрезентация	3,19	0,66	0,43
Эргономичность	3,28	0,60	0,37
Отчужденность	2,36	0,64	0,41
Пластичность	2,93	0,74	0,54
Историчность	3,05	0,96	0,93
Привязанность к дому	3,46	0,85	0,73
Конфронтационный копинг	67,14	11,19	125,26
Дистанцирование	65,06	13,73	188,47
Самоконтроль	71,66	10,57	111,73
Поиск социальной поддержки	71,40	13,24	175,36
Принятие ответственности	75,24	13,46	181,14
Бегство–избегание	67,97	12,34	152,39
Планирование решения проблемы	74,64	13,47	181,38
Положительная переоценка	69,39	13,12	172,05

Согласно полученным результатам, функциональность и релевантность домашней среды тесно связаны между собой (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,82$, $p \leq 0,01$). Функциональность домашней среды позитивно связана с привязанностью к дому ($r = 0,65$, $p \leq 0,01$). Привязанность к дому связана с релевантностью домашней среды ($r = 0,74$, $p \leq 0,01$).

Поскольку переменные сильно коррелируют между собой, для того, чтобы избежать мультиколлинеарности, в последующем регрессионном анализе был использован метод главных компонент (Principle Component Analyses, PCA). С учетом критерия Кайзера, а также графика Кеттела (рис. 2.1) был отобран один компонент.

Мы использовали коэффициенты корреляции от 0,3 до 0,9 для проведения последующего факторного анализа.

После ортогонального и косоугольного вращения компонентов было выявлено, что в первом случае коэффициенты нагрузки выше. Результаты ортогонального и косоугольного вращения компонентов представлены в табл. 2.2.

На основе результатов ортогонального вращения была выделена одна группа переменных: дружественная домашняя среда. Этот компонент объясняет 80 % дисперсии и включает в себя 11 переменных: Прагматичность, Развитие, Стабильность, Защищенность, Управляемость, Ресурсность, Самопрезентацию, Эргономичность, Пластичность, Историчность и Привязанность к дому.

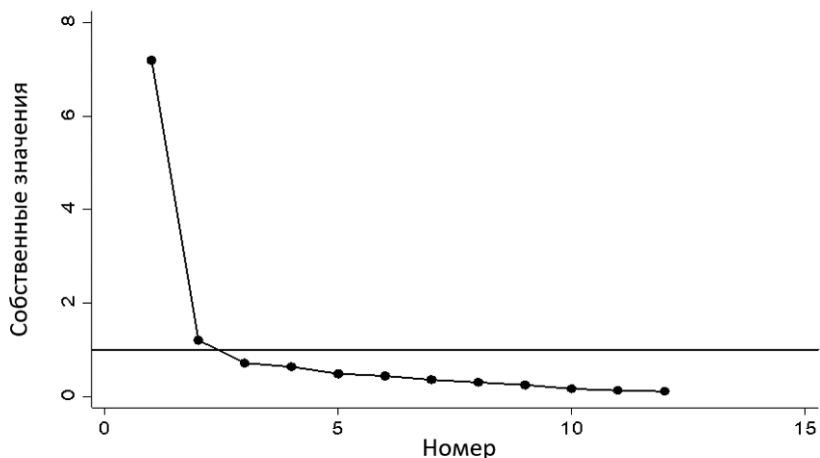

Рис. 2.1. График «каменистой осыпи» Кеттела результатов анализа методом главных компонент

Таблица 2.2

Результаты анализа методом главных компонент, ортогонального и косоугольного вращения

Переменные	Компонент 1 (Ортогональное вращение)	Компонент 1 (Косоугольное вращение)
Прагматичность	0,69	-
Развитие	0,75	0,72
Стабильность	0,69	0,60
Защищенность	0,77	0,80
Управляемость	0,69	0,61
Ресурсность	0,75	0,69
Самопрезентация	0,84	0,92
Эргономичность	0,83	0,89
Отчужденность	-	-
Пластичность	0,77	0,91
Историчность	0,65	0,75
Привязанность к дому	0,76	0,78

Примечание: прочерками («-») обозначены переменные, не вошедшие в фактор

Качество построенной модели позволяет оценить критерий Кайзера–Мейера–Олкина (The Kaiser–Meyer–Olkin Test, КМО), значения которого составляют 0,92.

Для того чтобы проверить выдвинутую гипотезу исследования о связи положительного образа домашней среды и выбора эффективных стратегий совладания, мы проанализировали связь между факторными нагрузками и выбором копинг-стратегий с помощью коэффициента корреляции Пирсона (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Связь между образом домашней среды и выбором стратегий совладающего поведения (коэффициент корреляции Пирсона)

Переменные	Позитивный образ домашней среды	Позитивный образ домашней среды (поправка Бонферрони)
Конфронтационный копинг	0,39**	0,39*
Дистанцирование	0,18	0,18
Самоконтроль	0,45**	0,45*
Поиск социальной поддержки	0,41**	0,41*
Принятие ответственности	0,31*	0,31
Бегство-избегание	0,09	0,09
Планирование решения проблемы	0,52**	0,52*
Положительная переоценка	0,39**	0,39*

Примечание: N = 334. * – на уровне $p \leq 0,05$, ** – связи значимы на уровне $p \leq 0,01$

Наши результаты после проведения поправки Бонферрони на множественные сравнения показали, что дружественная домашняя среда связана с выбором таких стратегий совладающего поведения, как Конфронтационный копинг, Самоконтроль, Поиск социальной поддержки, Принятие ответственности, Планирование решения проблемы и Положительная переоценка.

Оценка эффективности стратегий совладания, как уже отмечалось, довольно спорна. С точки зрения большинства теорий совладающего поведения такие стратегии, как Конфронтационный копинг и Бегство–избегание, рассматриваются как неэффективные стратегии, в то время как Самоконтроль, Поиск социальной поддержки, Принятие ответственности, Планирование решения проблемы и Положительная переоценка являются эффективными стратегиями (Heim, 1988; Folkman, Lazarus, 1998; Amirkhan, 1999).

Таким образом, выдвинутая гипотеза исследования была подтверждена лишь частично, так как дружественная домаш-

няя среда оказалась не связана с эффективной стратегией Принятия ответственности и коррелировала с выбором Конфронтационного копинга, который рассматривался исследователями совладающего поведения как неэффективная стратегия.

Полученные нами результаты открыты для ряда интерпретаций. Важно отметить, что основную часть выборки проведенного исследования составили респонденты в возрасте от 16 до 24 лет, следовательно, полученные результаты важно анализировать с учетом возрастной специфики.

Согласно нашим результатам, функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому являются важным копинг-ресурсом в юности. Этот результат согласуется с данными, полученными С.И. Резниченко, которая отмечала, что подростки и молодые люди более чувствительны к функциональности домашней среды, чем пожилые люди. Другими словами, молодые люди привязаны к дому только в том случае, если он удобен, комфортабелен и удовлетворяет их потребности (Резниченко и др., 2016). Кроме того, это можно объяснить тем, что юность – это период, когда юноши и девушки начинают свою собственную взрослую жизнь. Они живут и проводят большую часть времени за пределами дома – в общежитиях, университетах, в общественных пространствах, где ключевым является доступ к интернету и т.д. Этот период характеризуется высокой социальной мобильностью, быстрыми темпами жизни, социальной напряженностью и полнотой проживания жизни, которые требуют от молодых людей дополнительных ресурсов. Они «перезаряжают свои батареи», находя эти ресурсы в функциональной домашней среде. Дома молодые люди могут расслабиться, отдохнуть и подумать о своих будущих планах.

Кроме того, наши результаты подтверждают данные, полученные в ряде нескольких предыдущих исследований. Нами было доказано, что позитивный образ дома коррелирует с копинг-стратегиями поиска социальной поддержки и принятия ответственности. Привязанность к дому и позитивная домашняя среда помогают юношам и девушкам чувствовать себя в безопасности, понимать, что они могут рассчитывать на своих родителей, родственников и друзей, получить от них помощь и поддержку. Поэтому, когда им необходимо справиться со сложными ситуациями, они склонны использовать стратегию поиска социальной поддержки.

Когда молодые люди сталкиваются с трудностями, положительный образ домашней среды помогает им расслабиться и предоставляет ресурсы для того, чтобы подумать о своих проблемах, принять ответственность за их разрешение, переоценить ситуацию и найти способы для преодоления трудностей и решения проблемы (Jorgensen, Stedman, 2001). В ряде исследований также отмечается, что положительный образ дома помогает выстраивать жизненные планы, структурировать собственный опыт, жизненные события и, следовательно, контролировать сложные ситуации (Scannell, Gifford, 2010). Поэтому, когда молодые люди сталкиваются с трудностями, им приходится использовать эффективные стратегии самоконтроля, а не, к примеру, бегство–избегание, так как, выстроив происходящие события в логичный ряд, они понимают, что уже не смогут избежать возникшей проблемы и нужно предпринимать активные действия по ее разрешению.

Мы получили неожиданный результат о связи выбора стратегии конфронтационного копинга и позитивного образа домашней среды. Этот результат частично противоречит ряду исследований, предполагающих, что привязанность к дому является ресурсом психологического здоровья и благополучия личности (Williams, Stewart, 1998; Lewicka, 2011). Наши результаты показывают, что слишком высокий уровень привязанности к дому может быть дисфункциональным в молодости. У юношей и девушек зависимость от домашней среды может стимулировать развитие у них чувства враждебности по отношению к внешнему миру и другим людям и, как следствие, заставлять их отдавать предпочтение конфронтационным стратегиям. Однако можно предположить, что иногда отрицательный образ домашней среды мог бы помочь человеку преодолеть дисфункциональные отношения и конфликты, и таким образом это может быть для него важным элементом обучения справляться с трудными жизненными ситуациями. Понимая, что домашнюю поддержку и помощь можно получить не всегда, человек учится более эффективно и бесконфликтно выстраивать свои отношения с другими людьми.

Мы не смогли, по результатам нашего исследования, выделить негативный образ домашней среды. Возможным объяснением может быть тот факт, что все функции домашней среды,

которые мы выбрали для нашего анализа, были изначально адаптивными. Мы предполагаем, что изучение других параметров домашней среды в наших будущих исследованиях могло бы помочь нам выделить негативный образ домашней среды и изучить ее связь с выбором стратегий совладания.

Например, мы можем прогнозировать, что негативный образ домашней среды будет положительно коррелировать со стратегией бегство–избегание. На наш взгляд, существует несколько причин, которые могут способствовать формированию негативного образа домашней среды в юности. Когда человек становится взрослым, он хочет отделиться от своих родителей и иметь свой собственный дом. Обычно молодые люди не могут себе это позволить и вынуждены жить в доме своих родителей, что не отвечает их собственным потребностям, желаниям и планам. Кроме того, молодые люди, перемещаясь из других городов и поступая в университет, часто вынуждены жить в общежитиях и соревноваться за пространство с соседями по комнате. Отсутствие комфортных условий проживания, низкая функциональность и релевантность домашней среды, отчужденность от нее уменьшают уверенность человека в своих способностях справляться с трудностями и приводят к выбору стратегии избегания. Это предположение согласуется с результатами других исследований (Brown et al., 2003).

2.3. ПАРАМЕТРЫ ДРУЖЕСТВЕННОСТИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

В данном параграфе будут описаны результаты проверки связи отдельных параметров домашней среды – функциональности и релевантности домашней среды, а также привязанности к дому, с одной стороны, и выбора стратегий совладающего поведения личности – с другой.

2.3.1. Функциональность домашней среды и стратегии совладающего поведения

Как уже отмечалось, дружественная домашняя среда, обусловленная, в том числе, высоким уровнем ее функциональности, может давать человеку силы противостоять стрессам

и сложным ситуациям, являясь важным ресурсом совладающего поведения личности. Высокие показатели функциональности домашней среды могут быть связаны с выбором адаптивных поведенческих и когнитивных копинг-стратегий, например самоконтроля, принятия ответственности, планирования решения проблем и поиска социальной поддержки (Kliewer et al., 2006). Недружественная домашняя среда, обусловленная, помимо прочего, нефункциональностью домашней среды, связана с выбором неадаптивных стратегий совладающего поведения, например избеганием решения проблем, их игнорированием, подавлением эмоций, покорностью и самообвинением (Brown et al., 2003).

Мы выдвинули гипотезу о том, что функциональность домашней среды связана с выбором таких стратегий совладающего поведения как самоконтроль, принятие ответственности и планирование решения проблем.

Выборка и процедура оставались теми же, что и в предыдущем исследовании (параграф 2.2.1.). Все респонденты – студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики». Нами были использованы опросник ФДС (Нартова-Бочавер и др., 2015) и опросник Способы совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (Крюкова, Куфтяк, 2007).

Для обработки результатов мы использовали коэффициент корреляции Пирсона, а также критерий Колмогорова–Смирнова, который показал нормальность распределения полученных данных.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что общий показатель функциональности домашней среды связан с выбором таких копинг-стратегий, как Конфронтационный копинг (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,36$ при $p \leq 0,05$), Поиск социальной поддержки ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$), Планирование решения проблемы ($r = 0,43$ при $p \leq 0,01$) и Положительная переоценка ($r = 0,42$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, гипотеза нашего исследования была частично подтверждена (табл. 2.4).

Интересно отметить, что отдельные субшкалы опросника Функциональность домашней среды показали различные связи с выбором копинг-стратегий. В частности, Прагматичность, Стабильность и Защищенность значимо связаны с теми же

копинг-стратегиями, что и показатели функциональности домашней среды в целом. А Развитие не связано с Поиском социальной поддержки ($r = 0,08$ при $p > 0,05$).

Таблица 2.4

Связь показателей функциональности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности

Шкала	ФДС	Развитие	Прагматичность	Стабильность	Защищенность
КК	0,36*	0,34*	0,34**	0,31**	0,38**
Д	0,04	-0,01	0,02	0,02	0,10
С	0,05	0,20	0,01	-0,01	0,09
ПСП	0,34**	0,08	0,26*	0,30**	0,36**
ПО	0,08	0,12	0,10	0,05	0,04
БИ	-0,05	-0,06	-0,04	-0,07	-0,02
ПРП	0,43**	0,30**	0,40**	0,50**	0,45**
ППО	0,42**	0,31*	0,40**	0,42**	0,48**

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. КК – конфронтационный копинг, Д – дистанцирование, С – самоконтроль, ПСП – поиск социальной поддержки, ПО – принятие ответственности, БИ – бегство-избегание, ПРП – планирование решения проблемы, ППО – положительная переоценка

Как показали результаты нашего исследования, функциональность домашней среды как один из аспектов ее дружелюбности действительно рассматривается личностью как ресурс выбора адаптивных стратегий поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы и позитивной переоценки. Однако восприятие своего дома как «надежного тыла» дает человеку также силы в сложных ситуациях рисковать, идти на конфликт. Этим мы объясняем неожиданную связь функциональности домашней среды и стратегии конфронтационного копинга. Данная стратегия предполагает агрессивные усилия человека по изменению ситуации, определенную степень враждебности и готовности к риску.

В то же время такие неоднозначные результаты могут быть обусловлены возрастными особенностями исследуемой студенческой выборки. Удобный в бытовом отношении дом может

также стимулировать переживание психологического неблагополучия, так как большинство респондентов продолжают жить в родительском доме, и его бытовые возможности обслуживают потребности и давно сложившиеся привычки более взрослых обитателей (Нартова-Бочавер и др., 2015). Кроме того, в данном возрасте любовь к дому преимущественно обуславливается категориями комфорта, технологичности, эргономичности и удобства (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что функциональность домашней среды в юношеском возрасте выступает ресурсом совладающего поведения и связана не только с выбором адаптивных стратегий поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы и позитивной переоценки, но также способствует выбору более рискованных и агрессивных стратегий конфронтационного копинга.

2.3.2. Релевантность домашней среды и стратегии совладающего поведения

Как уже было отмечено, среди аспектов домашней среды мы выделяем ее релевантность, то есть степень соответствия между наличествующими функциями домашней среды и теми потребностями обитателя, для удовлетворения которых они могут использоваться. Чем выше релевантность, тем более дружелюбна домашняя среда для человека (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Высокие показатели релевантности домашней среды могут быть связаны с выбором адаптивных поведенческих, эмоциональных и когнитивных стратегий совладающего поведения (Brown et al., 2003; Jorgensen, Stedman, 2001). Недружелюбная домашняя среда, обусловленная помимо прочего нерелевантностью домашней среды, связана с выбором неадаптивных стратегий совладающего поведения (Lewicka, 2001; Scannell, Gifford, 2010).

Мы выдвинули гипотезу о том, что релевантность домашней среды связана с выбором таких стратегий совладающего поведения, как самоконтроль, принятие ответственности, поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы.

В качестве методик нашего исследования были использованы опросник РДС (Нартова-Бочавер и др., 2016) и Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык (Крюкова, Куфтык, 2007).

Пункты опросника РДС сформулированы таким образом, чтобы нести в себе личностное отношение респондентов к представленным в их доме средовым возможностям. Как уже было отмечено выше, в опроснике выделены семь шкал, отражающих потребности респондентов, которым отвечает или не отвечает их реальный дом: Управляемость, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность и Историчность домашней среды. По пунктам вычислялся средний показатель для каждой субшкалы. Оценка общего уровня релевантности домашней среды производилась путем суммирования средних значений по семи шкалам.

Для обработки результатов мы использовали коэффициент корреляции Пирсона, а также критерий Колмогорова–Смирнова, который показал нормальность распределения полученных данных.

Результаты исследования показали, что общий показатель релевантности домашней среды связан с выбором таких копинг-стратегий, как Конфронтационный копинг (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,41$ при $p \leq 0,01$), Поиск социальной поддержки ($r = 0,43$ при $p \leq 0,01$), Планирование решения проблемы ($r = 0,60$ при $p \leq 0,01$) и Положительная переоценка ($r = 0,44$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, гипотеза нашего исследования частично подтвердилась (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Связь показателей релевантности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности

Шкала	РДС	Управляемость	Ресурсность	Самопрезентация	Эргономичность	Отчужденность	Пластичность	Историчность
КК	0,41**	0,19**	0,22**	0,24**	0,24**	0,36*	0,38*	0,37*
Д	0,03	0,02	0,04	0,16*	0,12*	0,43**	0,04	0,06
С	0,07	0,07	0,04	0,11	0,12*	0,06	0,08	0,08

ПСП	0,43**	0,20**	0,25**	0,19**	0,24**	-0,03	0,13*	0,13*
ПО	0,08	0,32*	0,31*	0,07	0,07	0,07	0,00	0,09
БИ	0,01	0,03	0,05	0,05	0,07	0,41**	0,01	0,04
ПРП	0,60**	0,27**	0,30**	0,25**	0,32**	0,01	0,24**	0,20**
ППО	0,44**	0,18**	0,22**	0,24**	0,32**	0,06	0,20**	0,14*

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4.

Интересно отметить, что отдельные показатели релевантности домашней среды продемонстрировали различные связи с выбором копинг-стратегий. В частности, Управляемость и Ресурсность, помимо перечисленных выше стратегий совладания, показали также связь со стратегией Принятия ответственности ($r = 0,32$ при $p \leq 0,05$ и $r = 0,31$ при $p \leq 0,05$ соответственно). Интересно, что Самопрезентация и Эргономичность связаны с выбором всех копинг-стратегий, кроме стратегии Бегства–избегания ($r = 0,05$ при $p > 0,05$ и $r = 0,07$ при $p > 0,05$ соответственно).

При этом Отчужденность домашней среды связана с выбором неадаптивных стратегий Конфронтационного копинга, Дистанцирования и Бегства–избегания ($r = 0,36$ при $p \leq 0,05$, $r = 0,43$ при $p \leq 0,01$ и $r = 0,41$ при $p \leq 0,01$ соответственно).

Пластичность и Историчность, помимо адаптивных стратегий Поиска социальной поддержки, Планирования решения проблемы и Положительной переоценки, также связаны с выбором стратегии Конфронтационного копинга ($r = 0,38$ при $p \leq 0,01$ и $r = 0,37$ при $p \leq 0,05$ соответственно).

Как показали результаты нашего исследования, связь релевантности домашней среды и выбора стратегий совладания в сложных ситуациях не столь однозначна. С одной стороны, являясь одним из аспектов дружелюбности домашней среды, релевантность домашней среды рассматривается личностью как ресурс выбора адаптивных стратегий поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы и позитивной переоценки. И наоборот, отчужденность домашней среды ведет к выбору неадаптивных стратегий дистанцирования и бегства–избегания (Lewicka, 2001; Williams, Stewart, 1998).

Неудовлетворенность возможностями своего дома заставляет человека в сложной ситуации чувствовать себя слабым и незащищенным, ведь даже в своем собственном доме он не может набраться сил, чтобы противостоять возникающим трудностям.

Таким образом, стратегия ухода от проблем становится для него в большинстве ситуаций единственно возможной.

В то же время релевантность домашней среды потребностям и нуждам своего обитателя дает человеку силы в сложных ситуациях рисковать и выбирать стратегию конфронтационного копинга.

Кроме того, полученные нами неоднозначные результаты могут быть обусловлены особенностями исследуемой студенческой выборки, проживающей не только в своих собственных домах, но и в общежитиях. Студенты из регионов рассматривают свою «домашнюю среду» в процессе конкуренции с товарищами по общежитию, что может снижать ресурсность общежития как временного дома (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что релевантность домашней среды в юношеском возрасте выступает ресурсом совладающего поведения и связана с выбором стратегий поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы, позитивной переоценки, а также конфронтационного копинга. При этом отчужденность домашней среды связана с выбором неадаптивных стратегий дистанцирования и бегства–избегания.

2.3.3. Привязанность к дому и стратегии совладающего поведения

Важнейшим средовым копинг-ресурсом личности может также являться такой параметр домашней среды, как привязанность к дому (Jorgensen, Stedman, 2001; Williams, Stewart, 1998). Привязанность к дому отражает степень позитивной эмоциональной связи между человеком и его домом и обладает своей возрастной спецификой.

В нашем исследовании мы проверяли гипотезу о том, что привязанность к дому связана с выбором эффективных стратегий совладания. Нами были использованы опросник Привязанность к дому (Резниченко и др., 2016) и опросник Способы совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (Крюкова, Куфтяк, 2007).

Результаты исследования показали, что привязанность к дому связана с выбором таких копинг-стратегий, как Конфронтационный копинг (коэффициент корреляции Пирсона

$r = 0,42$ при $p \leq 0,01$), Поиск социальной поддержки ($r = 0,61$ при $p \leq 0,05$), Планирование решения проблемы ($r = 0,53$ при $p \leq 0,01$) и Положительная переоценка ($r = 0,47$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично (табл. 2.6).

Таблица 2.6

**Связь привязанности к дому и стратегий
совладающего поведения личности**

Копинг-стратегия	Привязанность к дому
Конфронтационный копинг	0,42**
Дистанцирование	0,14
Самоконтроль	0,08
Поиск социальной поддержки	0,61*
Принятие ответственности	0,09
Бегство–избегание	0,09
Планирование решения проблемы	0,53**
Положительная переоценка	0,47*
<i>Примечание:</i> N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$	

Привязанность к дому помогает юношам и девушкам поверить в то, что они находятся в безопасности и могут рассчитывать на своих родителей, родственников, друзей и получить их помощь и поддержку. Поэтому, когда они сталкиваются с трудными ситуациями, они, как правило, используют стратегию поиска социальной поддержки. Кроме того, «надежный тыл» дает им силы в сложных ситуациях рисковать, идти на конфликт. Этим мы объясняем неожиданную связь привязанности к дому и стратегии конфронтационного копинга.

Ряд исследований показывает, что привязанность к дому помогает строить жизненные планы и структурировать свой опыт, что объясняет выбор стратегий планирования решения проблемы и положительной переоценки (Brown et al., 2003; Хазова, 2004).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что привязанность к дому в юношеском возрасте выступает неоднозначным ресурсом совладающего поведения и связана с выбором как эффективных, так и на первый взгляд не эффективных копинг-стратегий.

В то же время они побуждают задуматься о конструктивности понятия «эффективность» применительно к копинг-стратегиям. В самом деле, если копинг направлен, среди прочего, не только на изменение наличествующей ситуации к лучшему, но также на самоусиление, то конфронтация, на которую не хватало сил или мужества, может оказаться все же эффективной. Человек, выходящий из надежного устойчивого дома, может позволить себе конфликты (возможно, необходимые), на которые не решается бездомный человек. Таким образом, предпочтение конфронтационного копинга вполне отвечает функции усиления, которую реализует дружественная домашняя среда.

2.4. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРСА СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Как уже отмечалось выше, на наш взгляд, отношение между человеком и его домашней средой может быть описано на нескольких уровнях. В юношеском возрасте эта связь особенно значима, так как человек находится в так называемом «кризисе первой четверти жизни», получает первый опыт романтических отношений и пытается сепарироваться от своего родительского дома. Проблемы со сверстниками, начало трудовой деятельности и желание построить свою карьеру предъявляют особые требования к умению человека преодолевать трудные жизненные ситуации, и потому приветствуются все возможные личностные и средовые ресурсы. При этом действия, предпринимаемые в данных обстоятельствах юношами и девушками, могут сильно различаться (Moore, Graefe, 1994).

В данном исследовании были выдвинуты следующие гипотезы.

1. В юношеском возрасте девушки выше, чем юноши, оценивают функциональность и релевантность своей домашней среды.

2. В юношеском возрасте девушки сильнее, чем юноши, привязаны к своей домашней среде.

3. Существуют различия в выборе стратегий совладания юношами и девушками: девушки ориентированы на поиск со-

циальной поддержки, а юноши – на когнитивные стратегии планирования решения проблемы и самоконтроля.

Процедура и выборка оставались теми же, что и в исследованиях 2.2 и 2.3.

Нами были использованы опросники Функциональность домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2015), Релевантность домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2016), Привязанность к дому (Резниченко и др., 2016) и Способы совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (Крюкова, Куфтяк, 2007).

Для обработки результатов мы применяли критерий Манна–Уитни, коэффициент корреляции Пирсона, а также критерий Колмогорова–Смирнова, который показал нормальность распределения полученных данных.

Нами действительно были обнаружены гендерные различия в уровне привязанности к домашней среде (критерий Манна–Уитни, $p \leq 0,05$), что позволяет нам подтвердить вторую гипотезу исследования. Гендерных различий в уровне функциональности и релевантности домашней среды найдено не было ($p > 0,05$), что не позволяет нам подтвердить первую гипотезу исследования.

Кроме того, наши результаты показали гендерные различия в выборе следующих стратегий совладающего поведения: Дистанцирование ($p \leq 0,05$), Поиск социальной поддержки ($p \leq 0,01$), Бегство–избегание ($p \leq 0,01$) и Планирование решения проблемы ($p \leq 0,05$). Таким образом, третья гипотеза исследования была подтверждена частично.

При этом анализ связи параметров дружелюбности домашней среды отдельно по юношам и девушкам показывает следующие результаты.

У девушек функциональность домашней среды в целом и практически всех ее параметров, кроме Стабильности в ряде случаев, связана с выбором стратегий конфронтационного копинга, принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки (табл. 2.7). В то же время у юношей функциональность домашней среды в целом и практически всех ее параметров связана с выбором стратегий бегства–избегания, планирования решения проблемы и положительной переоценки (табл. 2.10).

Таблица 2.7

Связь показателей функциональности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности у девушек

Шкала	ФДС	Развитие	Прагматичность	Стабильность	Защищенность
КК	0,16**	0,17**	0,14*	0,10	0,19**
Д	0,03	0,00	0,03	0,00	0,09
С	0,03	0,09	-0,01	-0,05	0,10
ПСП	0,13*	0,08	0,14*	0,09	0,18**
ПО	0,10	0,14*	0,10	0,04	0,08
БИ	-0,04	-0,05	-0,04	-0,07	0,02
ПРП	0,19**	0,17**	0,15*	0,13*	0,26**
ППО	0,21**	0,19**	0,19**	0,09	0,30**

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4

У девушек релевантность домашней среды в целом и практически всех ее параметров, кроме Отчужденности в ряде случаев, связана с выбором стратегий конфронтационного копинга, принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки (табл. 2.8), у юношей релевантность домашней среды в целом – с выбором стратегий принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки (табл. 2.11). При этом интересно отметить, что Эргономичность и Отчужденность домашней среды у юношей положительно связаны с выбором стратегии дистанцирования.

Таблица 2.8

Связь показателей релевантности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности у девушек

Шкала	РДС	Управляемость	Ресурсность	Самопрезентация	Эргономичность	Отчужденность	Пластичность	Историчность
КК	0,22**	0,18**	0,23**	0,24**	0,25**	0,17**	0,17**	0,20**
Д	0,01	0,01	0,00	0,16**	0,09	0,28**	-0,02	0,06
С	0,03	0,04	0,00	0,09	0,08	0,21**	0,06	0,08

ПСП	0,23**	0,18**	0,26**	0,19**	0,24**	-0,03	0,13*	0,16**
ПО	0,10	0,13*	0,11	0,12	0,10	0,15*	0,03	0,15*
БИ	0,01	0,01	0,06	0,07	0,09	0,24**	0,00	0,05
ПРП	0,26**	0,21**	0,26**	0,20**	0,29**	0,09	0,22**	0,23**
ППО	0,22**	0,17**	0,21**	0,28**	0,31**	0,08	0,17**	0,13*

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4

У девушек привязанность к дому связана с выбором стратегий конфронтационного копинга, поиска социальной поддержки, принятия ответственности, планирования решения проблемы и положительной переоценки (табл. 2.9), а у юношей – с предпочтением стратегий дистанцирования, поиска социальной поддержки и планированием решения проблемы (табл. 2.12).

Таблица 2.9

Связь привязанности к дому и стратегий совладающего поведения личности у девушек

Копинг-стратегия	Привязанность к дому
Конфронтационный копинг	0,25**
Дистанцирование	0,10
Самоконтроль	0,05
Поиск социальной поддержки	0,21**
Принятие ответственности	0,13*
Бегство-избегание	0,12
Планирование решения проблемы	0,18**
Положительная переоценка	0,13*

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4

Таблица 2.10

Связь показателей функциональности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности у юношей

Шкала	ФДС	Прагматичность	Развитие	Стабильность	Защищенность
КК	0,09	0,10	0,02	0,10	0,11
Д	-0,00	-0,07	-0,07	0,04	0,09
С	0,10	0,07	0,10	0,13	0,05

ПСП	0,14	0,19	0,08	0,14	0,07
ПО	-0,01	0,06	-0,05	0,07	-0,12
БИ	-0,25*	-0,21	-0,23*	-0,18	-0,28*
ПРП	0,43**	0,45**	0,30**	0,49**	0,26*
ППО	0,23*	0,22	0,24*	0,20	0,16

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4

Таблица 2.11

Связь показателей релевантности домашней среды и стратегий совладающего поведения личности у юношей

Шкала	РДС	Управляемость	Ресурсность	Самопрезентация	Эргономичность	Отчужденность	Пластичность	Историчность
КК	0,19	0,24*	0,12	0,23*	0,22	0,15	0,22	0,05
Д	0,10	0,04	0,18	0,14	0,27*	0,36**	0,22	0,01
С	0,21	0,22	0,21	0,16	0,33**	0,003	0,13	0,06
ПСП	0,27*	0,30**	0,24*	0,19	0,34**	-0,06	0,19	0,08
ПО	-0,00	0,07	0,09	-0,12	-0,02	-0,20	-0,09	-0,08
БИ	-0,08	0,05	-0,10	-0,15	-0,03	0,17	0,02	-0,04
ПРП	0,55**	0,55**	0,52**	0,47**	0,51**	-0,31**	0,33**	0,14
ППО	0,29*	0,16	0,21	0,27*	0,36**	-0,00	0,27*	0,12

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$. См. легенду к табл. 2.4

Таблица 2.12

Связь привязанности к дому и стратегий совладающего поведения личности у юношей

Копинг-стратегия	Привязанность к дому
Конфронтационный копинг	0,10
Дистанцирование	0,27*
Самоконтроль	0,19
Поиск социальной поддержки	0,26*
Принятие ответственности	-0,08
Бегство-избегание	-0,12
Планирование решения проблемы	0,37**
Положительная переоценка	0,20

Примечание: N = 334. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$

Итак, полученные нами данные согласуются с результатами ряда других исследователей: так, Р. Мур и А. Грейфе обнаружили, что женщины больше, чем мужчины, эмоционально привязаны к своим домам. Функциональность домашней среды также более важна для женщин. Они эффективно выбирают место проживания, сравнивая свои потребности и возможность дома удовлетворить их нужды и нужды их семей (Moore, Graefe, 1994). Однако гендерных различий в показателях функциональности и релевантности домашней среды в нашем исследовании обнаружить не удалось.

Как показали полученные нами данные, функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому сильно связаны между собой в юношеском возрасте. В наших предыдущих исследованиях было также показано, что подростки и молодые люди более чувствительны к функциональности домашней среды, чем люди старшего возраста. Как уже отмечалось, молодые люди сильнее привязаны к дому, если он удобен и удовлетворяет их потребности (Резниченко и др., 2016).

Л. Тамрес и ее коллеги показали, что женщины склонны использовать вербальные стратегии преодоления трудностей, такие как поиск социальной поддержки, размышление и использование позитивного самовыражения, в то время как мужчины обычно выбирают стратегии решения проблемы и избегания (Tamres, Janicki, Helgeson, 2002). Как показали результаты нашего исследования, в случае юношей это может быть связано с отчужденностью от домашней среды. Женщины в подавляющем большинстве оценивают события как более стрессовые и имеющие негативные последствия, чем мужчины (Eaton, Bradley, 2008). Поэтому они склонны использовать эмоциональноориентированные стратегии.

Интересно отметить возрастную специфику исследуемой нами выборки, которая могла наложить свой отпечаток на полученные результаты.

Как утверждает Т.Л. Крюкова, активное развитие и формирование стиля совладающего поведения происходит в подростковом и юношеском возрасте в условиях активного взаимодействия с родителями и сверстниками. С увеличением возраста повышается вероятность использования продуктив-

ных поведенческих стратегий совладания с проблемой, а также стратегий, ориентированных на решение проблем, и снижение неэффективных стратегий совладания (Крюкова, 2005). Копинг-стратегии личности в подростковом и юношеском периодах претерпевают существенные изменения, связанные с увеличением акцента на собственные действия и возможности, а также снижением ориентации на помощь других (Folkman et al., 1987). В то же время адаптационные ресурсы людей пожилого возраста снижаются. Также установлено, что пожилые люди склонны использовать пассивные, эмоциональнофокусированные стратегии (Petrosky, Birkimer, 1998; Seiffge-Krenke, Aunola, Nurmi, 2009).

Необходимо отметить, что возраст может влиять на оценку ситуации и, таким образом, на выбор копинг-стратегий, но взросление не считается главной детерминантой адаптивного поведения или эффективности преодоления (Водопьянова, 2009). Исследования Х. Фейфела и С. Страка в области возрастных особенностей совладающего поведения показывают, что значимых различий в выборе проблемноориентированных стратегий среди людей среднего возраста и пожилых людей нет (Feifel, Strack, 1989). Р. Маккре, основываясь на лонгитюдных исследованиях, утверждает, что совладающее поведение личности мало меняется в течение жизни, на разных возрастных этапах. Люди, использующие в ранней молодости эффективные копинг-стратегии, будут склонны выбирать их и в пожилом возрасте, и наоборот (McCrae, 1989). Таким образом, возраст может влиять на выбор копинг-стратегий, но взросление не является главной особенностью эффективного совладания.

Выводы

В этой главе мы изучали связь между дружественностью домашней среды и ее отдельными составляющими – функциональностью, релевантностью и привязанностью к дому, с одной стороны, и выбором стратегий совладающего поведения – с другой.

Как показали наши результаты, функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому,

являясь параметрами позитивного образа домашней среды, представляют собой ресурс совладающего поведения в юношеском возрасте.

Позитивный образ домашней среды коррелирует с выбором эффективных копинг-стратегий самоконтроля, поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы и позитивной переоценки, а также с неэффективной стратегией конфронтационного копинга.

Обнаружено также, что выбор таких стратегий совладания, как дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство–избегание и планирование решения проблемы имеет гендерную специфику. Девушки более ориентированы на поиск социальной поддержки, в то время как юноши склонны либо планировать решение проблем, либо уходить от их разрешения, используя стратегии дистанцирования или бегства–избегания.

Кроме того, как показывают наши результаты, у девушек параметры домашней среды в большей степени связаны с выбором копинг-стратегий, чем у юношей. Таким образом, для девушек дружественная домашняя среда является более сильным экологическим ресурсом, способным поддерживать их сопротивляемость стрессам и трудным ситуациям.

В частности, у девушек функциональность домашней среды связана с выбором не только эффективных копинг-стратегий принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки, но и неэффективной стратегии конфронтационного копинга. В то время как у юношей функциональность домашней среды из неэффективных стратегий совладания показывает связь со стратегией бегства–избегания. Релевантность домашней среды и привязанность к дому у девушек также связана с выбором стратегий конфронтационного копинга, принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки. А у юношей оба этих параметра дружественности домашней среды связаны с эффективными стратегиями принятия социальной поддержки, планирования решения проблемы и положительной переоценки, а из неэффективных стратегий связь обнаружена со стратегией дистанцирования.

Таким образом, дружественная домашняя среда как у девушек, так и юношей связана с выбором эффективных стратегий

совладания. Но среди неэффективных стратегий совладания можно отметить существенное различие. У девушек дружественная домашняя среда является важным ресурсом, поддерживающим их стремление не сдаваться трудностям, активно решать возникающие сложные ситуации и выбирать стратегию конфронтационного копинга. А у юношей, наоборот, в ряде случаев выбирать неэффективные стратегии дистанцирования и бегства–избегания. Таким образом, дружественный дом выполняет свою функцию баланса – усиливает и несколько «маскулинизирует» девушек и, наоборот, делает более осторожными, «фемининными», юношей, по-видимому, добавляя в их репертуар те стратегии совладания, которые вне домашней поддержки ими бы не использовались. Более того (хотя в нашем исследовании это и не изучалось), можно предположить, что в условиях дополнительной надежной поддержки дома эти стратегии также становятся эффективными.

Также нами было показано, что у девушек сильнее, чем у юношей, выражена степень привязанности к домашней среде. При этом гендерных различий в показателях функциональности и релевантности домашней среды найдено не было.

Результаты исследования могут быть использованы в психологическом консультировании для формирования индивидуальных профилей предпочтений домашней среды. Они могут помочь создать ряд практических рекомендаций и лечь основу тренинга по использованию возможностей домашней среды для психологического развития и благополучия личности.

При этом мы хотели бы подчеркнуть, что в рамках данного исследования копинг-стратегии изучались скорее как диспозиции, т.е. типичные для человека способы взаимодействия с повседневными ситуациями. В главе 6 мы обратимся к изучению роли дома в трудных жизненных ситуациях.

ГЛАВА 3. ДОМАШНЯЯ СРЕДА И СЕМЕЙНАЯ АТМОСФЕРА

Дом – это ведь не место, это чувство. То самое, которое приходит, когда возвращаешься, принюхиваясь к запаху сдобы, садишься за стол и ждешь, пока мама принесет свежеспеченный пирог; или когда ты просыпаешься рано утром, разбуженный солнечными лучами, которые светят прямо на твою подушку, и думаешь, встать прямо сейчас или можно чуть-чуть полежать. Стоит переступить порог дома, и на душе всегда становится легче.

О.Рой. Заколдованный дуб (трилогия)

3.1. Связь жилища и семьи: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Дом – это среда обитания, тесно связанная с историей жизни своих обитателей и всей семьи в целом. Находясь дома, человек меняет эту среду в соответствии со своими потребностями, особенностями своей личности, а дом, в свою очередь, устанавливает параметры жизненного стиля людей, которые в нем живут. Таким образом, можно сказать, что дом – это нарратив, в своем роде палимпсест, содержание которого обновляется вместе с контекстом жизни его обитателей (Митин, 2005).

Во многих языках мира, включая русский, слово «дом» означает не только физическое место обитания, но также живущих в нем людей, причем в совокупности с историей их семьи и особенностями взаимодействия. И хотя тема связи жилища и удовлетворенности (в том числе семейной) жизнью перманентно существует в социологии, можно с уверенностью сказать, что для психологии она не совсем типична. Так сложилось, что семейное взаимодействие чаще всего интерпретировалось исходя из индивидуальных особенностей обитателей, их этнической или социально-психологической принадлежности.

Социальные антропологи давно отмечали высокую взаимосвязь между человеком, его семьей и его домом (Ingold, 2002). А. Ланг в своих работах задавался вопросом, что же представля-

ет собой действительный предмет исследования: дом, развивающийся с семьей, или семья, которая развивается вместе с домом? Независимо от того, что происходит раньше или позже, семья получает надлежащий дом, соответствующий индивидуальности членов семьи (Lang, 1993). «Обычно люди склонны выражать удовлетворение своей домашней средой, а проблема “неприспособленности” может быть “решена” через... изменение домашней среды, изменение образа жизни и поведения и т.д.», отмечал видный исследователь жизненных сред А. Рапорпорт (Rapoport, 1985. P. 278).

Действительно, со временем жизненные обстоятельства, такие как рождение ребенка, брак, безработица, выход на пенсию, смерть, меняют физическую среду и жизнь семьи (Case, 1996). Все эти события, отражающие этап семейного жизненного цикла, сопровождаются изменениями в доме как в физической среде и, в свою очередь, изменяют смысл восприятия дома его обитателями и всей семьей в целом.

Современные исследователи семьи меняют ракурс ее понимания от «делания» (doing) к «бытию» (being); и потому следующий шаг в определении семьи – это видение ее как пространственного явления (Luzia, 2010). В самом деле, семья складывается в некотором месте и времени. Именно дома близость пространственная (proximity) задает эмоциональную близость (propinquity), т.к. для последней должен возникнуть совместный опыт, который нарабатывается в простых повседневных привычках – ритуалах сна, пищевого поведения, других естественных отправлениях (Hall, 2012). То же явление с другой стороны выглядит как эмоциональное отчуждение при физическом отделении, будь то личная вместо супружеской спальня или отдельный холодильник. Дом – это именно та среда, которая служит поставщиком огромного количества повседневных ситуаций, стимулирующих или, наоборот, ослабляющих проявления любви к ближним во всех возможных формах. «Несмотря на то что дом признан ключевым пространством семьи и детей, очень немного известно о том, каким образом дом оказывается первым и главным тренингом того, как нужно себя вести в семье и как нужно “делать семью”, причем не только для детей, но также и для взрослых» (Luzia, 2010. С. 365).

Связь предметного мира дома и семейных отношений как предмет исследования имеет «пунктирную» историю, прерываясь, однако не исчезая совсем. Одно из первых исследований в этой области продемонстрировало действительно тесную взаимосвязь между эмоциональной значимостью, которой члены семьи наделяют предметы домашней обстановки и личные вещи, и семейной атмосферой как таковой (Csikzentmihalyi, Halton, 1981). Семьи, в которых предметы обихода наделялись большим смыслом, имели более теплые и более тесные взаимоотношения. В полном соответствии с этими исследованиями, однако из другого ракурса видения, С. Зегерт показала, что решение о покупке дома или о переезде почти всегда связано со структурой и динамикой семьи, например с предполагаемым числом рождения будущих детей (Saegert, 1985). Подчеркивая неотделимость дома как пространства и дома как семьи, российские ученые В.Н. Куницына и Е.А. Юмкина используют термин «семейный уклад», определяемый как стабильная форма взаимоотношений членов семьи, направленная на сохранение целостности семьи и передачу ценностей от старшего поколения к младшему (Куницына, Юмкина, 2012). Исследователи подчеркивают, что семейный уклад наряду с составом и структурой семьи, межличностными отношениями и контактами с внешним миром включает в себя также и пространственную домашнюю среду.

В настоящем обзоре мы обратимся к созвучным нашей теме психологическим или междисциплинарным исследованиям, которые помогли бы понять, что именно в семье задано жилищем, в котором она обитает, как семья обживает и обустроивает свой дом, каким ценностям он подчинен и какие следствия это имеет для членов семьи.

3.1.1. Дом в традиционных кочевых культурах

Поскольку дом и семья современных представителей западной культуры отличаются необыкновенным разнообразием и дифференцированностью, с акцентом на признании приватности существования, в том числе и внутри семьи, обратимся вначале к антропологическому исследованию образа жизни одной из традиционных культур, где индивид, семья и со-

общество психологически и пространственно не разделялись. Интересен пример восприятия частного пространства в бытописании жизни казахского общества – людей доиндустриального общества с коллективистическим мышлением, в котором «мы-идентичность» превалирует над «я-идентичностью» (Наумова, 2014).

Типичный казахский «дом» – это юрта, шатровое круглое жилище размером от 10 до 20 кв. м, в котором жили 5–6 человек. В центре находились очаг и кровать, сундуки и домашняя утварь были расставлены вдоль стен. Внутренних перегородок в юрте нет, отдельного места для членов семьи не предусмотрено, и потому личная жизнь каждого проходила на виду у всех. Наиболее выразительны два повседневных аспекта жизни семьи – это сон и пищевые ритуалы.

Случалось, что в юрте жили несколько семей, и тогда богатые казахи отделяли кровать молодоженов с трех сторон плотными занавесками. Однако часто семьи имели весьма причудливую структуру: в одной юрте могли жить несколько брачных пар, родители и взрослые дети или, например, три вдовы одного хозяина и женатый сын старшей вдовы. Дети обычно спали тут же, на полу. Полный контроль каждого члена семьи над каждым делал невозможными супружеские измены и затруднял ухаживание: ночные свидания парня и девушки могли происходить и в родительской юрте девушки, после того как ее родители уснут, соблюдая осторожность, чтобы не разбудить мать девушки, спящую с ней в одной кровати. Такое устройство семьи делало практически невозможными альянсы, противоречащие семейным ценностям, укрепляя клан в целом и поддерживая иерархию: старшие на кровати, дети на полу. В то же время овдовевшие и осиротевшие члены семьи могли не беспокоиться о своей судьбе, поскольку в семье о них заботились.

В домах первых оседлых казахов подобное положение сохранялось: супруги спали за печью или в отдельной комнате, маленькие дети находились с ними, а остальные дети спали в другой комнате на полу, за исключением старшей дочери, которая, как правило, не ложилась с другими детьми, а спала на диване или кровати и, если была возможность, в отдельной комнате. Таким образом, если супруги все же располагали минимальным личным пространством, то остальные члены семьи,

как правило, не имели его вообще; бабушки часто спали вместе с внуками.

Что давало такое пространственное устройство для «духа» семьи? Прежде всего – сильное ощущение общности, неразрывного родства с широким кругом родственников (*Мы-идентичность*). Если потребность в личном пространстве и возникала, ею пренебрегали в случае противоречия с коллективными ценностями семьи. Вполне могло случиться, что к только что женившемуся брату родители присылали другого брата с его собственной женой и селили их в одной комнате, чтобы первый не чувствовал себя оторвавшимся от родни. Как правило, чувство принадлежности превалировало над потребностью в приватности, причем ощущение, что ради семьи приноситя некоторая жертва, при этом не возникало.

Еще один интересный феномен, типичный для традиционных коллективистических культур, – это т.н. высокий «порог стыдливости». Современные люди с сильным Эго считают естественные отправления организма, включая пищевые привычки, приватной сферой, а люди традиционных культур чувствуют себя частью единого организма, «коллективного тела»: для них нет ничего стыдного ни в самих отправлениях, ни в разговорах о них. Демонстрация обнаженности, отсутствие брезгливости и понятия приличия типичны для многих традиционных культур. Например, О.Б. Наумова описывает выразительный старинный киргизский застольный ритуал асату, который сейчас уже не практикуется: когда старший киргиз уже был сыт, остаток пищи из своей чашки он руками вкладывал в рот избранного младшего члена семьи, который не имел права отказаться и чувствовал себя польщенным расположением главы семьи. Смысл этого обряда состоял в поддержании подчинения семье, сохранении ее иерархической структуры с одним агентом принятия решений и высокой солидарностью, что помогало выжить в условиях опасностей и дискомфорта (Наумова, 2014).

Другой трапезный ритуал состоял в том, что после еды пальцы следовало вытереть о скатерть или облизнуть, а туркмены также втирали жир с пальцев в руки, лицо, сапоги, волосы, в бороду или усы. Это достаточно интимное действие давало понять гостям-сотрапезникам, что они теперь уже «вписаны» в семью.

Неразделение коллективного и личного проявлялось также и в чередовании сна и пищи в затянувшейся трапезе – кто-то мог уснуть рядом с очагом (дастарханом), и это не воспринималось как обидный уход от общения – просто человек отдыхает, чтобы затем вновь вернуться к общению. Сон в присутствии других – это также лестная демонстрация своего абсолютного доверия хозяину, ибо во сне человек уязвим больше всего.

Как ощущали себя люди, жившие в таких бытовых условиях? *«Не надо было иметь свой закуток, отделяться ото всех. Не было потребности. Все стремились делать работу вместе, жить вместе, быть всегда рядом. И испытывали большой комфорт от этого. Родители, когда ездили в аул или ходили в гости, подпитывались этим чувством единства. Поэтому готовы были делиться пространством с гостями или племянниками, которые приехали учиться в город и жили у нас по году-два запросто. Отец просто зазывал всех в дом, не экономил на еде, не прятал ничего, всем был готов делиться и делился – деньгами, одеждой, посудой, мебелью – запросто, если кому-то что-то нужно. То есть пространство не было изолированным, как ячейка. Оно было единым, легко расширявшимся и растяжимым»* (Наумова, 2014. С. 85–86).

В настоящее время частное пространство становится одной из ценностей современного казахского общества, и это связано с трендом на индивидуализацию: молодежь уже не хочет поступаться своими интересами и осознают свое право на личные переживания, суждения, выбор жизненного пути и т.п. Различается и отношение к приватности: в старшем поколении потребность в частном пространстве, как физическом, так и психологическом, гораздо слабее, чем у их детей и внуков. Это влечет за собой ослабление роли семьи как психологического ресурса для молодого поколения, роль которого начинает играть «большой социум».

Таким образом, семейные привычки и устройства дома соотносятся друг с другом, и изменение типа жилища влечет за собой изменение семейных ценностей и стиля поведения в семье. Ниже, в эмпирической части исследования на российской выборке, мы увидим, что отсутствие / наличие приватности как качество жилища и подчинения семье как части стиля жизни семьи действительно связаны друг с другом.

3.1.2. Дом, семья и приватность

Исследование связи семейного стиля и пространственного устройства дома в западной культуре (США) было проведено в 1970-е годы американским психологом И. Альтманом, известным своими работами в области изучения приватности (Altman, 1975). Альтман постулировал, что социальные связи внутри семьи - основные образцы (facets) семейного функционирования – могут быть осознаны и поняты только исходя из того, как члены семьи используют домашнюю среду. Пространственное поведение внутри семьи в его исследовании маркировалось привычками стучать в дверь и открывать / закрывать двери. Это вполне объективные действия, которые легко наблюдать и фиксировать. Кроме того, процедура исследования включала опросник из 330 вопросов исключительно о поведенческих проявлениях (в отличие от чувств, восприятия и установок) вокруг использования кухни, ванной и спальни, частично затрагивая уважение к приватности и территориальное поведение. В опросе участвовало 147 мужчин в возрасте 18–20 лет.

Оказалось, что в каждой американской семье 70-х существовала контролируемая и неконтролируемая площадь; можно было установить, кто предпочитает держать дверь закрытой или открытой, кто стучит, кто (и к кому) входит без стука, а также как и где члены семьи проводят досуг. Обычно женщины в кухне отвечали за еду, а мужчина сидел в углу; но размещение не было жестко фиксировано, зависело от присутствия гостей или менялось в случае еды в одиночку.

Оказалось также, что механизмы приватности были больше связаны с использованием ванны и спальни, а не кухни. Было обнаружено, что открывание-закрывание дверей больше зависит от интимности деятельности, чем от внутрисемейного статуса человека, а стук в дверь соответствует мере уважения, и чаще стучат в дверь к сестрам или родителям, чем к молодым мужчинам и подросткам.

Использование спальных комнат, которые в США представляли собой просто отдельную, личную комнату для занятий разного рода, обнаружило глубокую связь приватности и социального контакта: так, двери закрывают для сна, отдыха, учения, а также принимая близких гостей. Треть опрошенных не закрывали двери вообще. Все члены семьи держат дверь за-

крытой чаще, находясь внутри, чем снаружи, а родители и братья открывают свою дверь чаще, чем сестры. Входя, чаще всего стучат в дверь родителям, реже – братьям, а сестры по уважению их приватности занимают промежуточное положение. В то же время относительно стука в дверь просматриваются и кросс-гендерные закономерности: больше уважения проявляется к сиблингам или родителям противоположного пола.

Изучение использования физических барьеров показало, что члены семьи устойчивы в проявлениях «открытости» и «закрытости» дверей в различной деятельности, то есть у них возникают привычки. Члены одной семьи похожи в своих проявлениях открытости-закрытости друг на друга. Открытость /закрытость дверей спальни (доступность, *accessibility*) связана с большей информированностью о жизни семьи, а также с перекрытием ролей (*overlapping*) внутри семьи и естественным распределением обязанностей. Следовательно, использование личной спальни может быть рассмотрено как ключ к поддержанию семейного климата (*ecology*).

Другие участки домашней среды тоже маркировали определенные характеристики семейного взаимодействия: если семья и гости едят на кухне, это свидетельствует о большей неформальности отношений (равно как и открытость ванной). Еда на кухне ассоциируется также с разделением домашнего труда (обязанностей). Владение отцом отдельной, помимо общей с матерью, спальни говорит о его большей дистанцированности от семьи, формальности в отношениях с другими членами семьи. И вообще, чем выше доступность комнат для других, тем выше открытость семьи в целом.

Основываясь на своих наблюдениях, И. Альтман выделил два типа средового семейного поведения. Тип А – это открытый, неформальный, социально активный стиль семьи: двери открыты, отдельные комнаты доступны для других членов семьи, мало межличностных барьеров, члены семьи вместе выполняют домашнюю работу и знают о том, что происходит в доме. Едят обычно на кухне, входят друг к другу без стука, активно обсуждают хорошие или плохие новости и стремятся посадить родителей на противоположные концы стола.

Тип В обладает противоположными характеристиками, здесь отмечается присутствие границ: двери закрыты, отдель-

ные комнаты недоступны. Едят обычно в столовой, причем отец сидит во главе стола, а мать – на углу или посередине, что свидетельствует об эксклюзивности положения членов семьи.

Результаты Альтмана вполне согласуются с более ранними выводами А. Зиммеля (Simmel, 1973), который также различал открытые и закрытые семьи в их отношении к приватности. Закрытые семьи, преимущественно проживающие в больших городах, не ходят в гости без приглашения, что позволяет им сохранить социальную идентичность в условиях гетерогенности урбанизированного образа жизни. Открытые семьи, проживающие в маленьких городках или сельской местности, где выше гомогенность социальной среды, напротив, чаще используют внешний, чем внутренний, контроль над поведением. Взрослые члены семей подобного типа позволяют другим людям воздействовать на собственных детей.

Интересен «советский» вариант изучения влияния приватности на семейное взаимодействие. В исследовании К. Лийк (1985), проведенном в Эстонии, наблюдалось 98 брачных пар с детьми, живущих преимущественно в 2–3-комнатных квартирах, где среднее число людей на одну комнату составляло 1,6, т.е. большинство не имело отдельной комнаты. Оказалось, что более половины опрошенных не удовлетворены своими жилищными условиями (мешают остальные члены семьи, нет возможности отделиться), что переносится и на стиль взаимодействия в семье. Согласно полученным результатам, на удовлетворенность влияет не плотность населения и не размер площади, а возможность уединиться, и чем больше стаж брака, тем чаще при возможности комнаты используются индивидуально.

В России в рамках подготовки магистерской диссертации под руководством проф. Н.Н. Толстых проведено интересное исследование удовлетворенности браком в связи с привязанностью к дому и образом дома (Силаева, 2018). Изучались 60 московских супружеских пар в возрасте от 24 лет до 61 года со стажем брака от полугода до 34 лет. Все семьи состояли в зарегистрированном, причем первом, браке и проживали в собственном (не съемном) жилье. Выборка была разделена на две группы: семьи, проживающие вместе с родителями, и семьи, проживающие отдельно от родителей. Оказалось, что, несмотря на отсутствие значимых различий в уровне удовлетворенности

браком и в отношении к дому, связи удовлетворенности браком с параметрами домашней среды образуют совершенно разные паттерны. Так, в семье супругов, проживающих на территории родителей, удовлетворенность браком положительно связана только с Ресурсностью домашней среды. А в семьях, живущих отдельно от родителей, таких связей намного больше: не образуя никаких связей с параметрами Функциональности домашней среды, удовлетворенность браком сопряжена с Управляемостью, Ресурсностью, Самопрезентацией, Пластичностью домашней среды и с Привязанностью к дому. Таким образом, семьи, которые сепарировались от родительских семей, умеют использовать свой дом как ресурс поддержания супружеских отношений. В семьях, не сепарировавшихся от родителей, уровень удовлетворенности браком не ниже, однако поддерживается он не за счет качеств собственного дома, а благодаря иным, не изученным в работе ресурсам. Таким образом, удовлетворенность супружеством действительно связана с домом как пространством, особенно, если это свой дом.

Наблюдения за современными тенденциями в дизайне квартир и содержанием ремонта, впрочем, говорят о том, что тенденция к выделению отдельной комнаты в условиях скученности сейчас меняется на предпочтение просторных многофункциональных комнат-студий, объединенных с кухней, что отвечает образу жизни многих молодых интеллектуальных семей, профессиональная жизнь которых происходит в свободном режиме, и, с одной стороны, потребности в уединении оказываются удовлетворены, с другой же – наблюдается пересечение семейной и профессиональной сфер жизни.

Как бы то ни было, проанализированные исследования из разных дисциплин говорят о том, что дом как физическое пространство и дом как семья, безусловно, связаны друг с другом и подстраиваются друг к другу. Структура каждой семьи предполагает наличие совершенно определенного дизайна, который ей подходит, и может переживать кризисы дисфункциональности, оказавшись в неподходящих жилищных условиях. С другой же стороны, функциональная семья адаптирует к себе жилище, в котором находится, и через систему гласных и негласных правил учится управлять этим пространством для решения жизненных задач всех членов семьи. Как это происходит

у современных молодых россиян, исследуется в следующих параграфах этой главы.

К настоящему времени собран также богатый материал о межкультурных различиях в переживании приватности. Так, например, в Бразилии отмечается очень низкий уровень приватности: большинство дел осуществляются на глазах других, в Северной Африке, на островах Бали и Ява присутствуют свои особенности. Исследования в Израиле показывают, что в этой стране очень силен фактор места (не покидать свой дом – существенный мотив жизни граждан Израиля), возможно, потому, что они долго не имели собственной земли.

3.1.3. Дом, сепарация и объединение в семье

Более частные исследования также показывают, что семейные процессы, в т.ч. сепарация-объединение, также требуют изменения устройства дома или отражаются в этих изменениях. Например, интересны обычаи и правила, существующие у голландских подростков студенческого возраста, которым пришла пора поступать в университет (Cieraad, 1994). В голландских семьях принято, что подрастающие дети начинают жить отдельно от родителей даже до того, как заведут собственную семью и вступят в брак, – это считается полезным опытом для того, чтобы стать гармоничной, независимой и зрелой личностью. Если раньше дети имели возможность обзавестись собственным хозяйством, только вступив в брак, то сейчас это происходит раньше, в силу возрастания потребности детей в личном пространстве и независимости. Эта тенденция началась среди студентов в конце 1960-х: в университетском городе они начали предпочитать меблированным комнатам жилье с кухней и возможностью готовить. Для большинства современных европейских городских жителей последовательная смена домов, с постепенным улучшением бытовых условий, является обычным представлением о будущем, а решение остаться в родительском доме и даже в родном городе – скорее исключение. Даже сыновья фермеров, традиционно наиболее оседлая группа населения, уезжают в другие страны в поисках лучших условий. Дети, живущие в родительских домах, зачастую испытывают сожаление, что окружающая их материальная среда создана

не ими. Этот интересный феномен сочетается с многократно проявляющимся в группе российской молодежи эмпирическим фактом, что такой изначально благотворный дескриптор домашней среды, как ее Пластичность, нередко проявляет себя как антипредиктор психологического благополучия или морального развития – очевидно, в силу того, что дом не только создан родителями, но еще и может быть, зачастую непредсказуемо, изменен ими же, – это не влечет позитивных последствий для юных обитателей.

Переезд выпускника в город, где располагается университет, является очень важным шагом, признаком независимости, «точкой невозврата». Даже если он не поступает в университет или исключается, он уже не возвращается в родительский дом: «провалиться в университет стыдно, но неудача с тем, чтобы жить независимо, – провал гораздо больший» (Cieraad, 2010. P. 87).

Будущие студенты примерно за год начинают готовиться к созданию дома в новом месте. Девочки-подростки начинают собирать нужные вещи, мебель. Если пожилые прародители отправляются в дом престарелых, их домохозяйство расформируется, и часть имущества может отправляться на хранение в ожидании того, что их внуки используют его в своем студенческом жилище. Материальное создание дома включает не только аренду, обстановку и украшение комнаты, но также и создание правильной предметной среды, включающей необходимые приспособления для готовки, питания и мытья посуды. Комната в меньшей степени воспринимается как дом, если материальные условия плохие, например когда приходится жить в комнате, обставленной арендодателем, с неудобной кухней или грязной общей ванной комнатой. Создавая свое материальное хозяйство, в Нидерландах будущие студенты формируют новую социальную идентичность независимого гражданина. Это отличается от жизни студентов в других странах, например в Великобритании, где студенты преимущественно снимают комнату в колледже, освобождая ее после каждого курса и возвращаясь в родительский дом на каникулы; кроме того, питание студентам обеспечивается обычно либо их матерями, либо столовой. Голландские выпускники начинают заниматься поиском жилья за несколько месяцев до начала учебы, обычно вместе

с родителями, вкладывая много усилий в то, чтобы комната была хорошо обставлена, кухня экипирована, а жилье стало персонализированным и превратилось в дом. Они приобретают не только микроволновку, но также холодильник и телевизор, однако не стиральную машину, т.к. стирка обычно производится по выходным у родителей. Таким образом, повседневные рутинные практики, задавая контекст домашней среды, диктуют социальную близость / дистанцированность в семье, с одной стороны, стимулируя самостоятельность, с другой же – предохраняя от излишних бытовых конфликтов.

Французский социолог Ж.-К. Кауфманн (Kaufmann, 1992) описывает, как новые пары организуют свои отношения через достижение соглашения в, казалось бы, тривиальных практиках – не только в определении чистого и грязного, но и, например, в глажке – следует ли гладить джинсы и футболки. Первичный уровень материального создания дома хорошо виден на современных парах. При организации общего дома они должны примирить не только свои семейные сценарии и образы родительских домов, но также и результаты создания тех отдельных домов, в которых до брака жили в одиночестве. Чтобы избежать территориальных конфликтов, обычно пары, съезжаясь, ищут новое жилье, более просторное и подходящее для их разделенного хозяйства. Если раньше человек, вступая в брак, перемещался из родительского дома в супружеский и на этом его переезды заканчивались, то сейчас разделенное хозяйство имеет более сложную структуру. Его сложность обостряется в момент расхождения пары и необходимости делить имущество, а также просто ввиду стремления к идеалу гармонии, связанному с домом. Идеал разбивается о реальность, когда приходится искать компромиссы в стиле и вкусах (например, убирать из столовой стулья, потому что они оскорбляют вкус партнера), или вынужденно смириться со смешением стилей. Конфронтация может возникать на любом уровне ведения дома, особенно если имеют место различия в социальном или этническом бэкграунде супругов. Внешним наблюдателям обычно заметнее компромиссы на материальном уровне, чем на уровне практик.

Современные пары более чем когда-либо привыкли договариваться обо всех аспектах взаимоотношений. Если раньше,

например голландские правила касательно браков были очень определенными (невеста приносила в дом постельное белье и все ткани и занималась всеми делами по дому, а жених обязан был обеспечить дом мебелью и финансами для ведения хозяйства), то сейчас процессы расстановки мебели, украшения дома, финансового обеспечения, домашних дел становятся все более разделенными между партнерами, хотя некоторые области по-прежнему остаются гендерно-специфичными – например, стирка по-прежнему остается женской работой.

Ментальное создание дома следует за материальным, оно служит живой «сертификацией» материальных условий. Для студента оно отражает дискурсивный переход от родительского дома к новому созданному арендуемому дому. Посещение родителей на выходных актуализирует эту разницу, побуждая студентов как-то называть прошлый и нынешний дом. Голландские студенты формулируют, например, так: «Поеду в Гронинген», или «Поеду к родителям», или, в случае развода родителей, «поеду к отцу / матери». Некоторые студенты недавно стали использовать выражение «*this-thuis*» (буквально «домой-домой»), где удвоение указывает на сильную привязанность к родителям и дому, что отличает нынешнее поколение студентов от поколения 1970-х, которые были менее привязаны к родителям. Дети в разведенных семьях обычно имеют свою комнату и в жилище отца, и у матери; в целом склонны предпочитать пространство матери, хотя подобных исследований мало.

Исследование британских студентов показывает различие не только представления о прошлом (родительском) доме и нынешнем (временном), но также и выделение будущего дома как воплощения мечты (van Engelsdorp Gastelaars, 2000; Cieraad, 2010). Этот образ аналогичен образу будущего дома у голландских студентов и содержит не только образ более комфортного, просторного, дешевого, хорошо расположенного жилья, но такого, который можно разделить с любимым и с детьми.

Когда студентам предлагается описать свой идеальный дом в будущем, все они выбирают одну из двух ситуаций: либо ближайшее будущее, с городским жильем, в котором они живут с партнером, либо отдаленное будущее, с жильем в сельской местности или пригороде, где они растят детей. Второй об-

раз часто очень напоминает описанный ими образ родительского дома из детства – такого дома, в котором они росли и где так замечательно играть. Эти данные хорошо согласуются с выделением по крайней мере четырех аспектов образа дома у российских респондентов: архетипического, повседневного, динамического и воображаемого (Бочавер, 2015). Можно предположить, что они могут быть соотнесены и с разными образами семьи – архетипическим, повседневным и пр.

Об этом же говорят следующие результаты: поразительно, как сильно воспоминания о прошлых домах взаимодействовали с будущими фантазиями студентов на тему дома. Например, студент мечтал о создании большой семьи, чтобы дома жили не только жена и дети, но также его разведенные родители. Стремясь восстановить прошлое своей разрушенной семьи, он хотел воссоединить своих разведенных родителей в своем будущем семейном доме и подарить своим детям одну счастливую расширенную семью. Молодой человек был настолько озабочен своей фантазией воссоединения, что забыл включить в свой жилищный план родителей будущей жены. Таким образом, он проиллюстрировал прочную личную и психологическую связь между воспоминаниями и проекциями, причем его фантазии – не только продукт индивидуальной истории, но также отражение культурных представлений и идеалов. Дом является и местом, и сетью отношений. Смерть, утраты, болезнь в воспоминаниях больше, чем счастье и благополучие, влияют на восприятие дома как места, а воспоминания о счастливом доме менее локализованы в пространстве и больше связаны с событиями и теплыми взаимоотношениями с родителями, братьями, сестрами и другими родственниками.

«Дом», таким образом, изначально является многослойным концептом. «Съездить домой на уик-энд» – сложная конструкция, содержащая в себе отсылки не только к прежнему устройству семейной жизни, дому и объединению семьи, к прошлым социальным связям за пределами самого дома, – например соседям, встрече со школьными друзьями, вечерним походам на дискотеку. При этом «значимость» событий прошлого не тождественна «позитивности», речь может идти и о возврате к конфликтам и напряжению. Как бы то ни было, дом задает семейные отношения, а изменение семейных отношений, без-

условно, влечет за собой обновление дома как пространства жизни.

3.1.4. Дом как собственность: приобретение дома

Еще одно ключевое для взаимодействия дома и семьи событие – это покупка дома, которая представляет собой серьезное финансовое вложение, важный шаг на жизненном пути, показатель социального статуса владельца, а также способ получить капитал (Vlaauboer, 2010). Это важный аспект качества жизни людей, особенно в западных культурах, где процент людей, арендующих квартиру в течение многих лет, весьма высок. Покупка дома – это признак зрелости семьи, и в этом западные культуры также отличаются от российской, где нередко дом покупается всей семьей или родителями молодого человека.

В Голландии жилища, в которых живут их владельцы, обычно лучшего качества, чем съемные, и расположены в хорошем районе. Исследования показывают, что финансовые возможности мужчины обычно более существенны для того, чтобы стать домохозяевами, чем ресурсы женщины, и после развода женщины чаще переезжают, чем мужчины. В силу различия вкладов мужа и жены в покупку дома они по-разному могут диктовать свои условия, принимая решения о доме и переезде, а также о том, что происходит с домом после расторжения союза, например о том, кто именно остается в нем жить. Прерывание владения домом (*disruption in the housing career*) сильно влияет на качество жизни разведенных женщин и одиноких матерей. В главе 6 мы подробно рассмотрим, как люди строят свои отношения с домом в случае распада семьи и разных других драматических изменений структуры семьи, а пока остановимся на обстоятельствах жизни нормативных семей.

Многие факторы влияют на форму владения домом, в силу чего становится понятно, что проблема обживания собственного дома и взаимодействия с ним вообще актуальна лишь для некоторой части популяции. Рассмотрим те фильтры, проходя через которые человек становится собственником дома.

1. Ресурсы. Доступность финансовых ресурсов – доход и имущество. Банки охотнее дают ипотеку более образованным

людям, поскольку их доход хотя бы потенциально в будущем выше.

2. Жизненный контекст приобретения дома. В Нидерландах оформление собственности на дом предполагает расходы до 10 % от стоимости дома, и продать его без финансовых потерь можно только через несколько лет. Люди стараются приобретать дома, находясь в стабильной жизненной ситуации – имея стабильную работу и стабильные отношения. Одиноким людям реже владеют домами, чем парам, а пары (в зарегистрированном браке или в сожительстве) – чаще, если у них есть дети.

3. Семейный бэкграунд. Дети и родители похожим образом относятся к дому как к собственности: во-первых, родители, имеющие свой дом, часто помогают детям финансово, деньгами или беря кредит, во-вторых, выросшие в собственных домах дети также предпочитают иметь собственный дом, что является признаком социального статуса, и дети хотят достичь не меньшего статуса, чем их родители. Структура семьи влияет на разные аспекты жизни ребенка, в том числе на возраст покидания дома и образование собственной семьи. Если родители развелись, это обычно снижает количество ресурсов и затрудняет финансовую помощь родителей детям; кроме того, дети разведенных родителей предпочитают арендовать жилье, а не приобретать собственное, прогнозируя распад отношений.

Пары обычно имеют двойной доход, что делает покупку ими дома вероятнее. В то же время, если один из партнеров теряет работу, выплата двойного кредита становится недоступной. Пары часто приобретают дом с расчетом на образование семьи, женщина может планировать снижение своей занятости, и кредит берется под доход партнера мужского пола. Позиция мужчины на рынке труда важнее для того, чтобы пара стала собственниками дома, таким образом, оказывается важным его уровень образования и потенциальный доход. Образование женщины, которая планирует детей и снижает занятость, менее значима как для банков, дающих кредиты, так и для самой пары. Женщины в среднем имеют ниже доход, потому что занимают менее высокооплачиваемые должности и чаще работают не на полную ставку. В то же время женщины обычно поддерживают более тесную связь с родителями, что повышает вероятность финансовой поддержки родителями дочерей по

сравнению с сыновьями. Семейные проблемы также сказываются на них сильнее, например дочери разведенных родителей позже покидают дом. В среднем женщины предпочитают партнеров на несколько лет старше них, поэтому женщины в парах становятся собственницами дома в несколько более молодом возрасте, чем мужчины.

Одинокие собственники домов не образуют гомогенную группу, так как разведенные и вдовы отличаются от тех, кто никогда не был в браке. Поскольку владение домом часто связано с наличием детей или их планированием, одинокие люди часто откладывают покупку дома до появления стабильных отношений с человеком, с которым вместе они могли бы купить дом. Находясь в сильной финансовой зависимости от дохода партнера и своих родителей, женщины, как уже отмечалось, после развода чаще выезжают из собственного дома.

С точки зрения вероятности приобрести дом больше шансов имеют более обеспеченные и образованные люди, особенно – имеющие собственное дело. Эту вероятность повышает наличие детей, а также наличие обеспеченных родителей. Шансы приобрести дом у одиноких людей значительно ниже, чем у пар с детьми, причем среди одиноких вероятность приобрести дом среди женщин на 30% ниже, чем среди мужчин. По сравнению с людьми, никогда не бывшими в браке, вероятность стать собственником дома выше среди разведенных и овдовевших людей и среди одиноких родителей (Blaauboer, 2010).

Таким образом, семья и дом связаны еще и узами собственности, которые вносят нюансы в семейный уклад, в чем-то консолидируя семью вокруг собственного дома.

Покупка дома является непростым семейным решением, это не только финансовая транзакция, но и социальный акт. Помимо ориентации на финансовые рамки и принятые в сообществе стратегии выбора дома, семья, готовясь к покупке, осуществляет внутренние «торги» и ищет компромиссы, справляется с эмоциями, обращается за помощью к разнообразным людям (риелторам, членам расширенной семьи, коллегам и друзьям), так что покупаемый дом является не просто результатом саморегуляции семьи. Новозеландские исследователи, моделируя принятие решения семьей в процессе покупке дома на основе глубинных интервью с недавно приобретавшими жилье семья-

ми и специалистами по недвижимости, получили много интересных фактов относительно того, какие процессы переживает семья в ходе переезда.

Кларк и коллеги (Clark et al., 2006) обсуждают два основных мотива к перемене места жительства: «мотив равновесия» и «мотив неудовлетворенности». Подход равновесия содержит сравнение текущей пользы дома с той пользой, которую принесет новый дом. Подход неудовлетворенности рассматривает переезд как результат недовольства текущим жильем. Триггером для переезда могут служить различия между актуальными и желаемыми характеристиками, причем эти различия зависят от возраста, пространства дома, дохода и статуса семьи.

Современные исследования исходят из «парадигмы жизненного пути», согласно которой изменения в «композиции домовладения» тесно связаны с изменением занятий, которые, в свою очередь, влияют на ведение дома и его использование, так что возникает «траектория домоводства» (housing career). Зачастую экономические модели, описывающие выбор жилья, характеризуют индивида как максимизирующего пользу дома. В то же время М. Мунро (Munro, 1995) отмечает еще по меньшей мере две «несокращаемые» пользы, а именно удовольствие и мораль, поэтому принятие решения часто сопровождается внутренним конфликтом. Решения принимаются в первую очередь на основе ценностей и эмоций, они не «рациональны» в экономическом смысле слова, а субъектом принятия решения о покупке дома является не индивид, а социальная группа (совместно живущие люди, сверстники, этническая группа) (Levy et al., 2008).

Кто фактически выбирает дом? Тот ли, кто его оплачивает? Прежние представления о гендерных различиях, состоящие в том, что мужчины в приобретении дома больше ориентированы на статус, а женщины на семью (Madigan et al., 1990), сменяются идеей о конфликте между семейным и статусным образом дома, который выглядит по-разному у мужчин и женщин и различается в разных странах (Dowling, 1998). Риелторы описывают покупающие дом семьи как стандартные нуклеарные семьи (муж, жена и дети), отмечая, что мнение мужчины имеет больший вес в финальном выборе, но активность женщины более важна при торгах и на начальном этапе поиска (например, это женщина чаще звонит риелтору и осматривает

дома). Когда женщина находит дом, который ей кажется «подходящим для семьи», она побуждает мужа посмотреть на это жилье. Хотя такая организация покупки дома мотивируется высокой занятостью мужчин, не имеющих много времени на осмотр домов, фактически она означает, что именно женщина фильтрует информацию в соответствии с собственными предпочтениями, нивелируя влияние мужчины на выбор дома.

Таким образом, и владение домом, и процесс его покупки, и даже сам процесс сделки отражают отношения между потенциальными собственниками дома, меру их доверия друг другу и воспринимаемые ими перспективы совместной жизни. Точно так же отсутствие собственного дома или прокрастинация решения о его покупке весьма диагностичны в аспекте семейной системы.

3.1.5. Дом как фасилитатор психотерапевтических процессов

Еще один интересный ракурс дома появляется в процессе психотерапии «на дому», когда повседневные практики включаются в работу психотерапевта с обитателями дома, следуя введенному М. Эриксоном «принципу утилизации» (Эриксон, 2000). Все аспекты и физического жилья, и семейных ритуалов могут включаться в процесс, становясь техниками воздействия, и это происходит сразу же, как только специалист заходит в дом.

Так, психотерапевт может интересоваться, где комфортнее проводить встречу – на кухне, в гостиной или во дворе, снимать ли обувь при входе в дом. Это информирует его о том, насколько семья дорожит своими правилами, ригидны они или гибки, в чем состоит их смысл, а также помогает терапевту продемонстрировать уважение к убеждениям и привычкам семьи клиентов. Нужно дождаться, когда кто-то из членов семьи пригласит терапевта в помещение для работы, чтобы его визит не воспринимался как инспекция органов опеки.

В дальнейшей работе могут быть разные сценарии, связанные и с пространством дома, и с семейными привычками и ритуалами.

Физическая среда. Первый пример: психотерапевт похвалил вкус декоратора в хорошо обставленном помещении, спросил, кто же этим занимался. Оказалось, что это хозяйка; признание

ее умения оформлять интерьер вызвало у нее удовольствие и гордость, и она охотно показала остальную квартиру, что способствовало присоединению (joining) терапевта. Другой пример: терапевт обратил внимание на развешанные по стенам студийные фотографии семьи, они с хозяином стали обсуждать обстоятельства съемок, хозяин продолжил экскурсию с рассказом о фотографиях, показал фруктовый сад, рассказал о напитках, которые они готовят из плодов, и все это способствовало установлению дружественных и комфортных отношений между хозяином и терапевтом. Третий пример: терапевт обратил внимание на то, что младшие дети смотрят по телевизору концерт музыкантов, а их сестра-подросток сообщает, что ей не нравится такая музыка: это позволило обсудить, какая музыка и певица ей нравится, посмотреть на комнату девушки, полностью посвященную этой певице, и установить хороший контакт.

Интерактивные игры. Если в условиях клиники психотерапевт может предлагать игру детям-клиентам, то на дому лучше отдать инициативу ребенку. Пример: младший подросток не участвовал в разговоре психотерапевта и матери, но начал в их присутствии играть в видеоигру; психотерапевт спросил, не возражает ли мальчик, чтобы он к нему присоединился, попросил второй джойстик, и они вели разговор между игровыми действиями в одной команде: это позволило мальчику чувствовать, что он сотрудничает со взрослыми, а не что взрослые обсуждают его, периодически запрещая ему что-то делать. Другой пример: психотерапевт включается в урок математики, который ведет мать четырех детей, практикующая хоумскулинг, перебрасывается шутками с детьми и матерью, в результате чего отношения между ним и семьей становятся менее настороженными, а мать благодарит его, говоря о том, что он единственный из всех приходящих специалистов сумел войти в контакт с ней и ее детьми.

Еда и напитки. Нередко хозяева предлагают терапевтам что-то съесть или выпить в качестве акта гостеприимства и попытке растопить лед, и хотя обычно психотерапевты по разным причинам не едят в домах клиентов (предпочитают вегетарианскую пищу, опасаются за чистоту посуды и т.п.), иногда принятие приглашения может оказать терапевтический эффект. Пример: на каждой встрече терапевту предлагали выпить холодный на-

питок, он вежливо отказывался, а когда наконец согласился, муж и жена очень обрадовались, сказав, что это позволило им чувствовать его как равного, а не как фигуру власти; по окончании терапии они говорили о том, что чувствуют, будто теряют члена семьи. Другой пример: участие в ритуале семейного ужина, когда все члены семьи собираются за столом, позволило говорить о семье в целом, о том, как она выглядит для участников, какие небольшие изменения они могут наблюдать. В целом, преломляя хлеб вместе с клиентами, психотерапевт показывает им, что он живой человек, который становится частью семьи, а не ищет способов манипулировать ими (Reiter, 2000).

Эти короткие зарисовки помогают выделить те семейные ритуалы, которые становятся явными, если в них участвует профессионал, однако даже и вне присутствия психотерапевта они существуют, объединяя семью как социальную группу и дом как пространство.

3.1.6. Миграция и чувство дома

И, наконец, последний ракурс, из которого мы бы хотели рассмотреть дом как пространственно-социальный феномен, – это эмиграция. В конце XX века исследователи общества и культуры стали развивать взгляд на современную социальную жизнь и индивидуальный опыт как на подчиняющиеся глобальным движениям. Жизнь человека стала рассматриваться как протекающая в мире «потоков» и таких сообществ, где идентичность нестабильна и отделена от места, так что человек становится «бездомным». В то же время пространственные тропы и метафоры, в которых движение предпочитается привязанности, стали критиковаться за их нечувствительность к по-прежнему важному месту, жилищу, дому. Признание дуализма понятий мобильность / жилище привело к пониманию необходимости рассматривать дом и миграцию в комплексе, как взаимосвязанные и влияющие друг на друга явления.

Идентичность мигрантов обычно рассматривается через абстрактные пространственные тропы, такие как граница, *inbetweenness* (нахождение в промежутке), третий мир, *liminality* (переход) и др., однако группы мигрантов, транснациональные группы, диаспоры не живут полностью «внутри»

или «снаружи» определенной национальности, переживая свою идентичность как находящуюся «внутри и между», межкультурную, множественную и частичную (*multiple and partial*). Диаспору можно рассматривать как живущую между «утратой и надеждой» – имеющую коллективные воспоминания о другом времени и месте и в то же время создающую новые карты желаний и привязанности. Концепт мечты о доме (*homing desire*) отвергает идею, что диаспора сосредоточена только на желании вернуться в страну происхождения; А. Бра (Brah, 1996) подчеркивает двойственность, тройственность, множественность места дома (*multi-placedness of home*) для мигрантов. Таким образом, представление, что дом для мигрантов – это просто место, «оставшееся позади», дополняется представлениями о том, что дом может быть точкой назначения или каким-то еще местом.

Дом одновременно является и местом для жизни, и местом воображаемой принадлежности, однако в исследованиях редко рассматривается возможность материализации этого чувства, как правило – через ландшафты или предметы. Восстановление привычного ландшафта способствует поддержанию воспоминаний о доме и помогает перенести дом на чужую и далекую территорию (например, попытки перенести типичный британский пейзаж на территории колоний). В работах по исторической географии британского империализма обсуждается значение домашних предметов (*domestic belongings*) для того, чтобы осесть и репатриироваться, и утверждается тесная связь национальной идентичности с «чувством дома» (*domesticity*), причем важной частью обживания места (*homemaking*) современными мигрантами являются практики приготовления и употребления пищи.

К. Уолш (Walsh, 2006) предпочитает использовать термин «принадлежность» (*belonging*) взамен термина «чувство дома» (*sense of home*), подчеркивая динамическую составляющую – создание идентичности, то, что человек не принадлежит онтологически миру или какой-то группе, а скорее испытывает желание определенной привязанности – принадлежать или становиться частью какой-то группы.

Идея дома как простого выражения «Я» хозяина отклоняется, признается, что дом – это «процесс», а «одомашнивающие» (*domestic*) практики значимы для наделения дома смыслом

и значением. Они работают «в доме и на дом», и могут быть связаны с материальной структурой (как украшение, обновление), с деятельностью (как готовка, уборка, воспитание детей, уход за садом) или с психологическими, нарративными практиками (воспоминание, мечтание). Эти повседневные практики соответствуют, по М. Хайдеггеру, «building as dwelling» (Heidegger, 1971), они превращают пространство в личное и присваивают жилищу идентичность дома.

Исследование повседневной жизни британских экспатриантов показывает, посредством каких практик люди и их дома становятся подходящими друг другу. Так, были описаны приемы для превращения места в дом: обстановка со знакомыми вещами, вещами с историей (например, бабушкин стол) позволяют воссоздать на новом и первоначально чужом месте домашнюю обстановку – близкую, личную и уникальную. Интересно привычка экспатриантов обставлять детскую во всех съемных домах одинаковым образом (например, вешать одинаковые занавески), чтобы помочь детям быстрее обжиться.

Экспатрианты часто размещают на стене нечто напоминающее об Англии как географическом объекте – фотографию, карту или английский пейзаж. Это не только украшение комнаты, задающее атмосферу, но и мнемонический «якорь», закрепляющий географическую принадлежность хозяина. Такое изображение используется как простой и мощный маркер принадлежности. Но взятым из дома «на память» может быть и совсем другой предмет – например старая пластиковая миска – некрасивая и поцарапанная, которой никогда не пользовались дома, которая стоит не на виду и которая, однако, проехала тысячи миль до Дубая, потому что это подарок матери и напоминание о том времени, когда женщина жила вместе с детьми и много готовила. Дети выросли и живут отдельно, и для нее, даже если она вернется в Англию, дом останется потерянным пространством, но миска напоминает о том, каким он был. Третий типичный предмет, который может подтверждать принадлежность экспатриантов к их далекой стране, – диски с фильмами. Они выполняют две функции – интегрируют домохозяйство в культуру потребления современного общества, а также демонстрируют и подтверждают выбор индивидом его идентичности (Walsh, 2006).

Обдумывание домашней материальной культуры помогает осознать связи между отдельными досуговыми практиками и чувством себя на уровне тела, дома, сообщества, города, нации и мира. Сегодняшние гостиные становятся местом, где с помощью многих опосредованных форм «глобальное встречается с локальным» (Morley, 2000. P. 11). Диск с английскими фильмами становится способом приобщиться к англоязычной культуре в Дубае, где английские фильмы подвергаются цензуре. Возможность пересматривать кино неоднократно, не в одиночку, использовать сюжет из фильмов в разговорах вне дома позволяет подтверждать идентичность так часто, как это нужно. Одиноким экспатриантам совместный просмотр знакомого фильма позволяет испытать чувство принадлежности, которое, напоминает о доме; таким образом, то, что кажется на первый взгляд пассивным и ленивым отдыхом, представляет собой часть сложного процесса формирования идентичности.

Итак, анализ практик «домоводства» показывает, что «корни» являются не просто источниками, но активными мишенями принадлежности, объединяя прошлое, настоящее и будущее. Главный механизм поддержания преемственности идентичности – воспоминания о доме, а главный инструмент воспоминаний – рутинные домашние практики или предметы обихода, связанные с ними. Чувство принадлежности осложняется переездом, так что мигранты часто берут с собой имущество, предвосхищая желание вспомнить в ситуации дезориентации: предмет может помочь ощущать связь с родной страной; может содержать личные воспоминания и менять свои функции со временем; может одновременно вызывать в памяти прошлые дома, помогать конструировать нынешний, проектировать будущий. Согласно А Фортье (Fortier, 2003), память и воспоминания – это движения привязанности, «путешествие между домами» и «континуальный пересмотр того, чем дом является / являлся / может являться».

И, наконец, в заключение нашего обзора хотелось бы отметить существование особой выразительной метафоры «Дом семьи», описывающей международные отношения. В зависимости от геополитической ситуации и доминирующих в обществе идей появление мигрантов может рассматриваться как результат приглашения гостей (*invitation*, миграция 1972–1975 гг.)

или как результат вторжения (*invasion*, миграция 1984 года) (Burke, 2002). Приблизительно аналогичным образом используется метафора «работы по дому» (*houseworking*) для организации борьбы с негативными последствиями азартных игр (гэмблинга) в Новой Зеландии среди племени маори: страна рассматривается как дом, который нуждается в определенном уходе – бережном отношении, поддержании чистоты и т.п. (Dyall et al., 2012). Эта метафора показывает, что дом – это действительно очень многослойное явление, которое может быть использовано буквально или метафорически для описания практически всех форм человеческого взаимодействия – отдельной становящейся или зрелой семьи, этноса, культуры, государства.

Таким образом, проанализировав разные ракурсы тесной взаимосвязи дома как пространства обитания и особенностей взаимодействия живущих в нем людей и удостоверившись в том, что дом как пространство и дом как семья тесно связаны, мы переходим к эмпирическому исследованию этой связи, как она представлена в группе российского студенчества.

3.2. ДОМАШНЯЯ СРЕДА И УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЬЕ

Взаимодействие между *семьей* как некоторым интегральным показателем взаимодействия обитателей дома и *домашней средой* как пространством их обитания продолжает оставаться актуальным направлением исследований. Выше было показано, что отношение к дому для человека во многом зависит от значения дома для него, жизненного контекста и задач развития, которые он решает, а также и от культуры, которая может быть как «домашней», так и «не домашней». Но, так или иначе, дом участвует в жизни семьи.

В фокусе данного эмпирического исследования оказалось изучение взаимосвязей между домашней средой и установками по отношению к семье. Наше исследование, как уже было отмечено, основывалось на модели дружелюбности домашней среды, означающей богатство ее возможностей и их доступность обитателям (Нартова-Бочавер, Дмитриева, Резниченко, 2016).

Мы предполагаем, что человек, который живет в дружественной домашней среде и проводит много времени дома, сильнее привязан к своей семье и имеет более позитивные установки по отношению к семье. И, наоборот, человек с позитивными семейными установками чаще участвует в домашних мероприятиях и, как результат, имеет более позитивный образ своего дома. Кроме того, так как выполнение домашней работы во многом зависит от гендерной роли, есть основания предполагать, что все результаты, полученные в данном исследовании, могут иметь гендерную специфику. Однако в связи с отсутствием проведенных ранее исследований на данную тематику гипотеза относительно пола нами не выдвигалась.

Таким образом, были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы:

1. Дружественность домашней среды вносит вклад в формирование позитивных установок по отношению к семье.
2. Позитивные установки по отношению к семье являются предиктором восприятия домашней среды как дружественной.

3.2.1. Процедура исследования

Участниками исследования стали 393 респондента: 295 девушек и 98 юношей, $R_{\text{возраст}} = 16\text{--}25$ лет, $M_{\text{возраст}} = 19,2$, $SD_{\text{возраст}} = 7,8$. Все респонденты – студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики».

Методический инструментарий включал традиционный набор опросников, используемых для изучения качеств домашней среды (ФДС, РДС-к, ПД). Коэффициент надежности альфа Кронбаха по всем шкалам опросника ФДС в нашем исследовании колеблется от 0,75 до 0,92 (в оригинальном исследовании – от 0,75 до 0,89), опросника РДС-к – от 0,73 до 0,85 (в оригинальном исследовании – от 0,69 до 0,88), в опроснике ПД составляет 0,89 (в оригинальном исследовании он был равен 0,93).

Для изучения установок респондентов по отношению к членам своей семьи был использован опросник Установки по отношению к семье (Familism Scale) (Lugo Steidel, Contreras, 2003). Эти установки понимаются как культурная ценность, которая включает в себя сильную идентификацию человека с семьей, привязанность к членам своей семьи, а также сильное чувство

лояльности, взаимности и солидарности среди членов семьи (Cauce, Domenech-Rodriguez, 2002). Существуют английская и испанская версии данного опросника, но до настоящего момента он не был адаптирован для российской выборки. Примечательно, что опросник, как сама концепция семьи, был предложен в латиноамериканской традиции традиционной семьи с четкой иерархией и прочными межпоколенными связями, что весьма близко и российской реальности, и потому мы ожидали найти интересные связи.

Для адаптации мы выбрали английскую версию опросника. Три независимых эксперта-психолога перевели ее на русский язык. Один из экспертов имел сертификат переводчика с английского на русский язык. Все варианты перевода вопросов методики были обсуждены, после чего были выбраны и отредактированы наиболее подходящие варианты. После этого было проведено два коротких пилотажных исследования на небольшой выборке из 30 и 35 студентов для того, чтобы получить отзывы от респондентов и проверить распределение вопросов по шкалам опросника. Инструкции и формулировки вопросов были немного изменены после каждого этапа исследования.

Опросник Установки по отношению к семье состоит из 18 вопросов и включает в себя четыре шкалы – Семейная поддержка, Связь с семьей, Семейная честь и Подчинение семье. Ответы на вопросы данных шкал оценивались по 5-балльной шкале от 0 (Совершенно не согласен) до 4 (Полностью согласен) (см. Приложение 2). Психометрический анализ опросника показал, что внутренняя согласованность общей шкалы была высокой. Анализ каждой подшкалы показал адекватные уровни внутренней согласованности. Коэффициент надежности альфа Кронбаха по всем шкалам в нашем исследовании колеблется от 0,71 до 0,84, в оригинальном исследовании – от 0,83 до 0,88. Каждая шкала опросника является одномерной, то есть она измеряет только один конструкт. Таким образом, психометрический анализ показал, что опросник Установки по отношению к семье может использоваться без дополнительных модификаций. Однако адаптация этого опросника для российской выборки будет продолжена в наших будущих исследованиях.

3.2.2. Результаты

Для статистической обработки полученных результатов мы использовали программу «SPSS», версия 21,0. Для проверки выдвинутых гипотез исследования мы использовали регрессионный анализ. В данном параграфе будут описаны результаты проверки первой гипотезы исследования – о роли дружественной домашней среды в формировании позитивных установок по отношению к семье.

В связи с тем, что переменные, описывающие параметры домашней среды, сильно коррелируют друг с другом, был проведен регрессионный анализ с использованием двух предикторов. Одним из этих предикторов стала привязанность к дому, так как она имеет высокие коэффициенты корреляции с переменными опросника Установки по отношению к семье. Таким образом, все результаты проведенного регрессионного анализа контролируются этой переменной.

Данные табл. 3.1 показывают, что различные аспекты установок по отношению к семье значимо связаны со шкалами опросников ПД, ФДС и РДС-к (уровень значимости $p \leq 0,05$). Привязанность к дому значимо коррелирует со всеми шкалами опросника Установки по отношению к семье. Шкала Прагматичность оказывает позитивное влияние на шкалы Семейная поддержка и Подчинение семье. Защищенность позитивно связана со шкалами Связи с семьей и Подчинения семье.

Параметры релевантности и функциональности – Пластичность, Самопрезентация, Эргономичность и Развитие – также вносят вклад в укрепление семейной взаимосвязи.

Таблица 3.1

Предсказательность домашней среды по отношению к установкам на семью (линейный регрессионный анализ)

Зависимая переменная	Предиктор	B	SE B	t	R ²
Семейная поддержка	Привязанность к дому	0,64	0,09	7,27	0,13
	Прагматичность	0,24	0,10	2,45	0,14
Семейная честь	Привязанность к дому	0,63	0,11	5,77	0,08
Подчинение семье	Привязанность к дому	0,97	0,12	7,74	0,14
	Прагматичность	0,28	0,14	2,01	0,16
	Защищенность	0,30	0,13	2,28	0,16

Связь с семьей	Пластичность	0,35	0,17	2,09	0,14
	Самопрезентация	0,29	0,10	3,00	0,14
	Эргономичность	0,30	0,11	2,80	0,13
	Защищенность	0,27	0,09	2,99	0,14
	Развитие	0,25	0,08	3,08	0,13
	Привязанность к дому	0,58	0,09	6,64	0,11

Рисунок 3.1 также схематично иллюстрирует полученную регрессионную модель.

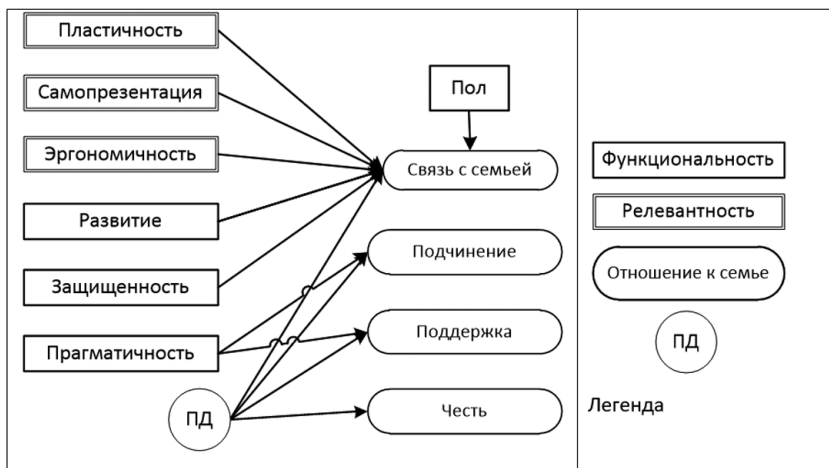

Рис. 3.1. Предсказательность домашней среды по отношению к установкам на семью (линейный регрессионный анализ; все связи значимы при $p \leq 0,05$)

Полученные нами результаты открыты для интерпретаций. Результаты исследования позволили частично подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что дружелюбность домашней среды вносит вклад в формирование позитивных установок по отношению к семье. Из трех параметров дружелюбности домашней среды наиболее тесно связана с установками по отношению к семье Привязанность к дому. Она показала значимые корреляции со всеми четырьмя шкалами опросника. Показатели функциональности домашней среды показали больше значимых связей с установками по отношению к семье, однако и релевантность домашней среды значимо предсказывает установку в отношении семейной взаимосвязи.

Эти данные подтверждают ранее полученные результаты исследования о роли релевантности и функциональности в адаптации усыновленных детей к приемной семье: было показано, что релевантность была более сильным предиктором привязанности детей, чем функциональность (Нартова-Бочавер, Резниченко, Ковалева, 2017).

Наша модель дружелюбности домашней среды, как уже было отмечено, основывалась на трех аспектах – функциональности и релевантности домашней среды, а также привязанности к дому (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017). Она во многом соотносится с исследованиями Р. Гиффорда, описывающего следующие измерения домашней среды: убежище, порядок, идентичность, установление связи, теплоту и физическое соответствие (Gifford, 2002).

Дом как убежище обеспечивает безопасность, конфиденциальность, приют и чувство защищенности от невзгод.

Дом как порядок регулирует существование человека в мире, отвечает за его пространственно-временное упорядочивание. Дом тесно связан с чувством преемственности – событиями детства, отъездами и возвращениями, привычками и ритуалами. Дом для человека – это центр, из которого он уезжает и куда возвращается. Имея возможность сравнить опыт пребывания в собственном доме и вне его, человек лучше узнает себя, осознает свои потребности, мотивы и жизненные цели. Дом помогает человеку понять свое место в мире, свое предназначение.

Дом как идентичность отражает связь между человеком и его семьей, его этническую принадлежность или социально-экономический статус. Дом является репрезентацией человека, раскрывает его интересы, характер, привычки. В этом измерении дом является символом «Я». Человек преобразует обычное место жительства, подстраивает его под себя и свои особенности, выражая в физическом пространстве свою индивидуальность.

Дом как установление связи предполагает то, что человек выстраивает отношения с определенными людьми, с местом, с событиями прошлого и будущего. Это помогает человеку почувствовать себя членом определенного сообщества, частью семьи, группы, культуры. В установлении этой связи участвуют как пространственные, так и временные аспекты.

Дом как теплота символизирует семейный очаг и уют. Это измерение основывается на предыдущих воплощениях домашней среды, а также может выходить за его пределы.

Дом как физическое соответствие выражает собой подходящее для человека место проживания. Это измерение отражает степень соответствия между домом и потребностями и желаниями человека (Смолова, 2015).

Если у человека есть дом, который соответствует вышеуказанным характеристикам, он будет иметь для него важное личное и социальное значение. Если дом не воплощает в себе перечисленные измерения, человек будет переживать чувство бездомности. Это не зависит от физических, материальных или статусных характеристик жилья, в котором находится человек. Он может ощущать себя бездомным, даже живя в роскошном и престижном доме (Смолова, 2015).

Как можно видеть, перечисленные воплощения дома для человека демонстрируют прочную связь между домашней средой и отношением человека к членам своей семьи. В исследовании Д. Сиксмит респондентам было предложено описать идеальную модель дома, которую они могли встретить в прошлом, жить в настоящем или столкнуться в будущем, а также описать места, которые они бы никогда не назвали бы «своим домом» (Sixsmith, 1986). Все ответы участников разделились на три группы – физические, личные и социальные определения и характеристики дома.

Во-первых, дом – это *физическая среда*, в которой человек может удовлетворить свои физиологические потребности. Для некоторых людей физические характеристики дома могут играть самую важную роль. В данном случае здание, в котором проживает человек, должно иметь определенный архитектурный стиль и достаточное количество комнат. Для других людей была важна возможность работы из дома, поэтому они подчеркнули возможность спокойной и комфортной рабочей атмосферы. Во-вторых, было обнаружено, что домашняя среда отражает широкий спектр *чувств и личных событий*. Дом связан для человека с конфиденциальностью, безопасностью, любовью, ответственностью и самовыражением. В-третьих, дом акцентирует различные *социальные отношения*, и прежде всего отношение к членам семьи или

соседям по комнате. Все эти группы характеристик сильно коррелируют друг с другом.

Наши результаты также подтверждают выводы, ранее сделанные рядом других исследователей (Bell et al., 2001; Kuller, 1980).

П. Белл и его коллеги подчеркивали связь между поведением человека и его средой и предположили, что объективные условия окружающей среды, такие как физические параметры и дизайн здания, хоть и существуют независимо от человека, но человек может действовать, чтобы изменить их. Эта авторская модель включает в себя индивидуальные различия, такие как уровень адаптации человека к среде, продолжительность воздействия на окружающую среду, воспринимаемый контроль над ситуацией, личностные характеристики, предпочтения в отношении приватности, привязанность к месту, способность справляться с вызовами окружающей среды, социальную поддержку или, наоборот, враждебность по отношению к другим. Подчеркивая связь между поведением человека и его окружающей средой, авторы исследования отмечают, что социальная поддержка членов семьи или соседей по комнате формирует ощущение того, что о человеке заботятся, его ценят, а также она помогает человеку чувствовать свою принадлежность к группе. Кроме того, в дополнение к социальной поддержке важно учитывать и психосоциальные факторы, иллюстрирующие связь между дизайном окружающего пространства и индивидуумом. Поэтому авторы предлагают транзакционную модель окружающей среды и поведения человека, описывающую это взаимодействие как сложную и динамичную систему связей между человеком его домашней средой (Bell et al., 2001).

Во многих исследованиях дом понимается как установление связи с определенными людьми, с местом, с прошлым и будущим, что помогает человеку чувствовать себя членом определенного сообщества. Он чувствует себя частью семьи или группы и частью культуры. Таким образом, в установлении этой связи задействуется и пространственный, и временной аспекты (Смолова, 2015).

Более того, определенная домашняя среда может удовлетворить не только аффилиативные потребности человека, но потребности в статусе и уважении. Дом – это место, где человек

может выразить свою индивидуальность и продемонстрировать свои успехи. Люди могут выразить свой материальный успех, переехав жить в дорогой дом или квартиру в самых престижных районах. Просторные гостиные, несколько ванных комнат, богатый интерьер могут представить своего владельца как успешного человека. В контексте домашней среды может быть удовлетворена в некоторой степени даже потребность в самоактуализации посредством создания специальной, тщательно спланированной среды, где нет случайных вещей, а каждая деталь выражает собой личностные черты ее владельца (Смолова, 2015).

3.3. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ПАРАМЕТРОВ ДРУЖЕСТВЕННОСТИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЬЕ

Как уже отмечалось, в проведенном исследовании мы изучали гендерные различия в отношении связи параметров домашней среды и установок в отношении семьи.

Полученные результаты выявили гендерные различия в уровне Семейной взаимосвязи – женщины имеют по данной шкале более высокие показатели, чем мужчины (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Влияние пола на установки по отношению к семье

Зависимая переменная	Предиктор	B	SE B	t	R ²
Связь с семьей	Пол	0,45	0,19	2,38	0,01

Данный результат, на наш взгляд, объясняется тем, что женщины обычно больше привязаны к своей семье, а социальная поддержка со стороны членов семьи играет более важную роль в их жизни. Более того, тесная эмоциональная и физическая связь женщины со своей семьей является социально одобряемым поведением в российском обществе (Куницына, Юмкина, 2012). С точки зрения российского менталитета, в отличие от многих западных стран, отношения с родителями для женщи-

ны также очень важны из-за традиционной структуры многокультурных русских семей, которые оказывают значительное влияние на самовосприятие человека (Robinson, Robinson, 1997).

3.4. УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЬЕ И ИХ РОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ

В данном параграфе будут описаны результаты проверки второй гипотезы нашего исследования. Мы предполагали, что позитивные установки по отношению к семье будут предсказывать восприятие домашней среды как дружественной.

В связи с тем, что переменные, описывающие установки по отношению к семье, не сильно коррелируют друг с другом, был проведен регрессионный анализ с использованием всех предикторов.

Таблицы 3.3 и 3.4 показывают, что установки по отношению к семье оказывают значимое влияние на почти все параметры релевантности и функциональности домашней среды. Значимых связей не было выявлено только для шкалы Ресурсность опросника РДС-к и шкалы Стабильность опросника ФДС.

Таблица 3.3

Влияние установок по отношению к семье на воспринимаемую релевантность домашней среды (линейный регрессионный анализ)

Зависимая переменная	Предиктор	B	SE B	t	R ²
Историчность	Связь с семьей	0,18	0,08	2,32	0,06
Отчужденность	Семейная честь	-0,07	0,03	2,44	0,03
Пластичность	Семейная взаимосвязь	0,07	0,03	2,17	0,10
Управляемость	Семейная поддержка	0,07	0,03	2,14	0,09
	Подчинение семье	0,05	0,02	1,98	0,09
Самопрезентация	Связь с семьей	0,14	0,05	2,48	0,12
	Семейная честь	0,01	0,04	0,19	0,12
Эргономичность	Связь с семьей	0,12	0,05	2,38	0,12

Таблица 3.4

Влияние установок по отношению к семье на воспринимаемую функциональность домашней среды (линейный регрессионный анализ)

Зависимая переменная	Предиктор	B	SE B	t	R ²
Прагматичность	Семейная поддержка	0,13	0,05	2,59	0,12
	Подчинение семье	0,08	0,04	2,21	0,12
Развитие	Связь с семьей	0,15	0,06	2,49	0,10
Защищенность	Связь с семьей	0,11	0,06	2,06	0,10

Рисунок 3.2 также схематично иллюстрирует полученную регрессионную модель.

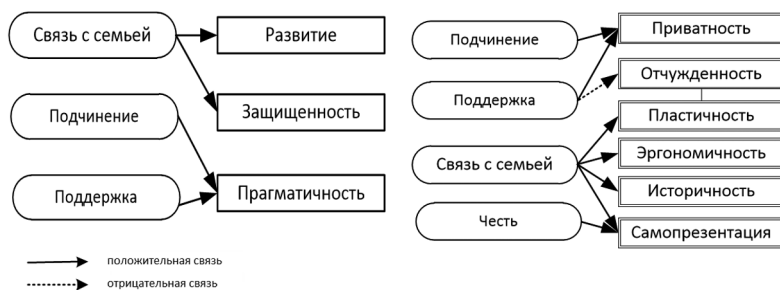

Рис. 3.2. Влияние установок по отношению к семье на воспринимаемую а) функциональность и б) релевантность (см. легенду к рис. 3.1)

Таким образом, вторая выдвинутая гипотеза нашего исследования была подтверждена частично.

Таблица 3.5 показывает, что Семейная поддержка и Подчинение семье значимо связаны с Привязанностью к дому.

Таблица 3.5

Влияние установок по отношению к семье на воспринимаемую привязанность к дому (линейный регрессионный анализ)

Зависимая переменная	Предиктор	B	SE B	t	R ²
Привязанность к дому	Семейная поддержка	0,10	0,04	2,43	0,17
	Подчинение семье	0,09	0,03	2,84	0,17

Рисунок 3.3 также схематично иллюстрирует полученную регрессионную модель.

Рис. 3.3. Влияние установок по отношению к семье на воспринимаемую привязанность к дому (см. легенду к рис. 3.1)

Таким образом, позитивные установки по отношению к семье предсказывают воспринимаемую функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому.

Как уже было упомянуто выше, установки по отношению к семье определяются как многомерный конструкт, состоящий из четырех взаимозависимых компонентов.

Первая шкала – это Семейная поддержка, или вера в семейную взаимность и взаимоподдержку в случае необходимости. Это убеждение, что люди должны обеспечивать и ожидать какой-либо поддержки со стороны членов своей семьи в трудные времена и в повседневной жизни.

Вторая шкала – это Связь с семьей, обозначающая убеждение, что человек должен быть в сильной эмоциональной и физической связи и отношениях со своей семьей, даже если у него есть собственная независимая личная жизнь. Это убеждение подчеркивается решениями человека жить рядом с членами его семьи, чтобы быть вовлеченным в их образ жизни, проводить время вместе.

Третий компонент отражает веру в Семейную честь. Он подразумевает, что человек несет ответственность за поддержание и защиту семейной фамилии и чести. Это также накладывает на человека обязательство защищать любые нападки на единство своей семьи.

Наконец, четвертый компонент – это Подчинение семье, или убеждение, что семья является первичной перед индивиду-

умом. Это означает, что человек готов принести в жертву свои собственные потребности и желания, если они мешают семье, потому что семья является для него самой важной. Человек убежден, что он должен быть покорным, соблюдать семейные правила и соответствовать модели семейной жизни (Lugo Steidel, Contreras, 2003).

Полученные нами результаты могут быть объяснены с помощью теории мотивации А. Маслоу (Maslow, 1987). Мы показали, что установки по отношению к семье значимо связаны с привязанностью к дому, а также Прагматичностью, Развитием и Защищенностью как параметрами функциональности домашней среды и с Эргономичностью, Пластичностью и Самопрезентацией как параметрами релевантности домашней среды.

Как известно, иерархия потребностей А. Маслоу имеет пять уровней. Мы предполагаем, что взаимосвязь между параметрами домашней среды и установками по отношению к семье выражается на нескольких уровнях. Физические характеристики дома, функциональность и релевантность домашней среды чрезвычайно важны для удовлетворения потребностей человека в безопасности. В то же время дом – это место, где человек устанавливает, поддерживает и развивает социальные отношения. Это место, где люди общаются, строят семьи, воспитывают детей и проводят время с друзьями и родственниками. В этом случае, как уже упоминалось, домашняя среда отвечает потребностям аффилиации. Следовательно, если человек привязан к своему дому, у него сформированы и положительные установки по отношению к членам своей семьи или соседям по комнате, он чувствует их поддержку и может гордиться тем, что принадлежит к этой малой группе.

Таким образом, хорошие отношения с членами своей семьи или соседями по комнате являются, несомненно, важным фактором в формировании чувства привязанности к дому. Чем более удовлетворительны эти отношения, тем более человек привязан к своему дому (Fried, 1982; Shumaker, Conti, 1985).

В целом, привязанность к дому – это позитивная эмоциональная связь между человеком и домашней средой, ассоциация, которая создает чувство комфорта и безопасности (Shumaker, Taylor, 1983; Rivlin, 1990). В этом случае, отрыв от дома в течение длительного времени, например учеба в другом

городе, может вызвать сильное чувство ностальгии и печали (Bell et al., 2001).

Сильная привязанность к месту обычно связана с большой удовлетворенностью собственным домом и переживанием стабильности в будущем. Она также сопровождается более детальным знанием истории и географии места своего жительства и большими временными и ресурсными затратами по его улучшению (Shumaker, Taylor, 1983).

Некоторые исследователи считают, что истинная привязанность к дому связана с физическими характеристиками домашнего пространства – мебелью, семейными реликвиями и другими объектами. Еще одним важным фактором для формирования привязанности к дому является возраст. Пожилые люди чаще всего привязаны к своим домам, в отличие от молодых людей (Norris-Baker, Scheidt, 1990; Taylor, 1988).

Выдвигая вторую гипотезу нашего исследования, мы предположили, что позитивные установки по отношению к семье положительно предсказывают восприятие домашней среды как дружественной. Как уже было отмечено, эта гипотеза исследования была частично подтверждена, поскольку значимых связей не было выявлено для шкалы Ресурсность как параметра релевантности домашней среды и шкалы Стабильность как параметра функциональности домашней среды. Мы объясняем данный факт тем, что выборку исследования в основном составили студенты, которые проживали в общежитиях. Молодые люди, переезжая из других городов и поступая в университет, часто вынуждены жить в общежитиях и конкурировать с соседями по комнате за физическое пространство (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017).

В общежитиях или больших семьях очереди в туалет и ванную комнату по утрам или отсутствие личного пространства в доме депривировуют удовлетворение физиологических потребностей. Проходные комнаты, часто без звукоизоляции, не позволяют удовлетворить потребности в конфиденциальности. В любом возрасте, особенно студенческом, нехватка не только личного пространства, комнаты, но собственного стола мешает человеку сосредоточиться на учебе или работе.

Кроме того, особенности возраста респондентов могли бы повлиять на полученные результаты. В предыдущем проведен-

ном нами исследовании мы предполагали, что когда человек становится взрослым, он хочет отделиться от своих родителей и жить в своем собственном доме. Однако в большинстве случаев молодые люди не могут себе этого позволить, и им приходится оставаться жить с родителями, подстраивая свои потребности и желания изменять домашнюю среду под требования и рамки, установленные родителями. Таким образом, в том числе и поэтому, обычно молодые люди в этом возрасте проводят меньше времени дома, предпочитая вечеринки, клубы, поездки, улицу и другие виды и места для проведения студенческого досуга.

Как свидетельствуют результаты некоторых исследований, привязанность к дому, а также удовлетворенность функциональностью и релевантностью актуальности домашней среды связаны с возможностью человека внести собственные изменения в комнату, в которой он проживает. А. Шиффенбауэр и его коллеги сравнивали студентов, которые имели возможность изменять интерьер своих комнат, например, удалять, добавлять или менять мебель, рисовать на стенах и т.д., и тех, кто этого не делал. Большая свобода в действиях была значимо связана с удовлетворенностью пространством дома в целом и удовлетворенностью членами семьи и соседями по комнате в частности (Schiffenbauer et al., 1977). При этом интересно отметить результат, полученный в исследовании Д. Педерсена, свидетельствующий о том, что люди с высоким уровнем конфиденциальности очень нуждаются в поддержке членов своей семьи (Pedersen, 1982).

Выводы

В этой главе мы изучали связь между домашней средой и установками по отношению к семье. Как и ожидалось, полученные результаты в целом демонстрируют взаимные связи между исследуемыми переменными: дружественная домашняя среда предсказывает позитивные установки по отношению к семье, и наоборот. Более того, мы обнаружили, что семейная поддержка является антипредиктором отчужденности – отрицательной характеристики релевантности домашней среды. В то же время семейная поддержка и подчинение себе для семьи являются предикторами привязанности к дому.

Привязанность к дому также значимо взаимосвязана с установками по отношению к семье. Как показали наши результаты, молодые люди, поступив в университет, все еще сильно привязаны к семье. В то же время положительное отношение к семье может быть основано на образе дружелюбности домашней среды.

Несмотря на взаимосвязь большинства показателей установок по отношению к семье и показателей дружелюбности домашней среды – функциональности и релевантности, а также привязанности к дому, крайне интересным представляется следующий факт. Дружелюбность домашней среды в большей степени предсказывает позитивные установки по отношению к семье, чем позитивные установки по отношению к семье могут предсказывать восприятие домашней среды как дружелюбной. Из всех показателей дружелюбности домашней среды только Ресурсность и Стабильность значимо не связаны с установками по отношению к семье. Как уже было отмечено, объяснение данного результата во многом объясняется особенностями студенческого возраста, когда человек все еще привязан к родительскому дому, однако уже испытывает желание «вырваться из семейного гнезда» или поменять его в соответствии с собственными потребностями, чаще всего не имея на то возможности.

Кроме того, наши результаты показали гендерную специфичность в отношении такой установки по отношению к семье как связь с семьей. Девушки больше привязаны к своей семье, чем юноши. Этот результат во многом соотносится со свойственным российскому менталитету представлением о том, что женщина должна быть всегда близка своей семье.

Результаты исследования могут быть полезны при формировании индивидуальных профилей предпочтений домашней среды. Они могут использоваться в детско-родительском и семейном консультировании и для выявления несоответствия между домом как особой жизненной средой и потребностями, ожиданиями и отношением к членам семьи. Это во многом подчеркивает необходимость проведения дальнейших исследований в области связи между параметрами домашней среды и формированием установок по отношению к семье.

ГЛАВА 4. ДОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ: ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ

Домашний уют – одно из сокровищ мира.
Нет на свете ничего столь ласкового, тонкого
и столь благоприятствующего воспитанию
нравственной силы и справедливости
в людях, привыкших к нему с колыбели.

Т. Драйзер. Сестра Керри

4.1. СВЯЗЬ МОРАЛЬНОСТИ ОБИТАТЕЛЕЙ И ДРУЖЕСТВЕННОСТИ ДОМА

Образ дома имеет многослойную структуру и оказывает воздействие на разные уровни индивидуальности и бытия человека – на поведенческие привычки, настроение, общение и личность в целом. Во многих исследованиях убедительно показано, что домашняя среда представляет собой важный фактор психологического благополучия в разных его проявлениях и что таким образом дом способствует хорошей адаптации человека (Case, 1996; Roster, Ferrari, Jurkat, 2016). Однако, несмотря на косвенные культурологические свидетельства «облагораживающей» функции дома, до сих пор было получено очень немного психологических данных о его развивающих личность возможностях, в частности о том, имеется ли, и если да, то каков вклад средовых характеристик в гуманное мировоззрение человека и его отношение к другим людям. Большинство этих данных удостоверяют связь домашней среды и морального развития человека скорее «от противного», иллюстрируя, каким образом отсутствие дома или неудобный дом могли повлечь за собой личностную деградацию или способствовать моральному недоразвитию человека.

Методологические основы данного модуля исследования составили работы в области средовой психологии, психоло-

гии морали и гуманистически-позитивной психологии вообще, демонстрирующие средовую обусловленность гуманного отношения к другим людям (Леонтьев, 2012). Как уже неоднократно отмечалось, дом – это особая жизненная среда человека, с самого начала создаваемая во взаимодействии и для взаимодействия. Дом строят не для того, чтобы отвернуться от «мирской» жизни; и даже малообщительные люди в своем домашнем уединении или затворничестве не обрывают связи с другими людьми, адресуя им свое поведение, имея в виду их существование и считаясь с ними.

В рамках данного исследования мы рассматриваем мораль и нравственность как синонимы, обозначающие гуманное поведение и отношение к другим людям, основанное на общечеловеческих ценностях и добродетелях: помощи, усердии, самоограничении, сострадании, справедливости, благодарности и прощения. Мораль может проявляться эпизодически, как эмоции или состояния, а может становиться устойчивой чертой личности. Используя возможности кросс-секционного дизайна исследования, мы изучаем связь диспозициональных проявлений морали и качества домашней среды.

В социологии морали идея зависимости уровня нравственности от условий обитания признана давно: Э. Дюркгейм полагал, что социальное и моральное – по сути, синонимы, т.к. возникают одновременно и существуют параллельно. Люди испытывают нравственный импульс прежде всего для кого-то другого, будь то Бог, другой человек или вообще непонятное живое существо (Дюркгейм, 2002). Другой известный социолог Г. Зиммель также полагал, что общество – это совокупность разных форм взаимодействия, а сохранение этих форм психологически поддерживается многими факторами, интеллектуальными и практическими, позитивными и негативными (Зиммель, 1999; Santó-Milà, 2012), в том числе и особыми эмоциями, которые связывают людей между собой. Среди таких эмоций (сегодня их называют эмоциональными чертами личности) Г. Зиммель особо отмечал верность и благодарность. Согласно его мнению, эти аффективно-эмоциональные состояния укрепляют через систему обратных связей уже существующие хорошие отношения, показывая другим людям, что субъект будет привязан к ним длительно и еще более сильно.

Верность, или честность, расширяет и продлевает отношения таким образом, что они сохраняются, независимо от того, какие чувства в данный момент испытывают люди. Чувства могут флуктуировать и меняться, но верность позволяет пройти стабильно для отношений через возможные провокационные ситуации. Очевидно, что эти практики социации (в терминологии Г. Зиммеля) в первую очередь возникают и укрепляются именно дома, в пространстве, которое предоставляет наглядные примеры применения этих ценностей.

Чувство благодарности к другим людям укрепляет доброе отношение к ним посредством повторяющихся воспоминаний об этих поступках. Благодарность, по мнению Г. Зиммеля, представляет собой связующий элемент для социальных отношений любого рода – межличностных, групповых, организационных, политических. И, поскольку именно дом предоставляет возможность испытать это чувство, можно предположить, что качества домашней среды и привязанность к ней будут связаны с благодарностью как чертой личности.

Для развития морального отношения к другим людям необходим постоянный поддерживающий эти отношения оседлый образ жизни, в ходе реализации которого укрепляется социальный капитал, строятся перспективы, вырабатываются просоциальные установки, направленные как на задачи адаптации и выживания, так и на духовное развитие и совершенствование человека. Дома, в семье, люди осуществляют инвестиции в близкие и добрососедские взаимодействия. Отсутствие оседлости, постоянного места, с которым связывается прошлое и по отношению к которому выстраиваются жизненные перспективы, способствуют безответственному импульсивному, полемому поведению, за которое субъект не принимает на себя личную ответственность. Примером такого отрицания дома может быть бродяжничество – образ жизни, который возникает в результате добровольного или вынужденного разрыва социальных связей: человек не вносит морального вклада в укрепление кооперации и не ожидает нравственного отношения к себе. Исследования бездомности и бродяжничества дают доказательства этому факту. Так, А.А. Исаханова показала, что у бездомных граждан Казахстана справедливость и патриотизм как ценности практически отсутствуют, а ценность дружбы и веры также невысока (Исаханова, 2017).

Существуют и психологические работы, которые также предоставляют аргументы в пользу того, чтобы получить связи между качеством домашней среды и моральным обликом обитателей. Хотя их ландшафт видится весьма фрагментарным, тем не менее его лоскутность предоставляет иногда полудоказанные, но яркие и впечатляющие инсайты относительно того, почему могут быть связаны дом и моральность обитателей. Прежде всего, несмотря на то, что моральные качества чаще изучают как устойчивые личностные диспозиции, ряд исследований отмечает зависимость их проявления от текущего момента жизни человека, от того, в какой мере удовлетворены его базовые потребности, как строится его домашнее бытие; мораль рассматривается не как осознанное поведение, а как интуитивная и часто иррациональная активность, зависящая от контекста жизни субъекта.

В поиске теоретического обоснования такого взгляда мы можем обратиться к идее «проприума» Г. Олпорта (2002), который показал, что личностная зрелость, включая моральное развитие, приходит после и из телесных и территориальных аспектов становления эмпирической личности. В соответствии с этим А. Маслоу также констатировал, что «высшие» человеческие потребности возникают только после удовлетворения «низших» – в безопасности, стабильности и т.д. (Маслоу, 1999). В дружественной домашней среде вероятность гуманного мироотношения выше, поскольку человек не тратит энергию на избыточно дефензивное поведение (Нартова-Бочавер, 1992; Montada et al., 1988). В полном соответствии с этим, Ламберт и др. (Lambert et al., 2009) показали, что экспериментально индуцированное чувство благодарности было выражено сильнее при наличии чувства удовлетворенности жизнью (а индуцированное чувство зависти с чувством удовлетворенности связано не было). Таким образом, поскольку дом представляет собой очевидный источник и показатель удовлетворенности жизнью, это также подтверждает наши ожидания.

Другой взгляд на дом как источник морального развития приходит из психологии семьи. Согласно П. Моргану (Morgan, 2010), привязанность к людям тесно связана с привязанностью к месту, где эти люди обитают. Дом – это то место, где люди учатся регулировать свои настроение и эмоции, ограничивать

себя, считаться с близкими и в результате вырабатывать моральное отношение к другим людям (Kuppens, Champagne, Tuerlinckx, 2012; Russell, 2003).

Некоторые исследователи рассматривают моральное становление личности дома и в семье с точки зрения предложенной для объяснения специфики женской нравственности концепции «морали заботы» (care moral) К. Гиллиган (1991). Согласно этой теории, в принятии своих нравственных решений люди (в первую очередь женщины) ориентируются не на правила, а на контекст, в котором возникают неудовлетворенные потребности других людей, и их сочувствие, сострадание и помощь другим всегда учитывают особенности этого контекста. Между тем мораль не только социальна; она также аффективна, ситуативна, относительна и изменчива.

Понятно, что дом постоянно задает не всегда рационализируемые контексты повседневной жизни, в которых возникает потребность взаимопомощи и участия членов семьи в жизни друг друга. В своем антропсихологическом исследовании С. Холл показала нескольких случаев, каким именно образом моральные технологии транслируются от родителей детям и каким может быть содержание этих технологий (Hall, 2012). В самом деле, именно дома люди учатся проявлять заботу и принимать ее. Именно дома близость пространственная (proximity) и эмоциональная (propinquity) гармонично сочетаются, стимулируя и делая возможной заботу о близких и дорогих. В нескольких интервью было показано, что домашняя забота принимает формы бытовых проявлений (муж беременной жены заказывал натуральную пищу, заботясь о снижении масштаба отходов и необходимой уборки; родственники устраивали совместное приготовление обеда и пр.). С домом (и особенно – с пищевыми привычками) связаны многие формы трансгенерационной передачи правил заботы (например, родители выросли в послевоенные годы лишений, и их главной заботой было добыть для детей питательную, а не вкусную пищу; отчасти эта форма заботы передалась и дочери). Мораль передается только в совместной деятельности, значительную долю которой составляют именно повседневные, рутинные домашние практики. Наши собственные наблюдения говорят о том, что именно в раннем и дошкольном детстве рутинные

домашние практики обладают универсальным развивающим личность ребенка потенциалом: так, совместное мытье посуды (что позже станет унылой обязанностью) для маленького ребенка – это и взаимодействие, и гуманное послание «помогаю маме», и тренинг пространственного восприятия и собственных моторных навыков, и повышение собственной компетентности благодаря наблюдению за быстро достигаемым результатом. Точно так же фактором сплочения и укрепления семьи могут быть совместные генеральные уборки, ремонт дома или другие почти ритуальные практики. Например, на юге России в городах и станицах «квартирный вопрос» традиционно решается так: молодоженам ставят новую мазанку, простой и дешевой глиняный домик, для чего собирается весь семейный клан, «большая семья», чтобы вымесить глину, сложить жилище и потом покрасить его. Очевидно, что это традиционное и почти ритуальное мероприятие укрепляет верность семье и ответственность перед браком, вызывает чувство благодарности и готовности помочь в ответ.

Следующий аргумент для наших ожиданий положительной связи между образом дома и моральным развитием личности обитателей дает психология среды и т.н. «моральная география», подчеркивающие тесную связь между привязанностью к месту и суждениями о справедливости, хотя исследователи и не рассматривали в качестве места дом (Clayton and Opatow, 2003; Smith, 2000).

В то же время необходимо отметить, что образ дома – это существенная составляющая картины мира вообще, отражающая меру базового доверия и оптимизма человека. Поэтому можно предположить, что образ дома может, в свою очередь, быть функцией моральных мотивов человека: люди, относящиеся гуманно к другим, свой дом также видят более позитивным, уютным, надежным. К сожалению, к настоящему времени исследователи больше озабочены поиском факторов интенсификации морального развития, и потому мораль чаще рассматривается как зависимая переменная. В то же время, хотя данных о морали как источнике отношения к среде совсем немного, мы можем сослаться на теорию моральных оснований (Moral Foundations Theory) и работы в области позитивной психологии. Так, в рамках теории моральных оснований, выделившей несколько эмпирических этических систем, показано, что

тип этой системы определяет политические взгляды человека, его симпатию либеральным или консервативным партиям, что, в свою очередь, задает его «имплицитную политическую идентичность» и имеет ряд поведенческих следствий (Graham, Haidt, Nosek, 2009). Поскольку дом – это часть отечества, можно предположить, что образ дома будет зависеть от политических взглядов, которые, в свою очередь, «подпитываются» этической системой. Политика всегда начинается с собственного дома как ценности. В соответствии с этими данными, А. Балзер (Balzer, 2012) показала, что не только политические взгляды, но и религиозные установки задаются моралью. Дом как особый объект повседневной жизни не всегда воспринимается рационально; иногда он сакрализуется, в любом случае представляя собой существенный фрагмент картины мира вообще, и потому также можно ожидать, что его образ будет зависеть от моральных взглядов обитателей.

Следующий аргумент в пользу ожидания возможных связей дает теория «построения-и-расширения» (Broaden-and-Build Theory) Б. Фредриксона (Fredrickson, 2004). Согласно этой теории, позитивные эмоции расширяют репертуар поведенческих техник и навыков человека, стимулируют его интерес к новому и поисковую активность, и затем этот репертуар закрепляется и создает новые ресурсы, способствуя адаптации и развитию личности. Таким образом, позитивные эмоции опосредствованно способствуют восприятию реальности как более дружелюбной и гуманной. Поскольку моральные чувства имеют под собой любовь к людям, можно предположить, что отношение морально развитых людей к собственному дому также будет позитивным.

В качестве одного из немногих эмпирических доказательств связи между дружелюбностью домашней среды мы можем сослаться на дипломное исследование Е.М. Билан, которая показала, что действительно дружелюбная домашняя среда связана с эмпатией и готовностью к помощи, причем это отношение модерируется дистанцией обитателей от собственной культуры и типом жилища (квартира, общежитие, улучшенное общежитие для иностранных студентов) (Билан, 2018).

Итак, исследуя взаимосвязь и взаимное влияние качеств дружелюбной домашней среды и моральных характеристик обитателей, мы основывались на том, что эти феномены, при

внешнем различии, имеют много общих черт. И дом, и мораль служат адаптации и выживанию человека, защищая его от физического вымирания или социального вырождения; они упорядочивают жизнь, вводя правила, которые регулируют события вовне и внутри человеческой души; они связаны с общением и взаимодействием с ближними, побуждая упражняться в укреплении добродетелей, таких как сострадание, помощь, благодарность, справедливость, смирение. И потому мы ожидаем, что дружественная домашняя среда и моральное развитие личности обитателей будут взаимосвязаны и взаимообуславливать друг друга. Это предположение будет проверено на материале трех модулей исследования, посвященных моральным мотивам: отношению к справедливости, благодарности и способности прощать как личностным диспозициям. Моральные мотивы связаны с регуляторной функцией дома, задающей правила взаимодействия, кооперации и обмена ресурсами, что проявляет себя в моральных мотивах как личностных диспозициях. Далее, дом определяет основы распределения ресурсов и возможности управлять этим процессом, зарабатывая необходимое или отдавая долги, что проявляет себя в отношении к справедливости. Наконец, дом дает также опыт переживания того, что не все может быть заработано, а многое дается в дар, и что люди должны уметь быть не только справедливыми, но также милосердными и благодарными. Эта тема проявляет себя в исследовании связи качеств домашней среды с благодарностью как чертой личности.

4.2. ОБРАЗ ДОМА И МОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ОБИТАТЕЛЕЙ

В настоящем исследовании мы изучали связь образа дома и моральных мотивов человека. Проверялись следующие эмпирические гипотезы: 1) дружественный образ дома представляет собой предиктор выраженности моральных мотивов; 2) выраженность моральных мотивов вносит вклад в формирование образа дружественного дома; 3) эти связи модерированы полом.

4.2.1. Процедура исследования

В исследовании приняли участие 550 студентов (138 мужского пола, 412 женского) разных специальностей, обучающихся-

ся в московских университетах ($M_{возраст} = 20,6$, $SD_{возраст} = 2,3$). Для исследования образа дома использовались наши опросники Функциональность домашней среды (ФДС) и Релевантность домашней среды (РДС)* (Нартова-Бочавер и др., 2015; 2017). Для изучения выраженности моральных мотивов применялся опросник Модель моральных мотивов (МММ, Moral Motives Model scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013). Согласно концепции Р. Янофф-Бульман, мораль в первую очередь выполняет регуляторную функцию, удерживая человека от дурных поступков или сподвигая на хорошие. В сущности, социальное и моральное здесь понимаются как синонимы, аналогично взглядам Зиммеля. Моральные мотивы разделяются по смыслу предписаний: проскриптивные запрещают некоторое действие, а прескриптивные – разрешают, отвечая библейской традиции выделения грехов и добродетелей («Не убий» и «Возлюби»). Кроме того, мотивы различаются по направлению и социальным объектам регулирования, будучи адресованными конкретному субъекту, группе людей или обществу в целом (табл. 4.1).

Мотивы имеют следующее содержание: Самоограничение (Self-Restraint), Усердие (Self-Reliance, Industriousness), Непричинение вреда (Not-Harming), Помощь / честность (Helping / Fairness), Социальный порядок / общественная солидарность (Social Order), Социальная справедливость / социальная ответственность (Social Justice). Все они представляют собой дескрипторы безусловно позитивного социального поведения, но имеют разную направленность и содержание.

Таблица 4.1

Модель моральных мотивов (по Janoff-Bulman, 2013, с изм.)

Регуляция / Социальный объект	Я (личный)	Другие (межличностный)	Группа (коллективный)
Защита / подавление (проскриптивная регуляция)	Самоограничение / сдержанность	Непричинение вреда	Социальный порядок / общественная солидар- ность
Стимулирование / активация (прескриптивная регуляция)	Усердие	Помощь / честность	Социальная справед- ливость / социальная ответственность

* В данном модуле использовалась первоначальная (не сокращенная) версия опросника РДС, в модулях 4.3 и 4.4 – краткая версия РДС-к.

В данном исследовании альфа Кронбаха шкал варьируется в следующих пределах: опросник ФДС – от 0,69 до 0,88 со средним значением 0,79; опросник РДС – от 0,75 до 0,89 со средним значением 0,82, шкала МММ – от 0,56 до 0,79 со средним значением 0,68.

4.2.2. Результаты

Прежде всего сравнивались все измеряемые переменные в мужской и женской группах. Прежние исследования показывали, что взаимоотношения с домом по-разному строятся в зависимости от пола, определяющего социальные роли и обязанности: в то время как в мужской группе дом олицетворяет поэтичный и надежный «тыл», для женской части популяции это скорее источник многочисленных рутинных обязанностей. И те и другие, впрочем, любят свой дом, однако его смысл и функции различаются очень сильно.

Поскольку группы не были равнонаполненными, мы предпочли для сравнения использовать непараметрический критерий U Манна–Уитни. Оказалось, что средние значения не дают различий, за исключением морального мотива Непричинение вреда, который сильнее выражен в женской группе ($U = 22800$, $p = 0,05$). Тем не менее, хотя эти результаты показали на первый взгляд отсутствие гендерной сензитивности данных, с опорой на прежние результаты (Нартова-Бочавер и др., 2016), мы все же ожидали, что композиция связей может различаться в зависимости от пола.

Обнаружено большое количество положительных связей (г Пирсона) между образом дома и выраженностью моральных мотивов, и лишь Отчужденность дома, в полном соответствии со своим «разрушительным» содержанием, образовала отрицательные связи (табл. 4.2 и 4.3); примечательно, что в мужской подвыборке их значительно больше (53 против 26, включая тенденции). Интересно также, что у юношей связи образовывали и функциональность, и релевантность, в то время как в женской – преимущественно релевантность. Объективный комфорт для девушек менее важен, чем чувство соответствия дома собственной индивидуальности. Уже не в первый раз также отмечено, что Пластичность, первоначально будучи вы-

делена как однозначно позитивный дескриптор дружественной домашней среды, образует отрицательные связи с моральными мотивами, повторяя паттерн, который уже проявлялся по отношению к переменным психологического благополучия. Этот факт заставляет подумать о том, что Пластичность в доме не взрослого еще человека, возможно, воспринимается скорее как угроза стабильности дома, ведь те перемены, которые Пластичность допускает, обычно осуществляются не самим юношей, а чаще все же его родителями, хозяевами дома. Обобщая, можно отметить, что развивающая и «возвышающая» функция дома более сильно выражена в мужской подгруппе: чем «теплее» дом, тем гуманнее мироотношение юношей.

Таблица 4.2

Связь образа дома и моральных мотивов (юноши)

Шкала	Помощь	Непричинение вреда	Социальная справедливость	Социальный порядок	Усердие	Самоограничение
ФДС	0,30**	0,19*	0,25**	0,33***	0,15	0,26**
Прагматичность	0,36***	0,25**	0,31***	0,28**	0,16	0,19*
Развитие	0,28**	0,11	0,15	0,29**	0,15	0,19*
Стабильность	0,26**	0,17	0,19*	0,29**	0,09	0,21
Защищенность	0,25**	0,21*	0,27**	0,29**	0,14	0,25**
РДС	0,33***	0,28**	0,35***	0,39***	0,32***	0,18
Управляемость	0,35***	0,33***	0,33***	0,30**	0,33***	0,20*
Ресурсность	0,34***	0,26**	0,31***	0,37***	0,36***	0,15
Самопрезентация	0,25**	0,25**	0,34***	0,31***	0,17	0,12
Эргономичность	0,26**	0,24**	0,33***	0,29**	0,22*	0,13
Отчужденность	-0,22**	-0,23*	-0,15	-0,05	-0,29**	-0,09
Пластичность	0,07	0,09	0,24*	0,24**	0,13	0,04
Историчность	0,18	0,12	0,21*	0,27**	0,10	0,10

Примечание: N = 138. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. Проскриптивные мотивы – в серых столбиках

Поскольку корреляции – это связи двусторонние, для уточнения механизмов взаимодействия образа дома и моральных мотивов был предпринят регрессионный анализ. У юношей обнаружено 11 предикторов из числа качеств домашней среды, предсказывающих моральные мотивы, причем все шесть;

у девушек таких связей всего семь, и они ведут всего к четырем мотивам (рис. 4.1 и 4.2). Больше всего связей у девушек образовал проскриптивный мотив Усердия: девушки из уютных домов более работоспособны, что, видимо, в свою очередь, помогает им сделать свой дом еще более подходящим себе.

Таблица 4.3

Связь образа дома и моральных мотивов (девушки)

Шкала	Помощь	Непричинение вреда	Социальная справедливость	Социальный порядок	Усердие	Самоограничение
ФДС	0,08	0,07	0,00	0,06	0,18***	0,02
Прагматичность	0,07	0,05	-0,01	0,08	0,21***	0,02
Развитие	0,10*	0,07	0,05	0,07	0,13**	0,04
Стабильность	0,07	0,10	0,01	0,09	0,16**	0,01
Защищенность	0,07	0,06	0,03	0,07	0,16**	0,02
РДС	0,11*	0,12*	0,05	0,06	0,23***	0,02
Управляемость	0,05	0,05	-0,02	0,01	0,23***	-0,01
Ресурсность	0,17**	0,15**	0,09	0,14**	0,27***	0,08
Самопрезентация	0,12*	0,08	0,06	0,07	0,21***	0,02
Эргономичность	0,16**	0,21***	0,15**	0,13*	0,24***	0,09
Отчужденность	-0,02	0,00	0,04	0,02	-0,20***	0,05
Пластичность	0,04	0,10*	0,09	0,09	0,15**	0,06
Историчность	0,14**	0,11*	0,09	0,03	-0,01	-0,01

Примечание: N = 412. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. Проскриптивные мотивы – в серых столбиках

Анализируя содержание мотивов, хотелось бы также отметить следующий интересный факт: в мужской группе характеристики домашней среды оказались связаны примерно в равной мере и с проскриптивными, и с прескриптивными мотивами; пропорция составила 26:27, в то время как у девушек связи образованы преимущественно прескриптивными мотивами, в основном Усердием, в пропорции 7:17. Это означает, что у девушек Дружественность домашней среды связана в основном с активными, а не ограничительными формами морального поведения: живущие в дружественном доме девушки готовы совершать нравственные действия, но, возможно, имеют

трудности из-за собственной импульсивности и самоконтроля относительно недобрых намерений. А если это и не так, то источник упорядочивания их поведения находится вне дома.

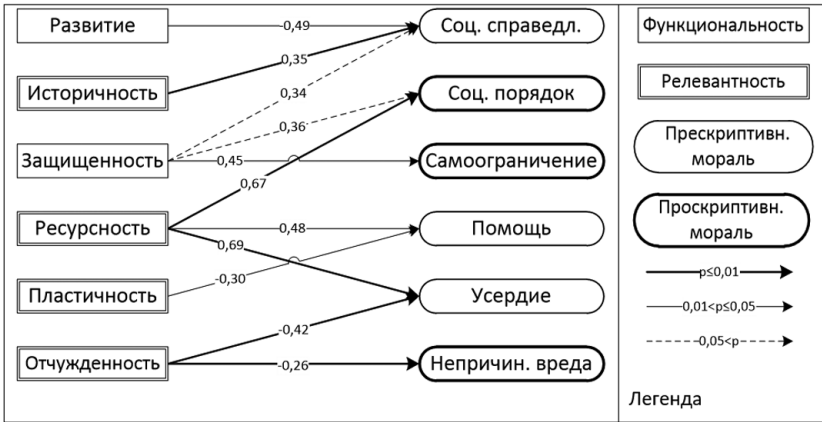

Рис. 4.1. Предсказательная сила характеристик домашней среды по отношению к выраженности моральных мотивов у юношей (N = 138, на линиях размещены значения β)

В мужской группе связи сильнее, их больше, и наиболее сильна связь с мотивом Помощи, в то время как в женской группе – с мотивом Усердия.

Поскольку в свете многочисленных теорий взаимодействия человека с его домом, а также и на уровне здравого смысла, изучаемые переменные обладают приблизительно равной степенью стабильности и «глубинности», был предпринят регрессионный анализ и в обратном направлении. И были получены весьма выразительные результаты, интересно дополняющие те, что были только что нами описаны: связи есть, хотя их гораздо меньше, они слабее, сила модели R^2 не превышает 0,10, и в то время как в мужской группе значимы всего три связи, в женской их обнаружено 16 (рис. 4.3 и 4.4). Предикторами позитивного образа дома, который воспринимается как Прагматичный и дающий возможность Развития, у юношей выступил мотив Помощи, а мотив Усердия, вполне логично, отрицательно предсказывает Отчужденность дома. В этом нет неожиданности: если вспомнить, что Отчужденность – это единственный

отрицательный дескриптор домашней среды, проявляющийся в бытовых стрессах и неудобствах, понятно, что трудолюбивый обитатель может с большей вероятностью исправить этот недостаток дома.

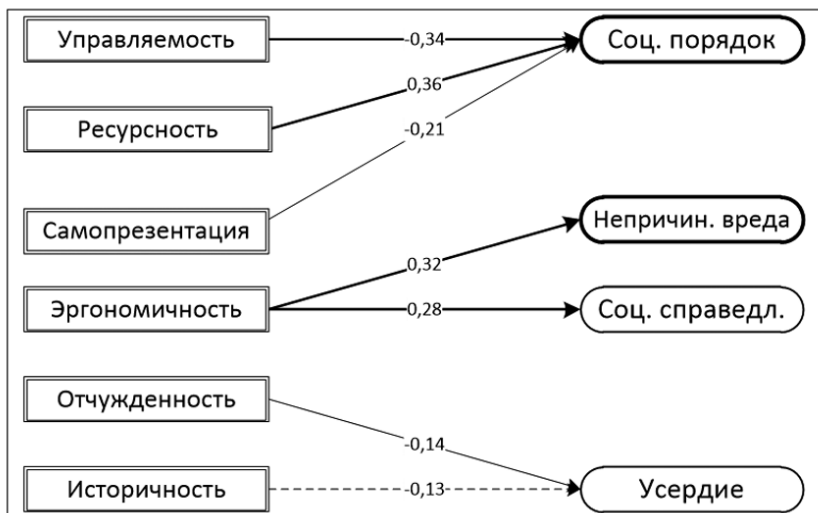

Рис. 4.2. Предсказательная сила характеристик домашней среды по отношению к выраженности моральных мотивов у девушек (N = 412, на линиях размещены значения β . См. легенду к рис. 4.1)

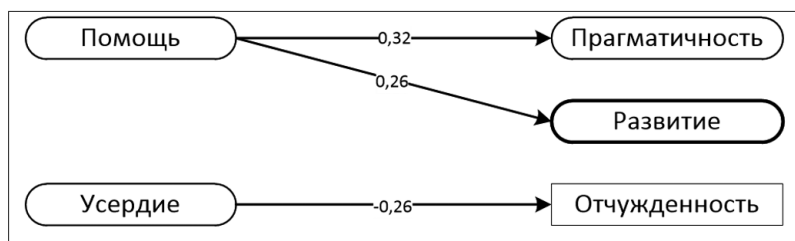

Рис. 4.3. Предсказательная сила характеристик моральных мотивов по отношению к дружественности образа дома у юношей (N = 138, на линиях размещены значения β . См. легенду к рис. 4.1)

И совсем неожиданно мотив Самоограничения у девушек выступил анти-предиктором позитивного образа дома: чем больше они склонны себя дисциплинировать или в чем-то себе

отказывать, тем более мрачным и негуманным представляется им их дом (а возможно, и весь мир, частью которого дом является). Складывается впечатление, что женская модель дома – это место, где нужно заботиться о чем-то или о ком-то (Непричинение вреда), где нужно много трудиться (Усердие), но не стоит себе в чем-то отказывать, ибо тогда начинают рушиться самые основы дома – его Стабильность, Защищенность, Управляемость, он перестает принадлежать и служить своей хозяйке, становится чужим (Отчужденность).

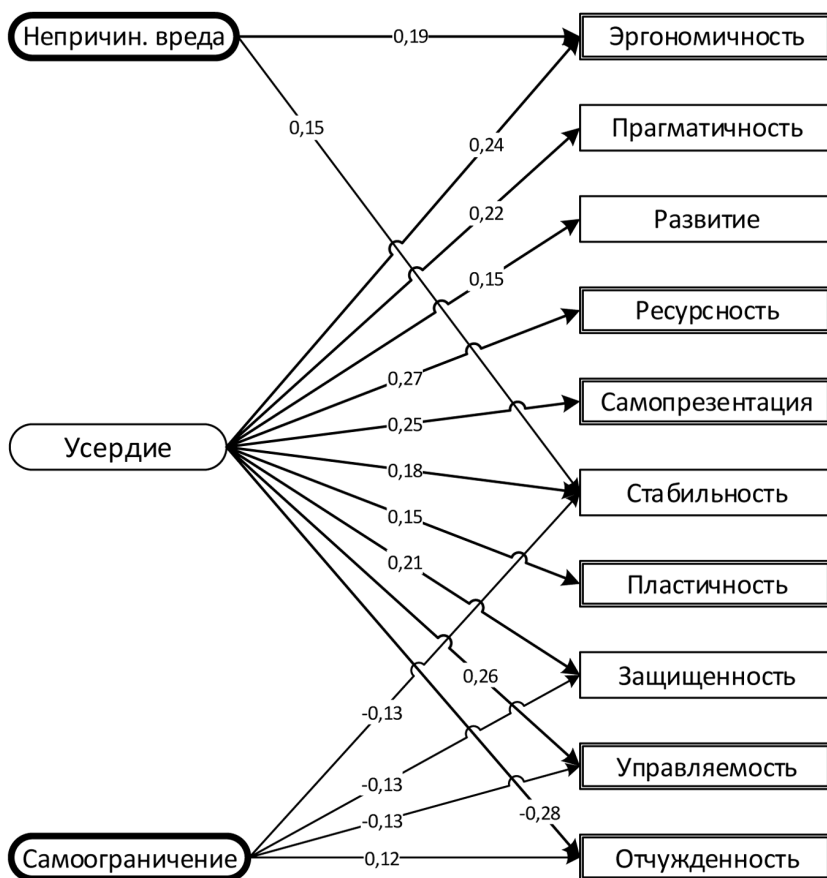

Рис. 4.4. Предсказательная сила характеристик моральных мотивов по отношению к дружелюбности образа дома у девушек (N = 412, на линиях размещены значения β . См. легенду к рис. 4.1)

Как бы то ни было, нам удалось получить интересные новые факты, которые полностью отвечают представлению о взаимодействии дома и его обитателей: дружественный дом способствует развитию моральных мотивов, моральная личность имеет более позитивный образ дома. Выдвинутые гипотезы подтвердились.

Полученные результаты можно объяснить, обращаясь к гендерно типичным способам обживания дома и, возможно, связанных с ними актуализированных образов дома: если для женщин типично персонализировать свой дом посредством порой утомительных рутинных практик, которые вызывают повседневный образ дома, не всегда «облагораживающий» обитательниц и скорее связанный с переживанием обыденности и утомления, то для мужчин дом – это праздник возвращения и место планирования нового этапа свободы, на котором они будут поддержаны архетипическим образом дома. Дом для мужчины – это то, что живет в его сердце, где бы он ни находился, а не конкретное место, которое нужно подметать и чистить и откуда не всегда удается уйти для более интересных занятий (Бочавер, 2015).

В то же время можно вспомнить о том факте, что дружественный дом был более сильным предиктором психологического благополучия у девушек, чем у юношей: девушкам дом скорее помогает адаптироваться, юношам – развиваться (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Заключая, можно отметить, что, в то время как в женской выборке был неоднократно отмечен сильный вклад дружественной домашней среды в поддержание психологического благополучия, в мужской группе дом больше способствует развитию высших моральных мотивов. Таким образом, для женщин дом – скорее поддерживающая среда, для мужчин – стимулирующая и развивающая.

4.3. ДОМАШНЯЯ СРЕДА И ОТНОШЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

В данном модуле исследования мы изучали возможную связь между дружественной домашней средой и отношением к справедливости.

Справедливость – исключительно важная социальная ценность, необходимая для регулирования межличностных и межгрупповых отношений. Идея справедливости играет важную роль в регуляции человеческих взаимоотношений, касающихся распределения жизненных благ, обязанностей, восстановления нарушенных прав, оценки причиненного ущерба и решения конфликтов. Это главная ценность многочисленных социальных институтов, таких как религия, право, благотворительность; без опоры на нее невозможно поддерживать социальный порядок, регулировать конфликты, управлять людьми. Общество не может существовать без признания и институционализации этой ценности.

Справедливость мы понимаем как систему имплицитных или эксплицитных правил относительно того, как и между кем распределяются различные ресурсы: социальные, финансовые, природные, эмоциональные и пр. В зависимости от содержания ресурсов выделяют организационную, дистрибутивную и другие виды справедливости. Справедливость подразумевает соответствие наличного ожиданиям, связанным с инвестициями (что заслужено и заработано) или притязаниям (какова интенсивность потребностей) субъекта. И, наконец, справедливость предполагает ограниченность ресурсов, которых никогда не хватает на всех. Несмотря на высокую вариативность субъективных представлений о справедливости в ее отнесенности к разным жизненным ситуациям, неизменным остается признание необходимости правил и законов, по которым распределяются между разными людьми и социальными группами разные ресурсы. Справедливость дала название одной из популярных теорий морального развития – т.н. морали справедливости (*justice moral*) Л. Кольберга, описывающего содержание и последовательность смены правил, которыми руководствуются в принятии решений люди (Анцыферова, 1999; Kohlberg, 1973). Суть справедливости, согласно Л. Кольбергу, – это распределение прав и обязанностей, регулируемое понятиями равенства и взаимности. Очевидно, что именно домашняя повседневность предоставляет широкий спектр ситуаций, в которых люди тренируют свои навыки справедливого поведения и защиты собственных прав.

Феномен справедливости всегда рождается и проявляется в процессе человеческого взаимодействия, и потому подразумевает диалог или даже полилог: некто зарабатывает определенные ресурсы и привилегии и ожидает их получить, а другой человек или группа удовлетворяет эти ожидания или нет. Можно ожидать, что первоначальные представления о справедливости возникают в семье и связаны с образом жизни семьи, атмосферой и семейным климатом, существующими прежде всего в доме. В семье возникает и первый опыт переживания несправедливости, связанный со статусом сиблинга, полом, присутствием любимых и нелюбимых родственников, а также с вечным для России «квартирным» вопросом – у кого есть отдельная комната, у кого нет, кто занимает самое удобное место на кухне или за столом и т.д. Дома, в семье, складываются представления о т.н. семейной лояльности – верности семье и часто неосознанной памяти о тех услугах, которые оказывались членами семьи друг другу, иначе говоря, о том, кто, кому и что должен (Boszormenyi-Nagy, Spark, 1973; Шутценбергер, 2001). Понятия лояльности и справедливости в семейную психологию внес И. Бузормени-Надь, отмечая необходимость передачи долгов или несправедливостей, которые накоплены предыдущими поколениями, последующим поколениям. Он подчеркивал невозможность убежать от тирании своих обязанностей, в первую очередь – от долга каждого ребенка по отношению к своим родителям за любовь, тепло, заботу, их усталость и то отношение, которое было получено после его рождения до того момента, когда он стал взрослым. По его мнению, существует неявная «семейная бухгалтерия», где речь идет не столько о деньгах, но также об эмоциях, привязанности, поддержке, базовой безопасности. «Семейная бухгалтерия» учитывает не только то, что каждый дал или получил, но также бухгалтерию ошибок и допущенных несправедливостей, которые обязывают нести за это ответственность самого нарушителя и его потомков. Потеря равновесия в «балансе семейных счетов» является причиной повторяющихся проблем; если восстановление справедливости не было достигнуто, то это нарушает целостность семейной системы и обрекает потомков «на проклятье».

Поэтому есть все основания ожидать, что отношение к справедливости может быть связано с образом дома и отношением

к нему. С другой стороны, чувство справедливости может также задавать картину мира, в. т.ч. и образ собственного дома.

В психологии отношение к справедливости чаще всего изучают, используя два качества, которые рассматриваются как диспозиции, т.е. относительно стабильные во внутриличностном пространстве черты. Во-первых, это вера в справедливый мир (ВСМ) и, во-вторых, это чувствительность к справедливости (ЧС).

Понятие «вера в справедливый мир» (ВСМ) было введено М. Лернером в 1960-е годы и описано в его одноименной теории (Lerner, 1980). ВСМ представляет собой общую мировоззренческую установку (часто называемую заблуждением или иллюзией), в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен упорядоченно и корректно, представляет собой такое место, где каждый человек, в конечном итоге, получает то, что заслуживает: и награды, и наказания. Вполне логично, что чувство порядка формируется впервые в процессе контакта с собственной домашней средой, где каждая вещь должна иметь свое место, а каждый ритуал совершается в определенное время. Исследования говорят о том, что ВСМ предсказывает меньшее количество конфликтов в супружеских парах, особенно со стажем, задает субъективно меньшую конфликтность супругов и, как результат, – более высокий уровень удовлетворенности браком (Lipkus, Bissonnette, 1996).

Отмечается, что ВСМ вообще представляет собой существенный ресурс поддержки психологического благополучия человека и выполняет по крайней мере три адаптивные функции: 1) она представляет собой знак того, что субъект берет на себя обязательства поступать справедливо; 2) наделяет его уверенностью в том, что и другие будут с ним справедливыми; 3) задает концептуальные рамки для того, чтобы человек мог осмысленно интерпретировать события своей жизни (Donat, Dalbert, 2015). Таким образом, ВСМ, как и многие другие мировоззренческие стереотипы, экономит психическую энергию человека, поддерживает его доверие к миру и людям.

После того как возникла двухмерная модель ВСМ и были разделены вера в справедливый мир вообще (ВСМ_{общ}) и вера человека в справедливость по отношению к себе (ВСМ_{личн}), было показано, что в западных культурах ВСМ_{личн} в большей

степени связана с психологической адаптированностью субъекта в целом, с низким уровнем депрессии, беспокойства и других невротических симптомов в ситуации социальной небезопасности, депрессии, враждебности и с более высокой жизненной удовлетворенностью, чем $VCM_{общ}$. В то же время $VCM_{общ}$ связана с обвиняющими установками по отношению к пожилым людям, малоимущим и безработным, невиновным жертвам (Nartova-Bochaver et al., 2018).

Другой конструкт, описывающий отношение субъекта к справедливости, – это чувствительность к справедливости (ЧС). Понятие «чувствительность к справедливости» (ЧС, *gerechtigkeitssensibilität, justice sensitivity*) было предложено германским психологом М. Шмиттом для акцентирования устойчивых индивидуальных особенностей в отношении к справедливости, которые бы отличались от ситуативно действующих мотивов, равно как от переживаний или поступков (Schmitt et al., 2005). ЧС – это черта личности (диспозиция), которая включает в себе устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и в силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость и включает четыре компонента: а) частоту переживаемой несправедливости, б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, д) мотивацию к восстановлению справедливости. Поскольку роль субъекта в ситуации нарушения справедливости может быть различной, было выделено четыре аспекта (ракурса) ЧС: человек может быть жертвой несправедливости (ЧС_{жертв}), ее нарушителем (ЧС_{наруш}), свидетелем (ЧС_{свид}), а также он может оказаться незаслуженно одаренным какими-то ресурсами или привилегиями, которые по праву должны принадлежать другому человеку, а не ему. В этом случае субъект не предпринимал никаких намеренных действий, чтобы в обход справедливости нечто получить, однако – свершилось, и он стал счастливым обладателем. Эта позиция была названа бенефициаром (ЧС_{бенеф}).

За выделенными аспектами стоят разные переживания, представления и намерения. Так, переживание себя жертвой чаще всего влечет чувство справедливого гнева; опыт свидетеля несправедливости по отношению к другим может приводить

к моральному возмущению, а роль бенефициара или нарушителя норм справедливости – вызывать чувства вины и стыда. ЧС – это частный вариант моральной восприимчивости личности вообще, т.е. умения видеть и выделять в человеческих отношениях моральное (moral relevant) содержание. В то же время исследования говорят о том, что ВСМ и ЧС – это феномены, которые находятся скорее в оппозиционных отношениях (в самом деле, опыт переживания ситуаций несправедливости делает человека разуверившимся в том, что справедливость в мире существует) (Schmitt et al., 2005). Кроме того, наши собственные исследования говорят о том, что присутствие такой черты, как ЧС, в структуре личности у россиян скорее принижает их субъективное благополучие, особенно в женской выборке. Впрочем, необходимо отметить, что ЧС_{жертв} радикально отличается своей социальной направленностью от других аспектов ЧС: только позиция жертвы отличается высокой эгоцентричностью и стремлением получить причитающееся, в то время как остальные аспекты ЧС побуждают субъекта к просоциальному, направленному на защиту других людей, поведению.

В данном модуле исследования проверялись следующие гипотезы: 1) отношение к справедливости (ВСМ и ЧС) положительно предсказывается дружелюбностью домашней среды; 2) отношение к справедливости (ВСМ и ЧС) предсказывает позитивный образ дома и привязанность к нему; 3) связи модерированы полом.

4.3.1. Процедура исследования

В исследовании приняли участие 404 респондента – студента московских университетов ($M_{возраст} = 20,3$; $SD_{возраст} = 2,5$, 90 мужского пола, 313 – женского). Наряду со стандартным набором опросников для изучения образа дома (ФДС, РДС-к, ПД (Резниченко и др., 2016), для изучения отношения к справедливости использовались следующие опросники: Вера в справедливый мир (личная и общая) (Dalbert, 2001; Nartova-Bochaver et al., 2018), Чувствительность к справедливости (4 шкалы) (Schmitt et al., 2005; Нартова-Бочавер, Адамян, Шмитт, 2018).

4.3.2. Результаты

Сравнение всех изучаемых характеристик в зависимости от пола при помощи непараметрического критерия U Манна–Уитни показало всего лишь две значимые связи: в женской группе выше показатели $\text{ЧС}_{\text{свид}}$ и $\text{ЧС}_{\text{наруш}}$ (соответственно, $U = 11774,00$, $p = 0,020$, $U = 11015,50$ $p = 0,001$). Это означает, что девушки по сравнению с юношами склонны более активно вмешиваться в ситуации, когда по отношению к посторонним людям поступают несправедливо, а также испытывать чувство вины, если сами нарушили справедливость по отношению к другому человеку. Характеристики домашней среды и привязанности к ней в зависимости от пола не различались. Тем не менее мы провели дальнейший анализ исходя из того, что моральные качества и восприимчивость к ресурсной функции дома, как показали ранее проведенные исследования, обладают гендерной сензитивностью.

Прежде всего, было обнаружено, что, в соответствии с ожиданиями, отношение к справедливости оказалось положительно связано (r Спирмена) с характеристиками дружественной домашней среды и привязанности к дому (табл. 4.4). В группе юношей было получено 28 значимых хорошо интерпретируемых связей. Так, оказалось, что вера в справедливый мир связана со всеми характеристиками функциональности домашней среды: чем более практичен, стабилен, защищен дом, чем больше возможностей развития он открывает, тем сильнее обитатели верят в то, что мир – это справедливое место, и в то, что по отношению к ним несправедливостей не допускалось. Порядок внешний связан с порядком внутренним, с готовностью жить по правилам и строить рациональные прогнозы, опираясь на стабильные, всем понятные и известные законы бытия. Вера в справедливый мир связана также практически со всеми характеристиками релевантности дома (отрицательно – с Отчужденностью). Кроме того, вера в справедливый мир в обоих аспектах связана с привязанностью к дому – юноши, любящие свой дом, верят в то, что мир – это справедливое место и что жизнь обходится справедливо с ними самими. Привязанность к дому, таким образом, выступает как стабилизатор, источник правил, определенности и предсказуемости жизни.

Что касается чувствительности к справедливости, то эта черта в группе юношей образовала очень мало связей с характеристиками дома. Так, оказалось, что ЧС_{жертв} положительно связана с Историчностью: чем больше юноша чувствует и ценит «связь времен» в своем доме, тем с большей вероятностью он готов ощутить себя обделенным, обойденным, недооцененным, и постараться защитить свои права. Поскольку ЧС_{жертв} – это не самая благотворная для благополучия личности характеристика, полученные данные говорят скорее о том, что молодому человеку, желающему ощутить свою «победительность», имеет смысл сепарироваться от своей истории, связанной с домом, и начать строить свою собственную историю. Похожая интерпретация привязанности к месту как ограничителя личностного развития была дана в обзоре М. Левицкой (Lewicka, 2011). Возможно также, что молодым людям бесполезно сопоставлять свою историю с историей семьи, ведь именно в юношеском возрасте очень трудно соответствовать ожиданиям клана. Или, иначе, те молодые люди, которые не очень интегрированы в историю семьи и не связывают с ней свой жизненный путь (что, вообще говоря, типично для юношей), свободны от чувства недооцененности и, как результат, психологически более устойчивы и благополучны.

ЧС_{свид} оказалась также положительно связана с Самопрезентацией и Привязанностью к дому. Таким образом, чем больше возможностей самовыражения предоставляет дом юноше и чем сильнее он привязан к дому, тем с большей вероятностью он будет соблюдать отношения справедливости между другими людьми, от случайных попутчиков, до гражданского общества в целом, и вести себя просоциально.

Таблица 4.4

Связь образа дома и отношения к справедливости (юноши)

Шкала	ВСМ _{личн}	ВСМ _{общ}	ЧС _{жертв}	ЧС _{свид}	ЧС _{бенеф}	ЧС _{наруш}
ФДС	0,48***	0,40***	0,09	0,09	0,02	0,05
Прагматичность	0,44***	0,35***	0,10	0,08	0,02	0,07
Развитие	0,43***	0,31***	0,14	0,06	0,09	0,00
Стабильность	0,37***	0,37**	0,04	0,00	0,05	-0,01
Защищенность	0,49***	0,38***	0,05	0,17	-0,10	0,14

РДС	0,40***	0,39***	0,11	0,13	-0,02	0,03
Приватность	0,36***	0,30**	0,04	0,03	-0,01	0,01
Ресурсность	0,35***	0,35***	0,12	0,17	-0,03	0,08
Самопрезентация	0,21*	0,27***	0,14	0,23**	-0,05	0,03
Эргономичность	0,17	0,26*	0,03	0,12	-0,07	0,11
Отчужденность	-0,28***	-0,14	0,12	0,06	-0,04	-0,04
Пластичность	0,35***	0,20	0,00	0,06	-0,06	0,01
Историчность	0,24***	0,29**	0,23**	0,11	0,03	-0,02
ПД	0,25***	0,44***	0,15	0,24**	0,02	0,09
<i>Примечание:</i> N = 901. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$						

В подгруппе девушек обнаружено еще больше, чем в группе юношей, значимых связей между качествами домашней среды и отношением к справедливости – всего 34 связи, и их композиция отличается от той, что получена в мужской группе (табл. 4.5). Как и в мужской группе, вера в справедливый мир связана с параметрами функциональности, релевантности домашней среды и с Привязанностью к дому, т.е. упорядочивающая функция домашней среды проявляет себя и у девушек. В отличие от юношей, с домашней средой связана и чувствительность к справедливости, причем в полном соответствии с содержанием этого феномена, с ЧС_{жертв} – отрицательно, с ЧС_{наруш} – положительно. Отметим, эти ракурсы ЧС содержательно противостоят и дополняют друг друга: если жертва чего-то незаслуженно лишилась и испытывает в связи с этим гнев, то нарушитель присвоил себе нечто, что по праву должно достаться другим, и испытывает чувства стыда и вины. Феноменология чувствительности к справедливости в соотнесенности с домашней средой сильно различается в зависимости от пола: чем более функционален и комфортен дом, чем больше он подходит юной обительнице, тем с меньшей вероятностью у нее возникает ощущение себя жертвой, обделенной тем, что почему-то достается другим. Интересно, что отрицательна, в отличие от юношей, и связь с Историчностью: чем сильнее узы, привязывающие девушку к дому, тем с меньшей вероятностью она окажется в позиции жертвы. С другой стороны, чем стабильнее дом и чем больше она к нему привязана, тем сильнее будет испытывать раскаяние и вину, если нарушит чьи-то права.

Таблица 4.5

Связь образа дома и отношения к справедливости (девушки)

Шкала	ВСМ _{лич}	ВСМ _{общ}	ЧС _{свд}	ЧС _{свд}	ЧС _{бенеф}	ЧС _{свд}
ФДС	0,26***	0,17**	-0,11**	0,03	0,01	0,10
Прагматичность	0,25***	0,15**	-0,11**	0,02	0,01	0,11
Развитие	0,19***	0,15**	-0,11	0,01	0,02	0,07
Стабильность	0,29***	0,15**	-0,09	0,02	0,00	0,13*
Защищенность	0,22***	0,16**	-0,11	0,02	-0,05	0,03
РДС	0,25***	0,21***	-0,15*	-0,02	0,01	0,05
Приватность	0,24***	0,05	-0,05	0,00	0,05	0,03
Ресурсность	0,25***	0,15**	-0,08	0,04	-0,02	0,11
Самопрезентация	0,30***	0,25***	-0,14*	0,04	-0,07	0,09
Эргономичность	0,13*	0,16**	-0,06	0,05	0,00	0,10
Отчужденность	-0,20	-0,10	0,12*	0,10	-0,06	-0,03
Пластичность	0,18***	0,23***	-0,13*	-0,07	-0,02	-0,02
Историчность	0,10	0,16**	-0,16**	-0,04	0,01	-0,04
ПД	0,13*	0,14*	-0,04	0,08	-0,07	0,12*

Примечание: N = 313. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$

Таким образом, можно заключить, что отношение к справедливости сильнее связано с образом дома и привязанностью к нему в женской группе. ЧС_{свд} и ЧС_{бенеф} в соотнесенности с качествами домашней среды себя никак не проявили.

Однако возникает вопрос – насколько симметричны обнаруженные связи, в какую сторону они смещены? Что происходит в действительности – осознание справедливого и упорядоченного мира проецируется на образ собственного дома или, напротив, опыт жизни в удобном, комфортном и любимом доме воспитывает в обитателях чувство справедливости и уважение к этой ценности?

Для ответа на этот вопрос был предпринят парный регрессионный анализ.

В мужской группе результаты, по сути, подтвердили те связи, которые показаны в табл. 4.4: действительно, дружественный дом и чувство привязанности к нему предсказывают отношение к справедливости, и в форме веры в справедливый мир, и в форме чувствительности к справедливости (рис 4.5). Сила

моделей R^2 достигает 0,25, что достаточно солидно для парного регрессионного анализа, при том что нашей целью и не было построение прогностической модели. Получено 25 значимых связей.

Особенно плотная система связей получена по отношению к вере в справедливый мир: действительно, как и ожидалось, дружественная домашняя среда способствует тому, что мир воспринимается как справедливое место, как своего рода расширенный дом, где есть порядок и правила. Только Отчужденность вносит отрицательный вклад в переживание личной справедливости.

Что касается чувствительности к справедливости, то здесь выделено всего две связи: Историчность предсказывает $ЧС_{жертв}$, а Привязанность к дому – $ЧС_{свид}$.

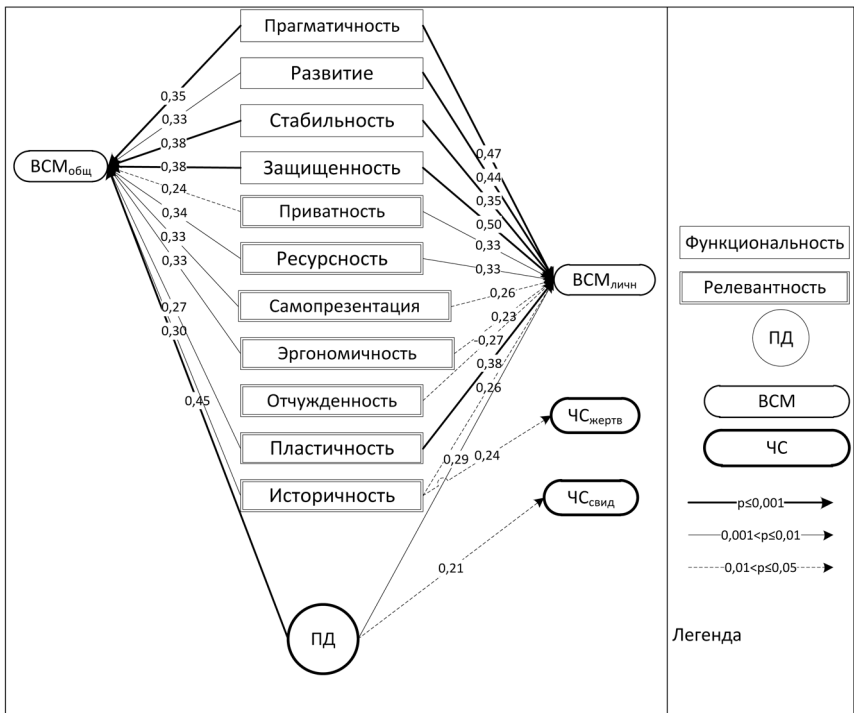

Рис. 4.5. Предсказательная сила характеристик домашней среды к отношению к справедливости у юношей (N = 90, на линиях размещены значения β)

В женской группе (рис. 4.6) получены схожие данные: вера в справедливый мир предсказывается качествами домашней среды сильнее, чем чувствительность к справедливости; кроме того, $ВСМ_{личн}$ предсказывается сильнее, чем $ВСМ_{общ}$. Таким образом, дом задает у девушек ощущение, что они управляют своей жизнью, могут заработать то, на что претендуют, а также справедливо вознаграждены за свои усилия. Что касается убежденности в том, что мир – это справедливое место, она также испытывает влияние домашней среды, однако в меньшей мере. Сила моделей R^2 , однако, не превышает 0,8, количество значимых связей – 28, и паттерн связей отличается от такового у юношей.

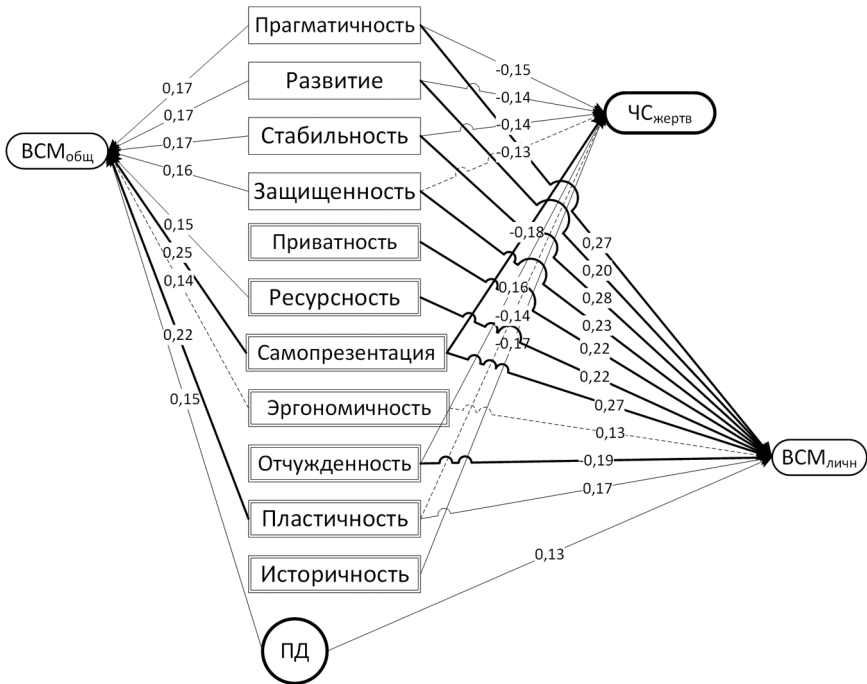

Рис. 4.6. Предсказательная сила характеристик домашней среды к отношению к справедливости у девушек (N = 313, на линиях размещены значения β . См. легенду к рис. 4.5)

Вместе с тем неожиданно оказалось, что $ЧС_{жертв}$ в группе девушек хорошо предсказывается всеми параметрами функциональности жилища и многими характеристиками релевантности. Иначе говоря, девушки с тем меньшей вероятностью

чувствуют свою обделенность и готовы испытывать гнев, стимулирующий к защите своих интересов, чем более комфортны их жилища и чем сильнее они подходит личностям обладательниц. А вот Отчужденность, в полном соответствии со своим содержанием, способствует тому, что девушки, испытывая бытовые стрессы и раздражение от «непослушного» дома, занимают позицию жертвы и становятся склонными себя защищать и усиленно охранять свои личные интересы. Вспомним, что $ЧС_{жертв}$ – это эгоцентрическая черта, способствующая мобилизации человека и, через усиление праведного гнева, стимулирующая его к активности. Эти данные согласуются и с описанными в главе 2 данными, показывающими, что надежный дом способен усиливать конфронтационный копинг. Другие (просоциальные) аспекты чувствительности к справедливости качествами домашней среды не предсказываются.

В мужской группе было обнаружено только два предиктора чувствительности к справедливости. Таким образом, можно заключить, что домашняя среда вносит вклад в отношение к справедливости в группах разного пола, однако у юношей это скорее мировоззренческие установки, а у девушек сильнее выражен поведенческий компонент, более прагматичный и «привязанный» к задачам защиты своих повседневных интересов. У юношей это скорее развитие личности, у девушек – адаптация.

В то же время, исходя из того, что отношение к справедливости, операционализированное в чертах личности, остается мировоззренческой характеристикой, возникает вопрос – не может ли случиться, что отношение к справедливости также предсказывает позитивный образ дома и привязанность к нему? Для ответа на этот вопрос мы вновь предприняли парный регрессионный анализ, поменяв местами зависимую и независимую переменные.

В группе юношей было получено также 25 абсолютно симметричных полученным ранее связей, никаких новых значимых переменных не обнаружилось: оказалось, что вера в справедливый мир предсказывает все позитивные характеристики дома (за исключением Отчужденности, где $ВСМ_{личн}$ оказалась антипредиктором) и уровень привязанности к нему (рис. 4.7). Предсказательная сила чувствительности к справедливости выражена гораздо менее нюансированно по сравнению с верой в справедливый мир.

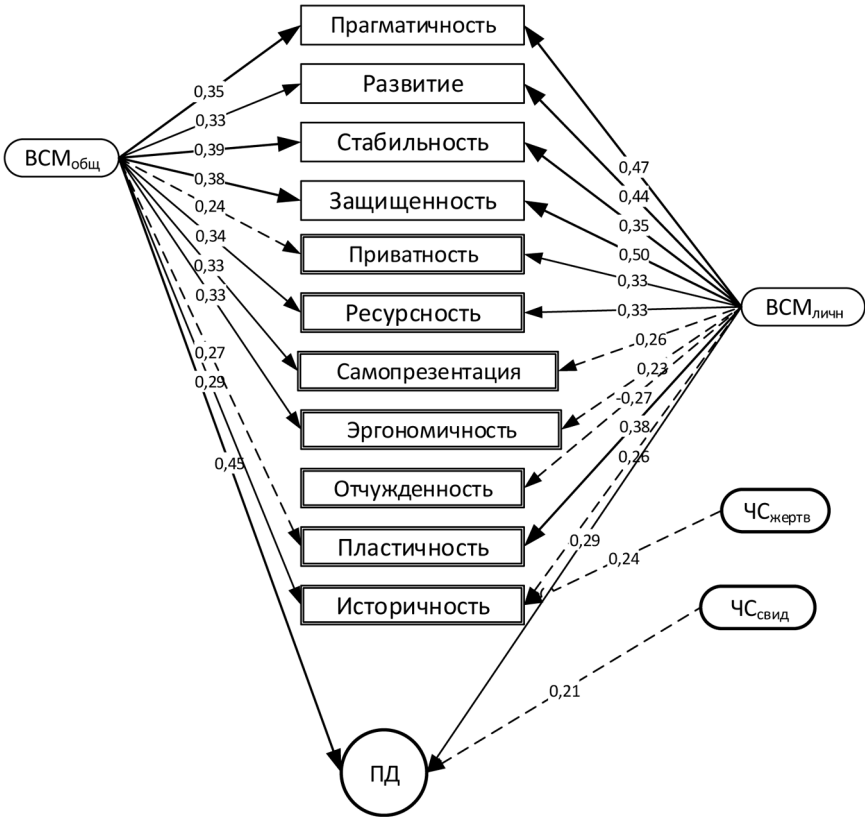

Рис. 4.7. Предсказательная сила отношения к справедливости для образа дома и привязанности к нему у юношей (N = 90, на линиях размещены значения β. См. легенду к рис. 4.5)

В группе девушек, несмотря на невысокую силу моделей, получено 29 значимых предикторов. Оказалось, что, как и ожидалось, VCM_{личн} и VCM_{общ} предсказывают все качества функциональности, почти все характеристики релевантности, а также уровень привязанности к дому: девушкам, которые считают, что обычно вознаграждены по заслугам, их дом кажется очень удобным, отражающим их потребности и подходящим им, любимым ими и заслуживающим привязанности (рис. 4.8). Или, иначе, девушки, которые считают, что мир, люди и судьба обходятся с ними нечестно, полагают, что их дом неудобен, чужой им и не

заслуживает привязанности. Чувствительность к справедливости с позиций свидетеля, бенефициара и нарушителя не дала никаких значимых связей. Хотя в целом направление связей практически симметрично, нужно отметить, что вера в справедливый мир дала больше предсказательных связей по отношению к образу дома и привязанности к нему, чем наоборот.

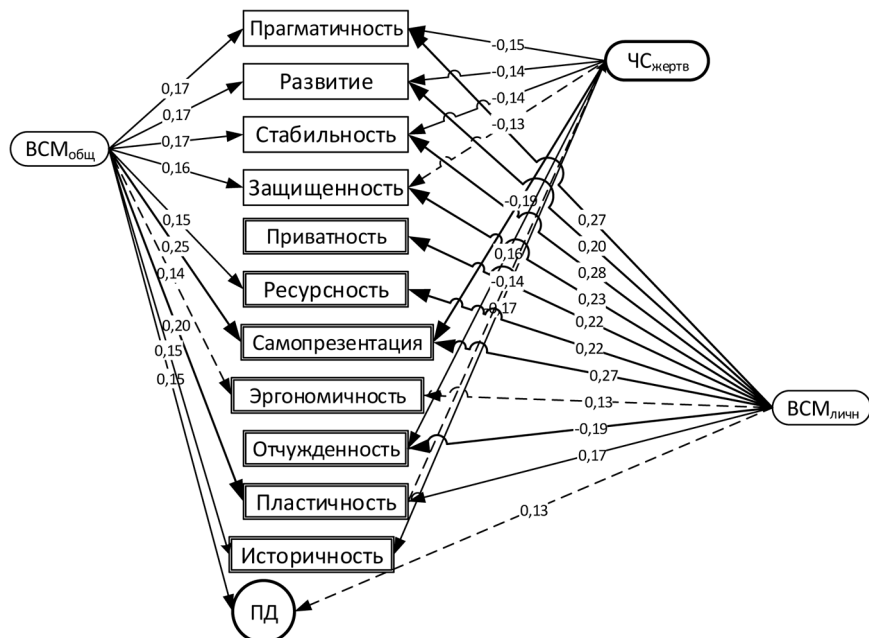

Рис. 4.8. Предсказательная сила отношения к справедливости для образа дома и привязанности к нему у девушек (N = 313, на линиях размещены значения β . См. легенду к рис. 4.5)

Наиболее существенно различие по полу проявило себя применительно к ЧС_{жертв}. В женской группе эта черта отрицательно предсказывает и предсказывается Историчностью, т.е. чувство связанности с историей семьи удерживает девушку от того, чтобы ощутить свою обделенность, почувствовать гнев и таким образом защитить свои интересы. Более того, закономерность стабильна и проявляет себя по отношению к нескольким характеристикам домашней среды. Эти результаты неоднозначны: с одной стороны, чем выше показатели дружелюбности

дома, в частности, его Историчности, тем меньше шансов, что девушка займет позицию жертвы и окажется восприимчивой к случаям обмана или депривации. Таким образом, защитить себя в случае необходимости она не сумеет, скорее склоняясь к беспомощному поведению и смирению. С другой стороны, эта невосприимчивость сама по себе благотворна, т.к. связана с широким спектром позитивных индикаторов психологического благополучия. То есть опосредованно Историчность, свойство дома быть пространством личной и семейной истории, делает девушку более победительной и неуязвимой.

Также неоднозначны и результаты юношей, однако связь здесь иная: Историчность отрицательно предсказывает и предсказывается ЧС_{жертв}, хотя других связей с характеристиками домашней среды не обнаружено. Однако чувство связанности своей личной и семейной истории с домом в этом случае скорее побуждает юношей контролировать и оценивать честность распределения ресурсов, замечать случаи несправедливости и стремиться быстро их исправить. Эта позиция далека от милосердия или всепрощения, однако она тоже по-своему адаптивна.

Если сравнивать полученные данные с теми, что были исследованы в связи с моральными мотивами и описаны выше (параграф 4.2.2), то здесь бросается в глаза очень высокая симметричность моделей. В самом деле, по количеству связей и силе моделей мы не можем сказать, что же первично, а что вторично: отношение к справедливости задает позитивный образ дома или дружественная домашняя среда возвращает в обитателях чувство справедливости. Возможно, данные стали бы более выразительными, если бы, помимо физических качеств дома, мы включили в анализ больше данных об истории отношений обитателей с домом – о хороших и плохих событиях, пережитых там, семейном микроклимате, об отношении родителей обследованных респондентов к этому жилищу.

Таким образом, дом «встраивается» в общую мировоззренческую систему человека, принимая на себя его общее мироотношение, и это явление сильнее выражено в женской группе. Кроме того, у юношей с домом в целом связаны наиболее обобщенные и поэтические составляющие отношения к справедливости, а у девушек – более прагматичные и конкретные, полезные для задач адаптации и выживания. Как бы то ни было,

дом, безусловно, побуждает человека использовать ресурсы таких личностных черт, как вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости, повышая жизнестойкость и способность противостоять неблагоприятным обстоятельствам.

4.4. ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ДОМ И МИЛОСЕРДИЕ ОБИТАТЕЛЕЙ: СВЯЗЬ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ КАК ЧЕРТОЙ ЛИЧНОСТИ

Преыдущие исследования показали, что дом представляет собой фактор упорядочивания жизни обитателей, источник снижения хаоса и энтропии как в физической жизни обитателей, так и в их ментальном бытии. Дом дает (или, по крайней мере, должен давать) ощущение предсказуемости происходящего, надежности, уверенности в том, что, оставляя его, обитатель после возвращения все найдет таким же, как и перед уходом. Он меняется, взрослеет, осваивает новые пространства, – дом остается стабильным и ждет. В этом смысле примечательно, что, как показало предыдущее исследование, воспринимаемые качества дружественного дома и отношение к справедливости предсказывают друг друга в равной мере, симметрично, поскольку оба феномена предполагают присутствие правил равного распределения. Они предполагают не только семейную, но и внутреннюю «бухгалтерию», которая определяет отношение к обязанностям и поведение вообще – кому платить за квартиру, кому мыть посуду, кто здесь в гостях и потому свободен от обязанностей, а кто просто купил эту квартиру и таким образом «заработал» право на бытовую праздность.

Однако ценность справедливости, безусловно важная для организации человеческого взаимодействия, не является ключевым фактором развития личности и даже сильным предиктором психологического благополучия (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014). Среди человеческих добродетелей есть менее рациональные, построенные на асимметрии отношений человека и его бытия. Собственно говоря, можно ли считать, что все зарабатывается и покупается? Сама человеческая жизнь – это незаработанное; «вброшенность» в заданное время и пространство тоже задается обстоятельствами, находящимися вне индивидуального бытия (Heidegger, 1971). Так же, как и сам

дом, который не каждым строится или покупается, а может быть подарен, достаться по наследству и т.д.

С другой стороны, что делать и как поступать рационально мыслящему человеку в случае, если ему достался подарок? Это может вызвать смущение, а «отработка» может занять существенную часть жизни. Есть данности, которые выходят за пределы персонального контракта с жизнью. И если для верующего асимметричные отношения субъекта и его бытия в самом широком смысле слова очевидны и связаны с фигурой милосердного или карающего по своей собственной воле Бога, то для нерелигиозного понятие милосердия либо связано с социальными обязанностями и, в конечном счете, самопрезентацией и самоуважением (благотворительность, волонтерская деятельность), либо воспринимается как нонсенс, что нашло отражение в современном корпусе русского языка, наглядно показывающем, что слово «справедливость» употребляется чаще, чем те же «милосердие» и «благодарность», которые практически устарели: так, по сравнению с 1820 г. в 2014 г. частота употребления слова «милосердие», по-видимому, и раньше не очень популярного в светской речи, уменьшилась примерно от 30 случаев на 1 миллион слов до трех, слова «благодарность» – от 100 случаев до 15, слова «справедливость» – от 64 до 14 (Национальный корпус русского языка, 2016). Примечательно, что отрицательная динамика всех слов, кроме «справедливости», поступательна, в то время как динамика последнего сделала резкий скачок вниз в 2007 г. и с тех пор удерживается примерно на одном уровне. Значимость справедливости сохраняется, а милосердия – падает.

Следует отметить, впрочем, что справедливость, благодарность и способность прощать – ценности, которые вполне могут непротиворечиво уживаться в пространстве личности, дополняя друг друга, и мы бы хотели всего лишь отметить их различное воздействие на субъективное благополучие человека. С точки зрения благополучия и позитивного функционирования очень важно переживать благодарность и прощать обидчиков или обстоятельства (Fredrickson, 2004; Wood, Froh, Geraghty, 2010). Испытывая благодарность, человек признает ценность чего-то, что он получил не как само собой разумеющееся, а как нечто, что по нерациональным, но благоприятным

обстоятельствам досталось именно ему. Исследования на российской выборке говорят о том, что способность испытывать благодарность вносит вклад во все исследованные индикаторы психологического благополучия – фон настроения, отсутствие депрессивных переживаний, жизнестойкость (Нартова-Бочавер, Кислица, 2017). Мы не знаем другого личностного феномена, сравнимого по эффективности с чувством благодарности.

Как ни странно, в России, все сильнее позиционирующей себя как неатеистическая культура (по данным опросов студентов, не менее трети считают себя верующими, принадлежащими к разным конфессиям), феномен благодарности остается практически вне поля зрения психологов. Что же касается западных исследований, они дают много интересных результатов.

К настоящему времени используют несколько терминов, обозначающих либо кратковременное переживание благодарности, либо ее стабильное присутствие как черты личности: *gratitude*, *mercy*, *appreciation* (Emmons, McCullough, 2003). Поскольку состояния и черты высоко коррелируют, в нашем исследовании мы отдаем предпочтение диспозициональному пониманию благодарности. В широком смысле благодарность понимается как особенность мироотношения, побуждающая человека выделять позитивное в мире и быть за это признательным (Wood, Froh, Geraghty, 2010).

R. Emmons, исследуя феномен благодарности, пришел к выводу о том, что осознанное эмоциональное выражение признательности существенно повышает качество жизни человека, а искреннее выражение благодарности вносит в общение теплоту (Emmons, McCullough, 2003). Благодарность создает доминанту на том хорошем, чем обладает человек, что у него удачно в жизни, тем самым позволяя перейти на более позитивное восприятие себя и мира в целом и запуская другие благоприятные изменения, причем не только в сфере человеческих взаимоотношений, но и в области здоровья. Исследователи отмечают чрезвычайно благоприятное влияние благодарности на все биологические системы организма, включая мозг (Нельсон, Калаба, 2005). Тем, кто хочет быть более счастливым, Р. Эммонс и М. Маккаллоу советуют вести дневник благодарности, записывая в него несколько раз в неделю в течение нескольких минут все то, что доставило им удовольствие (Emmons, McCullough,

2003). М. Селигман отмечает, что слова «благодарность» и «благодарить» имеют общее происхождение (Селигман, 2006).

Анализ современных исследований благодарности как фактора позитивного функционирования человека осуществили английские психологи А. Вуд, Дж. Фро, А. Герати (Wood, Froh, Geraghty, 2010), работающие в русле клинической позитивной психологии. Как бы ни понималось психологическое благополучие человека: как отсутствие психопатологий, эмоциональная устойчивость, экзистенциальная наполненность или гуманистически – благодарность разнообразно связана со всеми его аспектами. Так, благодарные люди имеют более высокую самооценку, умеют проходить через жизненные перемены без депрессий, удовлетворены своей жизнью, чаще испытывают позитивные чувства, включая переживание «необыкновенного острого счастья» (Watkins et al., 2003). Они переживают подлинность и осмысленность своей жизни и не знают опытов самоотчужденности, управляют своим образом жизни и с высокой вероятностью способны к посттравматическому росту в случае драматических жизненных событий. Эти факты полностью соответствуют тем, что проявились и на российской выборке (Нартова-Бочавер, Кислица, 2017).

В межличностных отношениях благодарные люди чаще используют похвалу, кооперативность, способны к близким отношениям, испытывают доверие к людям, альтруистичны, конструктивно решают конфликты и потому счастливы в близких отношениях. Для интерпретации столь мощного влияния благодарности на все значимые стороны человеческой жизни: здоровье, самочувствие, отношения с другими людьми – привлекаются разные объяснительные модели. Согласно *гипотезе когнитивной схемы*, диспозиционально благодарные люди чаще способны практиковать позитивный взгляд на мир, осуществляя селекцию происходящих событий сквозь «розовые очки» благодарности, побуждающих совершать нечто ее оправдывающее или пробуждающее (Wood et al., 2008). В свою очередь, эта схема подкрепляет встречное отношение других людей, и «мир соглашается». Согласно *гипотезе совладающего поведения*, благодарные люди склонны чаще использовать конструктивные копинг-стратегии: инструментальное поведение и поиск социальной поддержки (Wood, Joseph, Linley, 2007). Это побуждает

их раньше замечать социальные ресурсы и использовать их, проявлять целеустремленность и энергию в решении проблем, что способствует достижению успеха.

Согласно *гипотезе позитивного аффекта*, привычные хорошие эмоции предохраняют от психических нарушений; опыт благодарности, которая сцеплена со многими из позитивных переживаний, способен изменить эмоциональный баланс человека к лучшему (Watson, Naragon-Gainey, 2010). Наконец, *гипотеза «расширения-и-наращивания»* утверждает, что эволюционный смысл позитивных переживаний (в отличие от негативных, способствующих быстрой мобилизации организма для целенаправленного спасительного действия) состоит в том, чтобы стимулировать мыслительные и поведенческие усилия к созданию долговременных ресурсов, которые понадобятся в экстремальных обстоятельствах, но должны появиться заранее (Fredrickson, 2004). Любопытство, креативность, благодарность относятся к таким эмоциональным стимуляторам.

Все четыре гипотезы совершенно непротиворечиво сочетаются между собой при объяснении целительной роли благодарности и в то же время имеют прямое отношение к домашнему пространству, в котором переживается позитивный аффект, случаются приятные неожиданности, укрепляется надежда. Поэтому есть полные основания предполагать, что дом будет ощущаться как более дружественный благодарными людьми, а теплый дом вызывать естественное чувство благодарности.

Исследования показывают, что отношения благодарности, обиды, прощения сильно зависят от психологической дистанции и в случае близких отношений переживаются особенно интенсивно. С другой стороны, именно домашняя среда собирает близких людей, с их нюансированными и разнообразными отношениями, которые «подпитываются» повседневной потребностью и неизбежностью совместного взаимодействия, распределения личного времени и поддержания приватности. Дом и семья – одновременно источник повседневного стресса и ресурс для его преодоления, который проявляет себя, укрепляя сильные стороны личности, добродетели и жизнестойкость.

В настоящем исследовании мы изучали взаимосвязь воспринимаемой дружественности домашней среды и диспозиционной благодарности. Гипотезы исследования состоят

в том, что 1) дружественный дом способствует проявлению у обитателей диспозициональной благодарности; 2) благодарность задает восприятие позитивного образа дома; 3) эти связи модерированы полом.

4.4.1. Процедура исследования

В исследовании приняли участие в общей сложности 1003 студента московских университетов с разных факультетов (200 мужского пола, 803 женского, $M_{возраст} = 19,4$, $SD_{возраст} = 1,8$), однако не каждый участник заполнял полную батарею методик, в силу этого в дальнейшем одно и то же значение коэффициента корреляции может обладать, в зависимости от объема выборки, разной значимостью. Для изучения домашней среды применялся стандартный набор опросников – ФДС, РДС-к, ПД (Нартова-Бочавер и др., 2016; Резниченко и др., 2015). Для исследования диспозициональной благодарности использовались русскоязычные версии следующих шкал*. Тест Благодарности Emmons и McCullough (2003) (Gratitude Questionnaire-6) включает шесть пунктов и измеряет диспозициональную благодарность (Селигман, 2006), Тест Благодарности, обиды и признательности (Gratitude, Resentment, Appreciation Test, GRAT; Watkins et al., 2003) включает 44 пункта и три шкалы: Чувство изобилия (Sense of abundance in life, или Lack of a sense of deprivation), Простые радости (Simple appreciation, или Appreciation for simple pleasures) и Социальную признательность (Social appreciation, или Appreciation for others). Шкала Признательности (Appreciation scale; Adler, Fagley, 2005) также измеряет диспозициональную благодарность, включает 57 пунктов и восемь субшкал: «Have» Focus (Обладание, благодарность за обладание тем, что имеешь), Awe (Благоговение, благодарность за то нерукотворное, что присутствует в мире и природе), Ritual (Ритуал, ритуалы и обряды для проявления благодарности), Present moment (Текущий момент, признательность за ценность текущего момента жизни), Self / Social comparison (Социальное сравнение – сопоставление своей жизненной ситуации с обстоятельствами тех, кто находится

* Некоторые опросники еще находятся в процессе валидации и будут опубликованы в ближайшее время..

в менее выгодном положении), Gratitude (Признательность за помощь, подарки и пр.), Loss / Adversity (Потери, использование реального и воображаемого опыта потерь для переживания благодарности за то, что есть), Interpersonal (Межличностная благодарность – выражение признательности конкретным людям). Все они измеряют благодарность как устойчивое личностное качество, а не состояние; в противном случае мы не могли бы рассчитывать получить связи этих качеств с позитивным образом дома.

Все количественные показатели в нашем исследовании имеют нормальное или близкое к нормальному распределение, значения показателя самосогласованности альфа Кронбаха удовлетворительны, расположены в интервале от 0,71 до 0,87, со средним значением 0,83.

4.4.2. Результаты

Сравнение показателей характеристик домашней среды и индикаторов диспозициональной благодарности при помощи непараметрического критерия U Манна–Уитни показало много различий (табл. 4.6): оказалось, что в целом девушки воспринимают свой дом более позитивно, и диспозициональная благодарность у них тоже выражена сильнее. В дальнейшем результаты юношей и девушек обрабатывались и интерпретировались отдельно.

Таблица 4.6

Характеристики домашней среды и показатели благодарности у девушек и юношей

Опросник	Шкала	Среднее значение у девушек и юношей	Опросник	Шкала	Среднее значение у девушек и юношей
ФДС	**Прагматичность	5,38	Gratitude Questionnaire-6	***Благодарность	35,00
		5,22			31,03
	**Развитие	4,95	Gratitude, Resentment, Appreciation Test	Чувство изобилия	69,95
		4,76			69,44
	*Стабильность	5,28		**Простые радости	51,07

		5,12			48,02
	**Защищенность	4,68		Социальная признательность	40,58
		4,60			39,46
РДС	Приватность	3,84	Appreciation scale	***Обладание	5,50
		3,85			4,81
	Ресурсность	3,64		***Благоговение	5,43
		3,60			4,65
	**Самопрезентация	3,30		*Ритуал	3,78
		3,15			3,48
	Эргономичность	3,30		***Текущий момент	5,41
		3,27			4,61
	Отчужденность	2,39		*Социальное сравнение	4,44
		2,48			4,21
	Пластичность	2,99		***Признательность за помощь	5,76
		2,91			5,22
	Историчность	3,00		*Потери	4,94
		2,93			4,45
ПД	*Привязанность к дому	3,37		***Межличностная благодарность	5,52
		3,18			4,88
<i>Примечание:</i> * – различия значимы при $p \leq 0,05$, ** – при $p \leq 0,01$, *** – при $p \leq 0,001$					

Корреляционный анализ Ч. Спирмена показал большое количество (59) значимых связей, вполне ожидаемых и хорошо интерпретируемых (табл. 4.7). Так, было обнаружено, что все они положительные (кроме связей Отчужденности), что лидирует по «отзывчивости» к домашней среде аспект благодарности, связанный с ритуалами, обрядами и привычками фиксировать ценность того, что получено или сделано. Это неудивительно: в благополучном доме люди часто говорят друг другу «Спасибо!» или стараются проявить свою благодарность делами. Благодарность связана с позитивной домашней средой и другими аспектами повседневности – в теплом доме люди лучше чувствуют радость обладания тем, что им дано, ценность момента жизни, который мимолетен и скоро пройдет, они способны испытывать простые радости и защищены от угрозы ангедонии, они ощущают себя везучими людьми, возможно, избранными, т.к. имеют то, в чем отказано другим. Конечно, эти обобщения основаны только на самоотчете и самоощущении,

но ведь именно это и «запускает» процессы, способствующие и поддерживающие, опять же, вполне субъективное благополучие. Таким образом, дом и благодарность тесно связаны друг с другом.

Таблица 4.7

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у юношей

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,21	0,16	0,18	0,26***	0,17*	0,16	0,18**	0,21**	-0,24***	0,11	0,05	0,22**
Чувство изобилия	0,17**	0,24*	0,20*	0,02	0,02	0,14	0,01	0,03	-0,13	-0,09	0,14	0,09
Простые радости	0,07*	0,04**	0,11	0,09	0,13	0,08	0,02	0,12	0,05	0,17**	0,08	0,02
Соц. признательность	0,01	0,11	0,05	0,09	0,05	0,02	0,04	0,05	0,09	0,03	0,24	0,02
Обладание	0,23*	0,26**	0,24*	0,17	0,11	0,32**	0,26**	0,46***	-0,11	0,14	0,12**	0,28**
Благоговение	0,27**	0,20*	0,27**	0,17	0,09	0,38***	0,30**	0,48	-0,16	0,05	0,11	0,40***
Ритуал	0,23*	0,34***	0,24*	0,25*	0,03	0,24*	0,35***	0,34***	0,04	0,22**	0,29**	0,38***
Текущий момент	0,16	0,22*	0,2*0	0,08	0,02	0,21*	0,30**	0,38***	-0,08	-0,07	0,10	0,35***
Соц. сравнение	0,18	0,28**	0,28**	0,25*	0,06	0,28**	0,30**	0,40***	-0,13	0,12	0,21*	0,33***
Признательность за помощь	0,12	0,08	0,12	-0,03	0,19*	0,09	0,04	0,28**	-0,22**	-0,03	-0,08	0,06
Простые радости	0,17	0,29**	0,22	0,27**	0,03	0,29**	0,37***	0,41***	-0,08	0,15	0,19	0,32***
Межличн. благодарность	-0,02	-0,04	-0,04	0,00	-0,02	0,15	0,19	0,19	-0,06	0,12	0,00	0,11

Примечание: N = 200. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; Пр – Приватность, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность, ПД – Привязанность к дому

В женской группе результаты отличаются: плотность связей намного выше (табл. 4.8). Практически все переменные, описывающие домашнюю среду, связаны с разными аспектами диспозициональной благодарности; получено 112 связей, т.е. почти в два раза больше, чем у юношей, и большинство из них высокозначимо. Анализируя этот материал, нужно отметить, что нет наиболее восприимчивых к домашней среде аспектов благодарности, как нет и наиболее информативных

качеств домашней среды, которые давали бы больше связей. Все связано с благодарностью девушек – и функциональность дома, и его релевантность, и привязанность к нему. Складывается впечатление, что эти переменные, дом и благодарность, абсолютно синонимичны для девушек и образуют плотный синкрет, в котором нельзя выделить отдельные «кванты» среды или личности. Пожалуй, единственное качественное отличие от результатов юношей состоит в том, что у девушек фактор Отчужденности сильнее, хотя и отрицательно, связан с благодарностью: если для юношей факт бытового стресса не играет большой роли в проявлениях личностной благодарности, то у девушек эта связь есть. Если все ломается, не подчиняется, мешает заниматься домашней работой с радостью, то это может сделать девушку менее благодарной.

Таблица 4.8

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у девушек

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,23***	0,21***	0,23***	0,20***	0,16***	0,22***	0,20***	0,16***	-0,20***	0,11**	0,05	0,16***
Чувство изобилия	0,15***	0,11**	0,14***	0,07	0,08	0,07	0,08	0,10	-0,10*	0,00	-0,01	0,06
Простые радости	0,13**	0,11**	0,12**	0,07	0,11**	0,14***	0,08	0,08	-0,08*	0,07	0,03	0,11**
Соц. признательность	0,11**	0,13***	0,11**	0,03	0,09*	0,10*	0,09*	0,07	-0,07	0,04	0,05	0,13**
Обладание	0,29***	0,28***	0,30***	0,27***	0,18***	0,30***	0,21***	0,30***	-0,29***	0,20***	0,11*	0,23***
Благоговение	0,19***	0,23***	0,19***	0,19***	0,11*	0,18***	0,17***	0,20***	-0,21***	0,15***	0,13**	0,17***
Ритуал	0,16***	0,23***	0,21***	0,19***	0,03	0,19***	0,24***	0,26***	-0,03	0,22***	0,18***	0,23***
Текущий момент	0,19***	0,21***	0,18***	0,20***	0,11*	0,17***	0,20***	0,15***	-0,19***	0,16***	0,14**	0,17***
Соц. сравнение	0,08	0,14***	0,08	0,08***	0,04	0,12***	0,11	0,11*	0,01	0,05	0,14**	0,17***
Признательность за помощь	0,26***	0,21***	0,26***	0,18***	0,16***	0,19***	0,18***	0,20***	-0,25***	0,09*	0,04	0,17***
Простые радости	0,20***	0,26***	0,18***	0,20***	0,07	0,19***	0,15***	0,22***	-0,13***	0,15***	0,13**	0,24***
Межличн. благодарность	0,25***	0,24**	0,26***	0,23***	0,12**	0,20***	0,23***	0,21***	-0,18***	0,15***	0,13**	0,19***

Примечание: N = 803. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. См. легенду к табл. 4.7

Следуя уже привычной логике наших рассуждений, мы осуществили парный регрессионный анализ для того чтобы приблизиться к пониманию того, что же все-таки происходит – дом возвращает в людях благодарность или от природы, в силу воспитания и личной истории, благодарные люди ценят и любят все, что им близко? На этот раз, чтобы не перегружать текущее обсуждение феномена благодарности, который, мы уверены, будет глубоко изучаться в последующем, мы решили посмотреть не все возможные встречные связи, а ограничиться связью с самым общим индикатором благодарности в целом, который измеряется при помощи шкалы Эммонса–Маккаллоу. Наш выбор обусловлен тем, что эта шкала давно используется в России, в то время как остальные находятся в процессе адаптации и содержат много субшкал, так что анализ был бы весьма обширным. Кроме того, при своей краткости, это очень сильная шкала, которая образовала много связей.

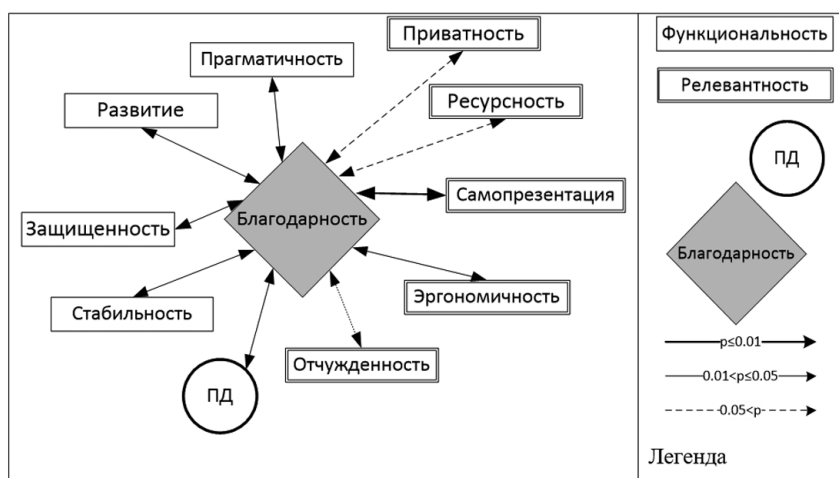

Рис. 4.9. Взаимосвязь характеристик домашней среды и благодарности (юноши) (N = 200, связь с Отчужденностью отрицательная)

Результаты показали абсолютную симметричность моделей: при замене зависимой и независимой переменной не обнаружилось ни одной новой связи, и уровень значимости практически сохранился, хотя все модели оказались не очень сильными. Как

бы то ни было, можно заключить, что все исследуемые качества домашней среды, за исключением Пластичности и Историчности, оказались в мужской группе связаны с благодарностью как чертой личности. Отчужденность, в полном соответствии со своим содержанием, оказалась связана отрицательно (рис. 4.9). Надо отметить, впрочем, что высокочастичных связей, как это происходило в моделях, описывающих взаимосвязи моральных мотивов и отношения к справедливости со свойствами домашней среды, обнаружено не было.

Аналогичные результаты были получены и в женской группе, с поправкой на то, что связей было больше (все, кроме Историчности, оказалось связано с диспозициональной благодарностью), и связи эти были сильнее (рис. 4.10).

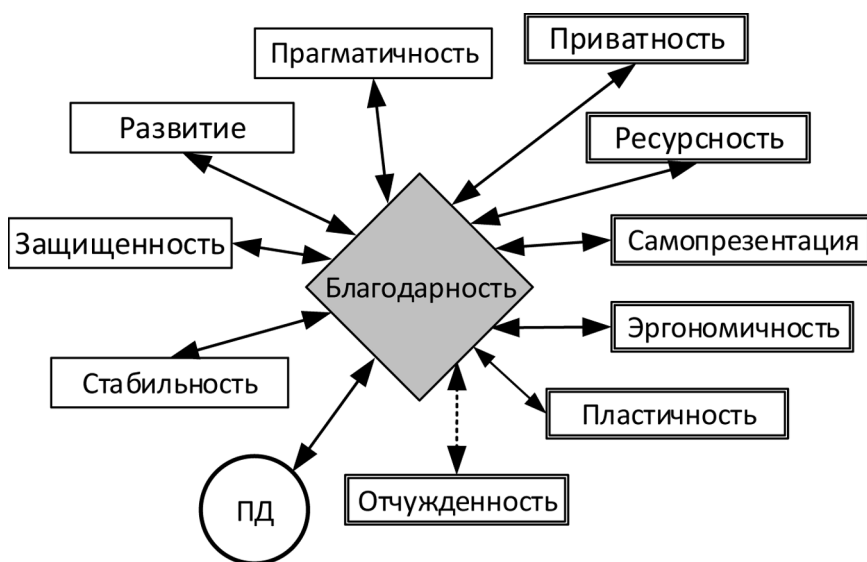

Рис. 4.10. Взаимосвязь характеристик домашней среды и благодарности (девушки) (N = 803, связь с Отчужденностью отрицательная. См. легенду к рис. 4.9)

Таким образом, мы еще раз убедились в том, что дом связан со способностью и готовностью переживать благодарность, причем эта связь имеет обоюдный характер. Признавая, что, с одной стороны, результаты регрессионного анализа, в сущности, подтвердили всего лишь ту же систему корреляций,

которая была уже получена, и это принесло некоторое исследовательское разочарование, с другой стороны, они говорят о стабильности полученных фактов и задают направления дальнейшей работы. Они могут быть проанализированы более нюансированно: вполне возможно, что другие составляющие благодарности как черты личности показали бы иные результаты. Кроме того, несмотря на видимую линейность связей, вполне возможно, что «благодарные» и «неблагодарные» имеют разные паттерны отношений со своим домом, по-разному его воспринимают и в разной степени к нему привязаны.

Основываясь на этих рассуждениях, мы разделили выборки юношей и девушек по медианному показателю теста Благодарности Эммонса–МакКаллоу (в мужской группе он составил 32 балла, в женской – 36). Опережая обсуждение результатов, отметим, что этот прием привел нас к самым интересным результатам.

Прежде всего, было обнаружено, что в группе условно «неблагодарных» юношей количество связей между показателями домашней среды невелико, их было всего 38 (табл. 4.9). То есть в данной группе два таких безусловно позитивных феномена, как диспозициональная благодарность и дружественная домашняя среда, вообще говоря, существуют вполне отдельно друг от друга. Более того, в этой группе впервые обнаружили две значимые отрицательные связи между таким аспектом переживания благодарности, как Чувство изобилия, и параметрами релевантности домашней среды, Приватностью и Пластичностью. Это означает, что, чем больше приватности предоставляет дом юноше и чем больше изменений он допускает, тем более депривированным ощущает себя молодой человек. Пластичность в юношеской группе очень часто давала отрицательные связи и раньше, что, на наш взгляд, обусловлено статусом молодых людей в родительском доме: если кто-то использует возможности своего дома-трансформера, то это, скорее всего, старшее поколение, и эти решения не всегда приветствуются и приносят комфорт младшим. Что же касается приватности, которая до сих пор выступала как однозначно позитивный индикатор домашней среды, то, возможно, приватность и уединение для данной группы респондентов связаны с недопущением на какие-то территории (в общую столовую, на кухню) и потому имеют отрицательную коннотацию. Этот момент интерпретации было

бы хорошо дополнить информацией о семейном микроклимате, которая, к сожалению, отсутствует.

Регрессионный анализ показал также небогатые, но интересные данные: предиктором благодарности является только Эргономичность домашней среды ($\beta = 0,21, p = 0,031$): юноши склонны чувствовать признательность миру и благоговение перед ним сильнее, если живут в удобном, управляемом доме. Более того, чем сильнее выражена благодарность как черта личности в этой группе условно «неблагодарных», тем более эргономичным ($\beta = 0,21, p = 0,031$) и одновременно стабильным ($\beta = 0,19, p = 0,047$) кажется их дом. Эта композиция положительной связи со Стабильностью и отрицательной – с Пластичностью и Приватностью кажется вполне согласованной и показывает ведущие потребности юношей, которые, будучи удовлетворенными, могут усилить благодарность как черту личности: это потребность в не-оставленности и в стабильности дома. Таким образом, хотя все регрессионные модели не были сильными, про данную группу можно заключить, что здесь скорее мироотношение «ведет» образ дома, чем наоборот.

Таблица 4.9

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у юношей с низким уровнем благодарности

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,15	0,17	0,19	0,19	0,11	0,07	0,18	0,24*	-0,04	-0,04	0,05	0,38**
Чувство изобилия	-0,16	-0,04	-0,12	-0,17	-0,29*	-0,14	-0,17	-0,15	-0,02	-0,25*	-0,04	0,19
Простые радости	0,18	0,12	0,15	0,21	0,21	0,19	0,05	0,22	0,12	0,05	0,14	-0,21
Соц. признательность	-0,04	0,11	-0,05	0,08	0,06	0,04	0,09	0,09	0,13	-0,04	0,28*	0,16
Обладание	0,34*	0,41**	0,35**	0,18	0,18	0,37**	0,26	0,48***	0,05	0,22	0,24	0,05
Благоговение	0,37**	0,32*	0,30*	0,22	0,20	0,47***	0,36**	0,56***	0,03	0,15	0,24	0,34*
Ритуал	0,12	0,41**	0,12	0,24	-0,09	0,21	0,33*	0,23	0,26	0,14	0,38	0,46
Текущий момент	0,27*	0,38**	0,16	0,11	0,12	0,18	0,36**	0,42**	0,10	-0,06	0,20	0,29**
Соц. сравнение	0,15	0,25	0,25	0,29*	0,02	0,17	0,30*	0,20	-0,12	0,04	0,09	0,41
Признательность за помощь	0,05	0,03	0,13	-0,19	0,32*	-0,10	0,00	0,19	-0,08	-0,16	-0,02	0,28*
Простые радости	0,12	0,36**	0,28*	0,32*	-0,02	0,28*	0,33*	0,33*	0,03	0,19	0,17	-0,06
Межличн. благодарность	0,19	0,39**	0,24	0,17	0,28*	0,12	0,17	0,21	0,06	0,14	0,05	0,29**

Примечание: N = 100. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; Пр – Приватность, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность, ПД – Привязанность к дому

В группе юношей с высоким уровнем диспозициональной благодарности обнаружено еще меньше значимых связей, всего 34 (табл. 4.10), однако они более привычны и проще для интерпретации. Так, в этой группе Чувство изобилия имеет много связей с параметрами домашней среды, причем положительных: все то, что мешает проявлению благодарности в первой группе, тесно связано с ней во второй. Приватность благотворна для благодарности, а мешает ее развитию Отчужденность, т.е. наличие бытового стресса и беспорядка. Интересно, что если в первой группе ощущению полноты жизни мешает продуктивная трансформируемость дома, то во второй – те его особенности, которые не нравятся никому и никогда – ненадежность, неподчинение, неудобство того, чем приходится пользоваться.

Таблица 4.10

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у юношей с высоким уровнем благодарности

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,19*	0,17	0,23*	0,25*	0,13	0,18	0,14	0,17	-0,25*	0,29**	0,07	0,16
Чувство изобилия	0,45***	0,47***	0,49***	0,19	0,30*	0,33**	0,14	0,15	-0,25*	0,05	0,25*	0,33**
Простые радости	-0,06	-0,03	0,08	-0,08	-0,01	-0,04	-0,05	-0,02	0,00	0,29*	0,04	-0,14
Соц. признательность	0,04	0,09	0,16	0,06	0,04	0,00	-0,04	-0,02	0,07	0,12	0,20	-0,03
Обладание	0,20	0,19	0,19	0,12	-0,05	0,32*	0,26	0,49***	-0,25	0,17	0,16	0,35*
Благоговение	0,15	0,09	0,13	0,03	-0,15	0,25	0,20	0,28*	-0,24	-0,03	0,05	0,29*
Ритуал	0,32*	0,26	0,34*	0,22	0,11	0,22	0,35*	0,42	-0,22	0,29	0,25	0,46**
Текущий момент	0,02	0,10	0,18	-0,03	-0,23	0,18	0,22	0,28*	-0,17	-0,06	0,14	0,29
Соц. сравнение	0,12	0,25	0,21	0,20	0,00	0,29*	0,29	0,45**	-0,09	0,24	0,34*	0,31
Признательность за помощь	0,15	0,12	0,12	0,09	-0,07	0,19	0,03	0,37*	-0,31	0,16	-0,04	0,20
Простые радости	0,17	0,25	0,13	0,23	-0,04	0,26	0,40**	0,40**	-0,09	0,16	0,26	0,33*
Межличн. благодарность	-0,02	-0,04	-0,04	0,00	-0,02	0,15	0,19	0,19	-0,06	0,12	0,00	0,11

Примечание: N = 100. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. См. легенду к табл. 4.9

Предсказывают благодарность Защищенность ($\beta = 0,24$, $p = 0,015$), Пластичность ($\beta = 0,30$, $p = 0,002$) и Отчужденность (антипредиктор) ($\beta = -0,26$, $p = 0,010$), и эти же черты воспринимаемого образа дома предсказываются диспозициональ-

ной благодарностью, причем с теми же самыми показателями значимости. Это означает, что отсутствие бытового стресса, возможность защититься (в первую очередь) от социально неблизких людей и ожидание того, что дом может меняться в зависимости от контекста потребностей обитателей, укрепляют в них благодарность как черту личности. Интересно, что Пластичность впервые выступила предиктором позитивного психологического качества в юношеском возрасте именно в этом исследовании и в этой группе: «неблагодарные» видят в ней дефект повседневного бытия, а «благодарные» – достоинство. Складывается впечатление, что и опыт переживания благодарности, и технологии ее проявления формируются в высокой зависимости от домашней повседневности, ее переживания и осмысления.

Таблица 4.11

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у девушек с низким уровнем благодарности

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,18***	0,21***	0,18***	0,11*	0,11*	0,18***	0,14**	0,13**	-0,13**	0,10*	0,04	0,15**
Чувство изобилия	0,18***	0,08	0,13*	0,06	0,10	0,04	0,06	0,09	-0,10	0,03	-0,06	0,09
Простые радости	0,07	0,08	0,08	0,02	0,07	0,11*	0,07	-0,04	-0,05	0,03	0,00	0,05
Соц. признательность	0,06	0,07	0,06	-0,07	0,02	0,06	0,03	-0,03	-0,08	-0,04	-0,01	0,05
Обладание	0,26***	0,26***	0,28***	0,28***	0,12	0,22***	0,22**	0,26***	-0,22**	0,15*	0,11	0,20**
Благоговение	0,14*	0,25***	0,17***	0,19**	0,04	0,11	0,20**	0,19**	-0,09	0,14*	0,14*	0,15*
Ритуал	0,09	0,23***	0,18***	0,17**	-0,05	0,15*	0,26***	0,27	0,08	0,19**	0,21**	0,19**
Текущий момент	0,15*	0,24***	0,13*	0,19**	0,07	0,14*	0,24***	0,13*	-0,11	0,17**	0,16*	0,17**
Соц. сравнение	0,08	0,12	0,08	0,08	0,07	0,18***	0,17*	0,17	0,01	0,13*	0,16*	0,20**
Признательность за помощь	0,19**	0,12	0,15*	0,13*	0,12	0,03	0,09	0,10	-0,19**	-0,02	-0,01	0,12
Простые радости	0,22**	0,25***	0,19**	0,20**	0,07	0,20**	0,19**	0,26	-0,09	0,24***	0,15*	0,22**
Межличн. благодарность	0,19**	0,24***	0,19**	0,14*	0,04	0,09	0,18**	0,13*	-0,09	0,13*	0,16*	0,16*

Примечание: N = 401. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. См. легенду к табл. 4.9

Вопреки ожиданиям, оказалось, что у «неблагодарных» девушек система связей разных аспектов диспозициональной благодарности намного плотнее, чем у «благодарных», было получено 78 значимых связей против 55 (табл. 4.11 и 4.12). При этом в первой группе с параметрами домашней среды оказались связаны все аспекты благодарности; во второй группе неожиданным образом больше связей образовали аспекты благодарности, более «приземленные» и технологичные в реализации – это поддержание ритуала благодарности, межличностная благодарность за подарки и взаимные услуги. Парадоксальным (на первый взгляд) образом ни благоговение, ни экзистенциальное осознание ценности того, что есть в жизни сейчас, но чего не будет позже и нет у других людей, никак не связаны с домашней средой в группе девушек с высоким уровнем диспозициональной благодарности. Однако этот факт говорит не о том, что в данной группе отсутствуют подобные переживания, а о том, что они связаны не с жилищем, а с чем-то другим. Возможно, эти переживания вообще самодостаточны, имманентно присущи личности девушек из рассматриваемой группы и потому не нуждаются в дополнительной подпитке средой.

Таблица 4.12

Связь характеристик домашней среды и проявлений благодарности у девушек с высоким уровнем благодарности

Показатель	П	Р	С	З	Пр	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ПД
Благодарность	0,09	0,08	0,08	0,07	0,10	0,13*	0,09	0,07	-0,03	0,02	0,04	0,04
Чувство изобилия	0,09	0,11	0,11	0,04	0,01	0,06	0,06	0,07	-0,05	-0,05	0,02	0,01
Простые радости	0,13*	0,11	0,11	0,06	0,10	0,11*	0,04	0,14*	-0,05	0,07	0,04	0,12
Соц. признательность	0,09	0,15**	0,11	0,07	0,12*	0,09	0,08	0,13*	-0,02	0,08	0,10	0,16**
Обладание	0,19**	0,25***	0,20**	0,14*	0,11	0,24***	0,12	0,27***	-0,20**	0,17**	0,15*	0,20**
Благоговение	0,09	0,14*	0,06	0,03	0,06	0,11	0,05	0,11	-0,11*	0,09	0,18***	0,12*
Ритуал	0,13*	0,20**	0,15*	0,14*	0,01	0,13*	0,16*	0,17**	-0,03	0,18**	0,17***	0,23***
Текущий момент	0,09	0,13*	0,09	0,07	0,01	0,08	0,11	0,08	-0,09	0,11	0,16*	0,10
Соц. сравнение	0,04	0,15*	0,04	0,06	-0,01	0,05	0,05	0,03	0,07	-0,03	0,13*	0,14**

Признательность за помощь	0,18**	0,19***	0,20**	0,09	0,09	0,18**	0,13*	0,19**	-0,15*	0,09	0,09	0,13
Простые радости	0,07	0,20***	0,07	0,11	-0,03	0,09	0,06	0,12	-0,03	0,02	0,11	0,19**
Межличн. благодарность	0,16*	0,19***	0,21**	0,19**	0,08	0,16*	0,19**	0,19**	-0,08	0,11	0,15*	0,16*

Примечание: N = 401. * – связи значимы на уровне $p \leq 0,05$, ** – на уровне $p \leq 0,01$, *** – на уровне $p \leq 0,001$. См. легенду к табл. 4.9

Повтор парного регрессионного анализа показал также, что в этой группе благодарность и все показатели образа дома, за исключением Приватности, Пластичности и Историчности, были взаимными предикторами: образовали встречные пары с диспозициональной благодарностью Развитие ($\beta = 0,18$, $p = 0,000$), Прагматичность ($\beta = 0,18$, $p = 0,000$), Стабильность ($\beta = 0,16$, $p = 0,000$), Защищенность ($\beta = 0,10$, $p = 0,039$), Самопрезентация ($\beta = 0,16$, $p = 0,006$), Отчужденность ($\beta = -0,12$, $p = 0,019$), Привязанность к дому ($\beta = 0,14$, $p = 0,004$), Эргономичность ($\beta = 0,10$, $p = 0,029$), Ресурсность ($\beta = 0,14$, $p = 0,004$).

В группе «благодарных» девушек благодарность оказалась предсказана только Ресурсностью ($\beta = 0,12$, $p = 0,050$), и сама также предсказывала только это качество: $\beta = 0,12$, $p = 0,017$). Таким образом, эти интересные и неожиданные данные вновь подводят к заключению о неуниверсальности домашней среды в качестве источника личностного развития и о необходимости дальнейшей контекстуализации и идиографизации исследования. В большой выборке возможно найти все; уточнение переменных приводит к спецификации результатов. Возникает много вопросов для последующих размышлений и исследований. Получается, что девушки с высоким уровнем диспозициональной благодарности, с одной стороны, не проецируют ее на родной дом, хотя эта благодарность существует, раз они попали в группу высоких значений. С другой стороны, они меньше зависят в своем благодарном отношении к миру от средовых условий, что само по себе представляет один из признаков личностной зрелости, с учетом того, что, опять же, основываясь на полученных данных, их домашняя среда к ним более дружелюбна, чем жилище, в котором обитают диспозиционально «неблагодарные».

Что касается группы условно «неблагодарных» девушек, то полученные факты также по-своему трогательны: оказывается, что у них благодарное отношение к миру очень сильно связано с домашней средой, и через этот канал, по-видимому, возможно стимулирование этого просоциального личностного качества. То есть своей «благодарной» субличностью они очень восприимчивы к дружественности домашней среды.

Как бы то ни было, полученные результаты весьма диалектичны и вполне соотносятся с принципом дополнительности в науке, обладая также полезными следствиями для естественной психотерапии. Именно то, чего мало, представляет собой точку наиболее интенсивного развития – ибо зачем развивать то, что и так совершенно?

Сравнивая группы юношей и девушек, можно отметить еще одну интересную закономерность: в группе респонденток с низким уровнем благодарности очень высока связь с домом, онтологически разные, но положительные сущности, дом и благодарность как черта личности обуславливают друг друга. Чтобы усилить благодарность, достаточно улучшить дом, и наоборот, усилив свою благодарность благодаря чему-то и кому-то, не относящемуся к дому, эти девушки проецируют ее на свой дом и, возможно, бытие, начиная воспринимать его в лучшем свете. У девушек с высоким уровнем благодарности такой связи нет: у них есть дружественный дом и выражена диспозициональная благодарность; однако эти сущности отделены друг от друга. Если в первой группе, обустроив уютное жилище девушки, можно ожидать изменения ее мироотношения в целом, то во второй такого не случится, благодарность можно «взрастить», только усилив Ресурсность дома, т.е. попытаться открыть новые возможности. Картина мира становится более позитивной в ответ не на стабильность, а на стимуляцию.

У юношей в целом связь диспозициональной благодарности с домашней средой намного слабее; не дом делает их благодарными и не благодарность побуждает их выше ценить свой дом. Однако взаимообусловленность этих сущностей все же существует, и в группе «благодарных» юношей она более понятна, ожидаема и гармонична. Итак, подводя итоги, можно заключить, что, в соответствии с нашими результатами, плохое и хорошее связаны не напрямую, иногда они дополняют друг

друга. Некоторых людей необходимо лишить приватности, которая так нужна другим, чтобы их благодарность миру усилилась, для кого-то важна стабильность и защищенность дома, а кому-то необходимо, чтобы дом открывал новые жизненные перспективы.

Как бы то ни было, можно констатировать, что все выдвинутые нами в этом исследовательском модуле гипотезы нашли свое подтверждение.

Выводы

В этой главе мы изложили серию исследований облагораживающей (одухотворяющей) функции домашней среды, предполагая, что, в силу глубокой связи между материальным и ментальным, средой и личностью, человеком и его домом, мы обнаружим связь и взаимообусловленность домашней среды и высших человеческих качеств, называемых добродетелями – его моральных мотивов, отношения к справедливости и благодарности как черты личности. В сущности, нам бы хотелось решить очень амбициозную задачу – исследовать, возможно ли преобразование одного ресурса (средового) в другой (личностный) и обратно, а также – к какому результату ведет эта трансформация. В самом деле, если исходить из того, что эволюционная функция зла на земле – это мобилизация и защита, можно было ожидать, что в дружественном доме у человека нет необходимости в постоянной обороне, и его высвободившаяся таким образом энергия будет направлена на креативные цели развития и совершенствования личности (Brosius, 2017).

В целом надо отметить, что подобного рода «экономические» рассуждения оправдали себя, однако взаимодействие между домом и его обитателями – непростой и не линейный процесс, запускаемый и поддерживаемый обратными связями, которые человек получает от своего дома. Можно констатировать, что связь между характеристиками дружественного дома и выраженностью высших человеческих черт, добродетелей, действительно существует. В то же время она модерируется многими дополнительными факторами: по крайней мере, полем и уровнем развитости самого личностного качества. Кроме того,

связи между средовым и личностным не всегда симметричны и могут быть смещены к одному из полюсов.

Так, в серии исследований, посвященной изучению моральных мотивов, мы обнаружили, что их связь с домом различается в зависимости от пола: неожиданно у юношей она оказалась намного сильнее. Более того, было показано, что дом у них – действительно сильный предиктор выработки моральных правил и установок, которые, собственно, и закрепляются в моральных мотивах как диспозициях. Можно сказать, что дом действительно делает юношей благороднее. У девушек обнаружился другой факт: оказалось, что в цикле взаимодействия дом – мораль – дом ведущее значение имеет мораль: именно моральные мотивы предсказывают взгляд на свой дом как на хорошее или плохое место.

В серии, посвященной исследованию отношения к справедливости, также было обнаружено много положительных связей: выяснилось, что люди, которые воспринимают свой дом как надежное место, верят в то, что мир вообще – в целом справедливое место, где каждый получает то, что заслужил, и где с субъектом обращаются честно. Более того, в женской группе качества дома вносят вклад в низкую вероятность того, что девушка займет позицию жертвы и будет считать себя обделенной и обойденной жизнью, безуспешно пытаясь взять реванш. При этом модели предсказания дом – справедливость – дом совершенно симметричны и у юношей, и у девушек. Если анализировать лишь статистику, можно прийти к заключению, что речь идет о синонимах, об одних и тех же переменных. Данные этой серии говорят о том, что дом учит правилам распределения ресурсов и затем подлежит реалистичной оценке, возможно, в соотношении с затратами обитателей на его благоустройство. Люди, которые любят свой дом, более справедливы.

Наконец, в третьей серии изучалась благодарность как черта личности. Обнаружено, что связь благодарности с качествами дома существенно выше в женской группе, однако, парадоксальным образом, оказалось, что отношения с домом по-разному строятся у «благодарных» и «неблагодарных»: больше всего связей у «неблагодарных» юношей, которые рады использовать ресурсы своего дома для наращивания этого качества, особенно в условиях ограничения этих ресурсов. Меньше

всего связей у «благодарных» девушек, которые практикуют благодарное мироотношение вне зависимости от качеств дома и видят свой дом добрым и теплым тоже вне связи с присущей им благодарностью

Используя, опять же, энергетические метафоры, можно сказать, что личность морально не очень развитая в условиях деприваций, т.е. жизни в неудобном некомфортном доме, переходит на «режим экономии» и становится исключительно восприимчивой к тому хорошему, что в доме все же есть. И наоборот, нравственно зрелая личность, живущая, возможно, в уютном доме, оказывается совершенно нечувствительной к его ресурсам, находя иные источники подпитки вне дома или поддерживая свои морально выраженные качества за счет других же личностных свойств. Поэтому, пытаясь предсказать траекторию развития личности, важно знать контекст ее существования и ресурсы, которыми она располагает в соотнесенности с задачами развития.

Таким образом, неважно, что будет вначале – гуманная жизненная философия или крепкий добрый дом. Любого из ресурсов достаточно, чтобы появился и другой.

ГЛАВА 5. ВЫХОД ИЗ ДОМА: «ДВИЖЕНИЕ К» ИЛИ «ДВИЖЕНИЕ ОТ»?

Можно сколько угодно носиться по свету и посещать всякие города, но главное – отправиться потом туда, где у тебя будет возможность вспомнить ту кучу вещей, которые ты повидал. Ты нигде не побываешь по-настоящему, пока не вернешься домой.

Терри Пратчетт. Безумная звезда

Чаще всего люди покидают маленький город, чтобы мечтать туда вернуться. А другие остаются, чтобы мечтать оттуда уехать.

Чак Паланик. Рэнт: Биография Бастера Кейси

5.1. ЗНАЧЕНИЯ ДОМА И ЕГО ГРАНИЦ

Дом – это особое место для человека с точки зрения наполненности смыслами, множественности выполняемых функций, содержания ресурсов. Этим дом принципиально отличается от временных и замещающих сред, таких, как общежитие или гостиница, или специфических по функционалу, например больницы или офиса. Однако обычно дом не является единственной средой для человека: как правило, выход за пределы дома необходим для нормального социального функционирования (общения, обучения, заработка, профилактики сенсорной депривации, поддержания здоровья и т.п.).

Дом обычно служит стартом и финишем повседневных маршрутов: выходя из дома, человек попадает в мир других ресурсов, смыслов, сюжетов и правил. Однако граница «дом – не дом» имеет не только бытовое, но и символическое значение; освоение этой границы является признаком развития, взросления. Так, М.В. Осорина пишет о том, что в народных сказках тема края как границы между домом и внешним миром очень подробно психологически проработана, и даже наиболее известные, адаптированные для современных детей сказки рассказывают о том, как по-разному можно пересекать эту границу в зависимости от обстоятельств и от того, насколько

главный герой готов к выходу за пределы родного дома (Осорина, 2008).

Географ Жи-Фу Туань описывает имплицитно присущую природе человека двойственность, отражающуюся в стремлении к двум противоположным полюсам: очагу (привычному, локальному, родному, надежному, доступному в ощущениях) и космосу (неизвестному, огромному, абстрактному, безличному, доступному только опосредованно) (Tuán, 2001). Укорененность дома в бессознательном проявляется в трехчастном делении традиционного жилища на собственно жилое помещение, чердак и подвал: «Такое деление имеет прежде всего сакральный смысл, так как повторяет общее для многих традиционных цивилизаций представление о космической триаде мироздания (небо, земля и подземный мир)» (Быстрова, 2015. С. 103). Крыша и чердак отображают связь с небом и задают вертикаль связи между небом и землей, а подвал, напротив, олицетворяет сокровенный, таинственный мир предков, подвластный «домовому». Стены дома служат границей между пространством культуры и стихиями и хаосом, их задача – защитить обитателей дома, изолировать их от внешнего мира. Важнейшей функцией дома является выделение домашней среды – микрокосмоса – как безопасного пространства внутри макрокосмоса, крыша, стены и конструктивная основа строения выступают материальной основой обеспечения этой безопасности. «“Защищенность” от макрокосмоса предполагает герметичность микрокосмоса–дома» (Филиппова, 2001. С. 38). Отдельное символическое значение несут окна и двери как отверстия, связующие макро- и микрокосмос. Задачей хозяина является контроль и поддержание в надлежащем виде этих отверстий, в частности внимание к допуску в дом посторонних (пускать «своих», не пускать «чужих», инструктировать детей о том, как отличить одних от других), и, по возможности, осознанное отношение к собственному выходу из дома «на большую дорогу», который представляет собой рискованный акт и поэтому должен быть обусловлен значимой целью: «Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути» (Бахтин, 1986. С. 157) – покидание дома надолго может быть сопряжено с разнообразными встречами, коллизиями и личностными

трансформациями, что, в частности, отражено во множестве народных сказок.

Дом является одним из базовых когнитивных концептов, в частности для русской культуры, и активно используется при конструировании понятий и понимания явлений. Е.А. Потураева пишет о том, что дом служит универсальной структурой человеческого существования, организующей все основополагающие аспекты бытия человека, и предстает в двух ипостасях, физической и метафизической – как жилище, убежище, характеризующееся неприкосновенностью и независимостью, и как топос, жизненное пространство, обитаемый мир. По результатам анализа образов дома в творчестве писателей и поэтов, проведенного литературоведами, можно говорить о том, что дом является важнейшим понятием в картине мира, является «ближайшим» пространством человека, в котором сосредоточены его духовная и физическая жизнь, которое наделяется положительными характеристиками, входя в противопоставления «свое – чужое», «близкое – далекое», «освоенное – неосвоенное»; дом неразрывно связан с семьей, символом дома является очаг, который олицетворяет атмосферу отношений между обитателями дома; возникает метафорический образ дома-человека (Потураева, 2010). Постройка / освящение дома рассматривается как один из пяти основных мировых литературных сюжетов (Elsbree, 1982). Дом часто служит источником метафоры, например «природа – мой дом» (Овсянникова, 2009), «планета – дом человечества» и т.п. Описание дома в авторской литературе и фольклоре часто используется для характеристики персонажа и выполняет другие художественные задачи, не сводимые просто к декорации (см., например, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Медя и ее дети» Л. Улицкой и др.). Например, Н.В. Гоголь в «Мертвых душах» пишет: «Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него или

целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом, играми и вечною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу» (Гоголь, 2018. С. 20).

В целом «Мертвые души» можно назвать кладезем описаний жилищ, отражающих личность и историю их владельцев. Вот, например, отрывок о Плюшкине:

«А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностию и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел. На антресолях жила также его конпатриотка, наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сертуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплата. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штабс-ротмистром, бог весть какого кавалерийского полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению,

будто бы все военные картежники и мотишки. Отец послал ей на дорогу проклятие, а преследовать не заботился. В доме стало еще пустее. Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость; сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться; учитель-француз был отпущен, потому что сыну пришла пора на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны; сын, будучи отправлен в губернский город с тем, чтобы узнать в палате, по мнению отца, службу существенную, определился вместо того в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш. Наконец последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств» (Гоголь, 2018. С. 34).

Есть попытки прямого соотнесения личности и дома в психотерапевтической практике, в основном, рисуночные методики, где результатом становится, соответственно, (микро)генез идентичности участника, повышение осознания, экспликация скрытых представлений о себе и своих возможностях / задачах и др. (Нартова-Бочавер, 2009; Нартова-Бочавер, 1996).

Дом в разных аспектах позволяет обитателю удовлетворять широкий спектр как базовых, так и высших потребностей. Как физическая среда он обеспечивает комфортное осуществление рутинных задач, побуждает к выходу из обыденности и включению во что-то новое, поддерживает своими ресурсами (Lawton, 1999; 1989). Дом служит убежищем и источником не только физической, но и социальной и психологической безопасности, является средством самопредъявления (самоэкспозиции) и сопутствующих социальных процессов – например, показателем социально-экономического статуса владельцев; за счет своей изменяемости и управляемости он дает возможность хозяевам трансформировать его в соответствии с актуальными нуждами; дом обеспечивает интеграцию и преемственность семейной и личной истории, служит местом поддержания отношений с семьей, друзьями, сообществом; является ресурсным центром различной деятельности и др. (Бочавер, 2015; Нартова-Бочавер и др., 2016). Чувства и эмоции, связанные с домом, служат регуляторами взаимоотношений с домочадцами и со средой.

Например, привязанность к дому как комплекс положительных эмоций по отношению к дому предполагает также и ряд поведенческих установок, направленных на бережное, протекционное, проэкологичное поведение по отношению к жилой среде и людям, в ней живущим (Резниченко, 2014; 2016[6]).

Отношение к дому имеет гендерные особенности. Так, исследования показывают, что при выборе идеального для жизни жилища женщинам более важны характеристики социального окружения – отзывчивость соседей, возможность выстроить с ними доверительные отношения, а для мужчины важнее возможности осуществления различной деятельности – наличие мастерской, доступ к водоему для рыбалки и т.д. (Pretty et al., 2003). Кроме того, женщины склонны рассматривать дом как источник позитивных эмоций и ассоциаций, поддерживающих идентичность, в то время как для мужчин смысл дома заключается в возможности комфортного пользования физическим пространством и предметным содержанием (Gurney, 1997). Кратко характеризуя гендерные различия в осмыслении дома, показанные в предыдущих исследованиях, можно сказать, что для женщин дом является в первую очередь повседневной средой, местом выполнения рутинных практик, в то время как для мужчин дом позволяет восстанавливать силы в комфортной и спокойной обстановке (Нартова-Бочавер и др., 2016).

5.2. ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ДОМА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕФЛЕКСИИ

Удаление от дома трансформирует субъективные представления о доме, делает более заметными привычные предметы и обстоятельства в силу их отсутствия. Д. Кейз (Case, 1996) сопоставляет опыты, связанные с нахождением дома и вне дома, через конструкт рутины и подчеркивает их диалектичность и взаимосвязанность. Удаление от дома делает более выпуклыми привычные предметы и обстоятельства в силу их отсутствия. Представления о доме развиваются с опытом удаления от него. Д. Кейз выделяет два типа контрастного опыта: «рутина – выход из рутины» и «вместе – в одиночестве». Наиболее распространенный способ выйти из рутины – это прогулка; также часто для этого используется спорт – пробежка,

плавание и т.п. В русскоязычной культуре такие выходы из дома часто подразумеваются под формулировками «пойти проветриться», «пойти пройтись», «подышать воздухом», «нельзя же целый день провести в четырех стенах» и т.п.

Более развернутым способом уйти от рутины является путешествие: оно позволяет отдалиться не только от домашней рутины, но и от той, что связана с работой и сообществом в целом. Туризм, командировки, работа вдали от дома способствуют тому, чтобы образ дома становился более объемным и притягательным. Спустя какое-то время люди начинают скучать по своей рутине: путешественники зачастую сообщают, что они тоскуют по безопасности хозяйственного однообразия: по тому, что можно есть в собственной кухне, спать в собственной кровати, получать собственную почту. Контраст «рутина – свобода от рутины» высвечивает полярности: личностный стазис (стабильность, отсутствие динамики и развития) дома – личностное «обновление» вне дома; спутанное, раздробленное время (однообразное, с трудом дифференцируемое и осознаваемое) дома – сфокусированное время вне дома; комфорт, безопасность дома – дискомфорт, небезопасность вне дома.

Лоренс Даррел начинает свой роман «Горькие лимоны» таким абзацем: «Путешествия, совсем как художники, рождаются сами собой, а не создаются чьим-то трудом. Помогает им в этом тысяча разнообразнейших обстоятельств, и лишь малая толика из них определяется нашей волей или зависит от нее – что бы мы сами об этом ни думали. Почвой для роста им служат наши сокровенные желания – и лучшие из них влекут нас не только в куда-то вдаль, вовне, но и внутрь нас самих. Путешествие может на поверку оказаться самой благодарной из всех возможных форм интроспекции...» (Даррел. С. 7).

Часто к выходу из дома побуждает желание побыть с другими людьми – встретиться с друзьями, побыть в компании: не оказаться в одиночестве, а сменить одно взаимодействие на другое; пообщаться со взрослыми, если весь день человек находится с детьми; выйти из рутины. Путешествие в одиночестве способствует тому, что путешественник скучает по дому – в первую очередь по супругу, и появляется ритуал «позвонить домой»; желание уехать, чтобы с кем-то встретиться (с друзьями или родственниками, живущими в отдалении),

одновременно приводит к необходимости расстаться с кем-то, кто остается на прежнем месте, дома.

Д. Кейз описывает ритуалы отъезда и возвращения, связанные с наличием / отсутствием рутины и с полюсами «вместе – в одиночестве». Часть ритуалов, связанных с отъездом, обычно состоит в подготовке функционирования хозяйства в отсутствие хозяина: это организация процессов, составляющих рутину, – прогулок с собакой, полива цветов, ухода за газоном, вынимания почты и т.п. Это могут быть договоренности с родственниками или соседями, обращение за услугами в специализированные компании, автоматизация каких-то процессов, и т.п. Задачей является обеспечение бесперебойного благополучного существования жилища в широком смысле и снижение тревоги о доме на время отсутствия хозяев.

Другая часть состоит в подготовке «свободы от рутины» – например выбор легкого чтения и фильмов с собой, сборы еды в дорогу, подготовка карт, путеводителей, подбор и покупка нарядов для отпуска и т.п., а также уборка жилья, чтобы не сталкиваться с необходимостью уборки сразу по возвращении.

Отдельным переживанием для многих является предотъездная тревога или «тревога сепарации», и осуществляются специальные действия, направленные на снижение этой тревоги. Так, завершающим штрихом нередко является «финальная проверка дома» (ничего ли не течет, все ли окна закрыты, все ли электроприборы выключены), осуществляемая кем-то из взрослых после выхода из дома всех домочадцев. Еще один способ справиться с тревогой – взять с собой «кусочек дома» (например, плед, любимую детскую игрушку). Традиционный российский ритуал – «посидеть на дорожку» – взять паузу перед отбытием, сконцентрироваться и убедиться, что все необходимые действия осуществлены. Для некоторых людей способом повысить контроль над происходящим и совладать с тревогой является планирование и составление расписания поездки (покупка билетов заранее, бронирование мест проживания, планирование маршрута и списка мест для посещения и т.п.). Для других, напротив, планирование поездки аналогично продолжению рутины, поэтому они предпочитают спонтанные передвижения – «идти, куда глаза глядят» и принимать решения «здесь и сейчас».

Ритуалы по возвращении ответны ритуалам отъезда. Люди возобновляют рутинные действия неохотно и селективно. Для кого-то это составление списка продуктовых покупок, чтобы заполнить холодильник, кто-то предпочитает купить еды до возвращения домой, кто-то распаковывает чемоданы, но в целом путешественники обычно неохотно расстаются со «свободой от рутины», стараясь продлить это состояние, например усаживаясь в кресло и откладывая распаковку вещей; готовят что-то легкое или заказывают доставку еды, но первое время после поездки не стремятся к питанию вне дома. Важным ритуалом возвращения является проверка почты и чтение старых местных новостей. Ритуалы из сферы «вместе – в одиночестве» в первую очередь касаются оповещения близких – домашних, друзей, соседей – о намерении отбыть и затем, по возвращении, о прибытии (чем дальше и дольше планируется отъезд, тем важнее по приезде позвонить и сказать: «Мам, мы вернулись, живы и здоровы») (Case, 1996).

В современном обществе значимую роль для коммуникаций играют социальные сети и электронная почта, поэтому для отпусков и командировок также типичным является ряд ритуалов в интернет-пространстве. Например, в рабочей электронной почте устанавливается автоматический ответ, в котором указано, что «господин N уведомляет о том, что находится в отпуске в ближайшие две недели и обязательно ответит на письма начиная с 14 августа». В социальных сетях появляются сообщения о том, что «Екатерина М. и Сергей М. путешествуют из Москвы в Стамбул» и об их актуальных контактах – телефонах, емейлах и пр., доступных на время отъезда, которые потом дополняются геометками и «селфи» из примечательных мест, а в конце путешествия появляется пост, в общем виде звучащий как «Вернулись».

Ритуалы подчеркивают значимость субъективного пересечения границы и удаления от дома; в частности, оно помогает образу дома стать отчетливее и осознаннее. Как пишет Д. Кейз, само по себе нахождение дома или вне его не является источником стресса или расслабления, между этими состояниями существуют диалектические отношения: долгое нахождение дома угнетает и ограничивает, вызывает стремление к выходу из однообразия, а долгое нахождение вне дома повышает цен-

ность и привлекательность домашней рутины. В результате этого взаимодействия появляется концепт «быть у себя дома», сочетающий представления о доме как рутине и о доме как совместности. Эмоциональная связь с домом включает в себя переживания как комфорта и безопасности, так и скуки и самоограничения (Case, 1996).

Разумеется, повседневные выходы из дома могут быть связаны и с более объективными и травматичными причинами: необходимостью оказывать помощь родственникам и близким, конфликтными отношениями с домочадцами, несовпадающим образом и темпом жизни людей, живущих на одной территории, и другими (подробнее о ресурсах дома и причинах отчуждения от него в сложных жизненных ситуациях см. главу 6).

Итак, дом может давать обитателю стабильность и может стимулировать к изменениям. Эти функции используются в зависимости от текущей задачи развития и состояния личности, но в самом доме имманентно они всегда содержатся, будучи заданы в большей степени не физической средой, а системой отношений между обитателем и средой, комплексом смыслов, которыми среду наделяет обитатель.

«Несмотря на свои бурные похождения, Фламбо обладал свойством, присущим многим латинянам и незнакомым, например американцам: он умел уйти от суеты. Так владелец крупного отеля мечтает завести на старости маленькую ферму, а лавочник из французского местечка останавливается в тот самый миг, когда мог бы стать мерзавцем-миллионером и скупить все лавки до единой, и проводит остаток дней дома за домино» (Честертон, 1981. С. 287).

5.3. МОТИВЫ ВЫХОДА ЗА ПРЕДЕЛЫ ДОМА

Переезд, смена места жительства – серьезный шаг, влияющий не только на повседневную жизнь, но и на идентичность, социальные связи, психологическое благополучие в целом. В классической работе Т. Холмса и Р. Рейха смена места жительства входит в список стрессогенных событий (Holmes, Rahe, 1967). Мотивы к переезду представляют собой спектр значимых факторов, для анализа которых Ф. Освалд и коллеги предлага-

ют опираться на модель взаимодействия личности и среды – Complementary-Congruence Model (Carp, Carp, 1984), различая базовые средовые потребности, направленные на поддержание автономии с точки зрения необходимой ежедневной деятельности и реализации повседневных задач, и потребности высшего порядка, отражающие поддержание таких аспектов жизни, как близость, приватность, комфорт, развитие и любимые занятия (Oswald et al., 2003). Анализируя выявленные в интервью мотивы 217 пожилых людей, побудившие их к переезду, они предлагают рассматривать четыре области мотивации: ориентированную на себя (например, сохранение независимости, поддержание здоровья), ориентированную на физическую среду (например, красота места), ориентированную на социальную среду (например, близость к родственникам) и другие аспекты (например, требования арендодателя).

Предложенная модель мотиваций к смене места жительства представляется нам удобной и для описания мотивации микроперемещений, поэтому далее мы опирались на нее для анализа полученных данных, касающихся повседневных выходов из дома.

5.3.1. Процедура исследования

Мы исследовали особенности отношения респондентов к своему жилью и содержание причин, связанных с ситуативным покиданием дома – push/pull-мотивы, т.е. побуждающие выйти к чему-то или уйти от чего-то. Конечно, ситуативное покидание дома не так значимо, как переезд, однако по-своему тоже влияет на течение и содержание повседневной жизни человека. В целом, «...все нас из дому гонят дела, дела, дела» (Б. Окуджавва), и дела эти у всех примерно одинаковые, однако в фокусе этого проекта нас интересовали в основном не объективные содержания дел вне дома, а субъективные отображения этих дел и способ их представления. В фокусе данного проекта – анализ мотивов выхода из дома и их сопряженности с особенностями отношения человека к своему дому: степени удовлетворенности функциональными качествами домашней среды и мерой привязанности к дому.

Мы сформулировали следующие гипотезы.

1. Типичные внутренние и внешние причины выхода из дома различаются по типу потребностей, на удовлетворение которых они преимущественно ориентированы.

2. Внутренние и внешние причины выхода из дома различаются по содержательным доминантам: ориентации на индивида, на среду и на социум.

3. Мужчины и женщины по-разному характеризуют внутренние и внешние причины выхода из дома.

4. Существует связь между показателем привязанности к дому человека и причинами выхода из дома.

5. Существует связь между характеристиками жилища человека (его функциональностью и релевантностью) и причинами выхода из дома.

Участниками исследования стали 245 респондентов (из которых 45 мужчин), $R_{возраст} = 17-38$ лет, $M_{e_{возраст}} = 19,0$; $M_{возраст} = 22,2$, $SD_{возраст} = 6,2$. Все респонденты – студенты и магистранты гуманитарных специальностей московских вузов – участвовали в опросе очно, заполняя анкеты в формате «бумага–карандаш».

Методологический концепт нашего исследования строился на нашей многомерной синергетической модели взаимоотношений человека и его дома, описанной в главе 1. В исследовании были использованы опросники: Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды (РДС, расширенная версия), Привязанность к дому (Резниченко, Нартова-Бочавер, Кузнецова, 2016). Также респондентам посредством открытых вопросов предлагалось отдельно охарактеризовать внешние (локализованные вне дома) и внутренние (локализованные внутри дома) причины, побуждающие их выйти из дома.

Текстовые ответы на открытые вопросы о внешних и внутренних причинах выхода из дома кодировались двумя экспертами по двум основаниям (Oswald et al., 2003): выявлялись базовые и высшие потребности, лежащие в основе ответов, а именно базовые потребности (направленные на поддержание автономии, осуществление повседневных задач, физический и психологический комфорт и безопасность) и потребности высшего порядка (направленные на развитие, т.е. на близкие отношения, познание, самоактуализацию и др.), а также содержательная область, на которую ориентированы ответы: 1-я –

на себя (состояние, ожидания, ценности индивида); 2-я – на физическую среду (характеристики пространства и условий); 3-я – на социум (связи и отношения, общение, взаимодействие). Кроме того, первоначально была выделена 4-я категория – «ориентация на другое», в которую вошли ответы, преимущественно связанные с вынужденным выходом из дома, например: «нужды»; «плохое здоровье – иду к врачу»; «мне хочется уйти, выйти, чтобы вернуться и все было бы хорошо – все здоровы и у всех все хорошо». Эта категория была удалена из дальнейшего анализа, поскольку содержала слишком мало данных.

Сложным ответам назначалось более одной категории. Объем анализируемого материала составил более 41 тыс. знаков, т.е. около 6100 слов.

Для обработки данных использовались: непараметрический критерий χ^2 Пирсона, U Манна–Уитни, N Краскела–Уоллиса и критерий углового преобразования Фишера.

5.3.2. Внешние и внутренние причины покидания дома

На рис. 5.1 и 5.2 представлены облака слов, описывающие внутренние и внешние причины покидания дома и полученные в ходе квантитативного частотного анализа лексем в ответах респондентов. Частотные словари были составлены экспертами по принципу «словаря замещений» (Олейник, 2009), в котором однокоренные или семантически близкие слова объединены в одну группу, например однокоренные слова «интересное», «интерес», «интересный», «интересующий» вошли в одну группу «интерес», равно как близкие по смыслу слова, например «застой», «закостенелость», «стагнация», «отсутствие активности» были объединены в группу «застой». Из частотного анализа были исключены «стоп-слова»: модальные глаголы и второстепенные члены предложения, не несущие смысловой нагрузки (например, обстоятельства времени, личные и притяжательные местоимения), служебные части речи (предлоги, союзы, междометия, частицы), все числительные. Нижняя отсечка частотности слов для анализа (минимальное количество повторов слова во всех ответах респондентов) – четыре слова, верхняя не ограничивалась.

Причины выхода из дома – мои интересы. Танцы, а также интерес к искусству, музыке: посещение культурных мероприятий. Учеба.

Гораздо реже встречаются указания на отчужденность домашнего пространства: *Природа, солнце. И мне любой повод подходит, потому что мне неуютно «дома». Не люблю так называть это место.*

Иногда мы встречали достаточно любопытные и в своем роде уникальные мотивы узнать неизвестное или остаться незамеченным: *«наблюдение за незнакомыми людьми из кафе», «...в больших ТЦ нравится “анонимность в толпе”», «нравится ездить в незнакомые места, желание их узнавать».*

Внутренние причины покидания дома, как правило, связаны с активными проявлениями напряженных отношений с членами семьи и содержат мотивы избегания. Примеры ответов: *«Родители ссорятся; очень много гостей»; «Напряжение между родственниками; скандал; частые расспросы, приставания не по делу»; «Отсутствие еды, средств первой необходимости».* Среди качеств физической среды, вызывающих отчуждение от дома, наиболее часто описываются такие, как шум, беспорядок, грязь, теснота, отсутствие своего места. Встречаются и ответы, указывающие на потребность в развитии и бегстве от одиночества, дисгармонии и пустоты: *«Необходимость новых впечатлений, мыслей, идей, свежего воздуха», «То, что моя квартира не гармонирует с моим внутренним миром»,* но их гораздо меньше.

Словарь внешних причин выхода из дома количественно больше словаря внутренних, но тем не менее его семантическое ядро значительно уже и более однотипно (критерий углового преобразования $\varphi = 9,38$ при $p \leq 0,001$). Так, суммарное количество слов в описаниях внутренних факторов выхода из дома составило 2366 слов (по 12,1 слова на ответ респондента), из них 1281 слово (54,1 %) составило семантическое ядро текста. Количество «стоп-слов» (удаленных из анализа) – 969 (40,9 %).

В то время как общее количество слов в описаниях внешних факторов выхода из дома составило 3692 слова (по 15,1 слова на ответ респондента), из них 1543 слова (41,8 %) составили семантическое ядро текста, 1486 (40,2 %) слов были исключены из анализа. Таким образом, при описании внешних факторов,

объясняющих мотивы выхода из дома, респонденты давали более однообразные и похожие друг на друга, однако преимущественно позитивные ответы, в то время как лексика и смысловое содержание описаний внутренних причин выхода из дома были богаче и носили более проблемосодержащий характер.

Частотный анализ показал, что среди внешних причин выхода из дома значимо преобладают ($\chi^2 = 74,39$; $p \leq 0,001$) те, что способствуют удовлетворению потребностей высшего порядка: побуждают респондентов к общению, развитию и другим привлекательным формам деятельности. Среди внутренних причин преобладают ($\chi^2 = 21,67$; $p \leq 0,0001$) те, что характеризуют фрустрацию базовых потребностей, главным образом, в психологической безопасности (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Частотный анализ распределения типов потребностей, задающих выход из дома

Тип потребностей	Причины выхода из дома					
	Внешние			Внутренние		
	Фактические	Ожидаемые	χ^2	Фактические	Ожидаемые	χ^2
Базовые	55	122,50	74,39*	130	97,5	21,67*
Высшего порядка	190			65		

Примечание: * – различия значимы при $p \leq 0,001$

На вопрос о внутренних причинах выхода из дома 43 человека (18 % от числа всех респондентов) ответили «ничего» и / или отметили, что им в удовольствие находиться дома:

Я люблю находиться дома. Нет ничего, что вызывало бы у меня неприязнь.

Но ни один респондент не ответил «ничего» на вопрос о внешних побудителях выхода из дома. Респонденты с такими ответами были выделены в отдельную условную группу – «удовлетворенные обитатели» – характеризующуюся субъективной удовлетворенностью потребностей, которые могут быть удовлетворены в домашней среде и для которой при обсуждении покидания дома актуальны только внешние причины выхода из дома. Эта группа в дальнейшем сравнивалась с другими респондентами, для которых актуальны те или иные внутренние причины покидания дома.

Далее было проанализировано, различаются ли внутренние и внешние мотивы выхода из дома по содержательным доминантам: ориентации ответов на индивида, среду, социум или другое. Оказалось, что внутренние причины выхода из дома значимо связаны с ориентацией на социум ($\chi^2 = 35,11$; $p \leq 0,001$), в меньшей мере – на индивида. В то же время внешние причины выхода из дома различаются по ориентации лишь на уровне тенденции и, как и в случае с внутренними мотивами, чаще сопряжены с ориентацией на социум, а реже – на индивида (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Частотный анализ распределения по-разному ориентированных ответов, служащих причиной выхода из дома

Потребности		Количество случаев	χ^2	p
Ориентация потребностей внутри	На себя	34	35,11	0,001
	На среду	60		
	На социум	101		
	Удовлетворенные обитатели	43	44,45	0,001
Ориентация потребностей снаружи	На себя	67	5,17	0,075
	На среду	81		
	На социум	96		
<i>Примечание:</i> количество респондентов из категории «удовлетворенные обитатели» сравнивалось с частотным распределением респондентов, ориентированных на себя, среду или социум при описании внутренних причин избегания дома				

5.3.3. Причины выхода из дома у мужчин и женщин

При сравнении выборок ожидаемые значения по каждому наблюдению в четырехпольных таблицах превышали 10 случаев, в шестипольных – 5 случаев (стандартные ограничения применения критерия χ^2 Пирсона), поэтому χ^2 рассчитывался без поправки Йейтса. Также с помощью программного софта «G*power» был проведен расчет необходимого объема выборки: для мощности критерия 0,95 при $p \leq 0,05$ минимальный объем выборки должен составлять 43 человека. В нашем случае мужская подгруппа была представлена 45 мужчинами, что позволяет считать выборку достаточной для избегания ошибок первого и второго рода в расчетах, связанных с несбалансированностью гендерной структуры общей выборки.

Результаты показали, что в отношении внешних причин выхода из дома женщины чаще ($\chi^2 = 6,15, 45; p = 0,046$) фокусируются на неудовлетворенных базовых потребностях, а мужчины чаще женщин упоминают потребности высшего порядка. Мужчины и женщины с одинаковой частотой упоминали фрустрированные базовые потребности как внутреннюю причину покидания дома (табл. 5.3).

По ориентации ответов у мужчин и женщин были выявлены различия лишь в отношении внутренних причин выхода из дома: мужчины чаще сообщали о том, что их мотивируют выйти из дома различные мотивы, ориентированные на индивида, в то время как женщины аргументировали причины выхода из дома преимущественно средовыми и социальными причинами ($\chi^2 = 8,94; p = 0,030$).

Таблица 5.3

Частотный анализ распределения типов и ориентации потребностей, служащих причиной избегания дома, у мужчин и у женщин (%)

Потребности		Мужчины	Женщины	χ^2	p
Тип потребностей внутри	Базовые	60,9	56,4	3,45	0,178
	Высшие	38,1	43,6		
Тип потребностей снаружи	Базовые	7,1	16,2	6,15	0,046
	Высшие	92,9	83,8		
Ориентация потребностей внутри	На себя	27,3	10,9	8,94	0,030
	На среду	18,2	26,6		
	На социум	34,1	44,8		
	Удовлетворенные обитатели	20,5	17,7		
Ориентация потребностей снаружи	На себя	28,9	27,4	3,05	0,217
	На среду	22,2	35,0		
	На социум	48,9	37,6		

5.3.4. Связь потребностей с уровнем привязанности к дому, функциональностью и релевантностью домашней среды

Сравнительный анализ средних значений (Н-критерий Краскела–Уоллиса) показал, что при описании внутренних причин покидания дома те респонденты, мотивы которых связаны с потребностями высшего порядка, в большей мере, чем обитатели, находящиеся в своем доме источник удовлетворения базовых

вых потребностей, оценивают его как личностно релевантный ($H = 5,83$, $p = 0,059$). При этом в первую очередь они оказываются удовлетворены мерой его эргономичности ($H = 6,62$, $p = 0,036$) и на уровне тенденции – управляемостью ($H = 5,61$, $p = 0,073$).

Внешние причины покидания дома также неявно связаны с релевантностью домашней среды ($H = 5,64$, $p = 0,072$): респонденты, у которых мотивы покидания дома связаны с удовлетворением потребностей высшего порядка, в отличие от респондентов с депривированными в доме базовыми потребностями, считают свой дом более подходящим и соответствующим им, в частности, позволяющим поддерживать связь с семьей и ее историей, или историчным ($H = 8,10$, $p = 0,017$), и более управляемым ($H = 6,20$, $p = 0,045$).

5.3.5. Взаимоотношения с домом у респондентов с разными потребностями

На табл. 5.4 можно видеть, что потребности вне дома связаны только с функциональностью домашней среды ($H = 5,96$, $p = 0,050$) и субшкалами Развитие ($H = 8,20$, $p = 0,017$) и Стабильность ($H = 5,09$, $p = 0,079$) на уровне тенденции. По большому счету именно функция развития в пределах дома задает эти межгрупповые различия. По всем перечисленным шкалам функциональности домашнего пространства более высокие баллы обнаруживаются у тех респондентов, кто выходит из дома, чтобы пообщаться (ориентация на социум), а более низкие баллы, как и ожидалось, имеют респонденты, кто ищет вне дома комфорт и эстетические удовольствия (ориентация на среду), к примеру, насладиться закатом, вкусно поесть или побродить по улицам города. Интересно также, что мы не обнаружили каких-либо межгрупповых различий у людей с разными ориентациями потребностей по показателям привязанности к дому и шкал Релевантности домашней среды.

Внутренние причины избегания дома связаны с неприятием образа своего дома и его функциональных качеств ($H = 8,62$, $p = 0,035$) и на уровне тенденции – с мерой стабильности домашней среды ($H = 6,87$, $p = 0,076$). Логично, что респонденты, попавшие в группу «удовлетворенных обитателей», больше удовлетворены мерой стабильности в доме, равно как и об-

щей функциональностью дома (антипод отчужденности), чем остальные респонденты, имеющие конкретные причины выхода из дома. Интересно, что в большей мере функциональностью дома недовольны те люди, кто переживает фрустрацию потребностей, связанных с личными целями, интересами и желаниями (ориентация на себя), в то время как мерой стабильности своего дома в меньшей степени удовлетворены респонденты, чьи потребности выхода из дома ориентированы на среду. Как и в случае с анализом внешних причин выхода из дома, связей между потребностной ориентацией и показателями привязанности к дому и релевантности домашней среды обнаружено не было.

Таблица 5.4

Сравнение Привязанности к дому, Релевантности и Функциональности домашней среды с группирующей переменной у людей с разными ориентациями потребностей

Шкалы	Потребности вне дома					
	Ориентация на			Статистика		
	себя	среду	социум	χ^2	р	
Функциональность	285,08	280,74	300,00	5,66	0,050	
Развитие	59,36	58,73	63,97	8,20	0,017	
Стабильность	38,34	36,56	39,41	5,09	0,079	
Шкалы	Потребности внутри дома					
	Ориентация на			Удовлетворенные обитатели	Статистика	
	себя	среду	социум		χ^2	р
Отчужденность	2,33	2,10	2,30	1,93	8,62	0,035
Стабильность	38,12	36,84	37,48	40,95	6,87	0,076
<i>Примечание:</i> указаны только значимые и имеющие тенденцию межгрупповые различия						

Итак, с точки зрения мотивационного содержания ответов респондентов выделяются следующие тенденции. Внешние причины формулируются респондентами в основном списками, в которых перечисляются такие типичные пункты, как встречи с друзьями, поход в кафе или ресторан, посещение культурных мероприятий (кино, выставок, театров, публичных лекций и т.п.), поход в магазин, желание прогуляться, хорошая погода. Гораздо реже встречаются указания на отчужденность домашнего пространства. В целом среди внешних причин доминиру-

ют те, которые ориентированы на удовлетворение потребностей высшего порядка (в общении, обучении, развитии и др.).

Внутренние причины покидания дома, как правило, связаны с напряженными отношениями внутри семьи (ссоры, конфликты, раздражение, непонимание, неуважение); с однообразием и рутинной жизни «в четырех стенах»; с переживаниями от вторжения домочадцев в личную жизнь и пространство; с одиночеством. Это наблюдение согласуется с нашими предыдущими исследованиями, показывающими, что отчуждение от дома мотивируется эмоционально-смысловым наполнением дома (чувствами и образами, связанными с домом; эмоциональной обстановкой в доме и т.п.) (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Среди качеств физической среды, вызывающих отчуждение от дома, наиболее часто описываются такие, как шум, беспорядок, грязь и теснота. Встречаются и ответы, указывающие на потребность в развитии. Внутренние причины выхода из дома преимущественно описывают фрустрацию базовых потребностей (в основном, в психологической безопасности).

Только 18 % всех респондентов, по всей видимости, достаточно удовлетворяют свои базовые потребности дома, и среда вне дома для них в первую очередь воспринимается как пространство, богатое ресурсами для удовлетворения потребностей высшего порядка. Похожие данные описаны в исследовании Ф. Пинкстера и коллег, изучавших влияние факторов привязанности к домашней среде на степень их мобильности. Они отмечают, что высокая потребность на время покинуть свой дом у привязанных к своему дому молодых людей связана с потребностью осваивать новые территории и влиять на внешний мир, при этом сами по себе жилищные условия гораздо реже становятся причинами недовольства дома (Pinkster, Kempen, 2002).

Анализ причин по ориентации ответов показал, что внутренние причины значимо связаны с ориентацией на социум и в меньшей мере – на индивида; среди внешних причин также доминирует ориентация на социум. Надо сказать, что в контексте исследований феноменологии «появляющейся взрослости» (emerging adulthood) временные разлуки с родительским домом рассматриваются как адаптивный фактор, позволяющий привыкнуть к темпу, правилам, социальным ролям, стилю общения

с другими, типичным для самостоятельной взрослой жизни. При этом прагматичная задача самого молодого человека в период жизни вне дома – накапливать опыт взаимодействия с другими людьми и целенаправленно накапливать личные и профессиональные связи. Поэтому внешняя социальная активность молодых людей считается коррелятом нетравматичного и уверенного выхода во взрослую жизнь и антипредиктором «запоздалого старта» (*delayed launch*) – нежелания людей после 25-30 лет покидать родительский дом и создавать свою собственную семью (Wilson et al., 2017).

Что касается гендерных различий, во-первых, перечисляя внешние причины выхода из дома, женщины чаще сообщают о неудовлетворенных базовых потребностях, а мужчины – о потребностях высшего порядка по сравнению с женщинами. В целом западные исследования гендерных различий в восприятии значимых параметров жилой среды показывают симметричные результаты: бытовые условия и предметно-пространственное наполнение жилища, основные предназначения которых – делать жизнь комфортной, безопасной и сытой – оказывается для женщин более значимым, чем для мужчин: к выбору места жительства женщины подходят с практической точки зрения, сопоставляя собственные жизненные потребности и потенциал средовых условий для их выполнения (Moore, Graefe, 1994).

Во-вторых, обсуждая внутренние причины выхода из дома, мужчины отмечали, что они чаще стремятся уйти из дома, если в домашней среде не учитываются их желания и намерения, равно как депривируется потребность в саморазвитии и творчестве, т.е. потребности, ориентированные на индивида, в то время как женщины аргументировали причины выхода из дома преимущественно средовыми и социальными причинами: дискомфортом, однообразием и мрачностью домашней обстановки либо напряженными отношениями с домочадцами. Близкие тенденции отмечались прежде другими исследователями: женщины чаще оценивают качество жилой среды с позиций социального взаимодействия (насколько открыты люди друг другу и новым жителям; отзывчивы; уровень доверия между жителями; насколько формальное или неформальное это общение и т.п.); у мужчин оценка близости и дружелюбности среды строится на возможности выполнять специфические виды дея-

тельности (например, сходить на рыбалку, поиграть в футбол, построить гараж или починить машину) (Pretty et al., 2003).

Кроме того, мы предполагаем, что данные результаты отражают гендерные установки, диктуемые ценностями и традициями современного российского общества. Так, если молодая пара не отселяется отдельно, то именно женщины чаще уходят из родительской семьи в семью мужа и создают свой дом в новом для себя месте, в то время как мужчины чаще приводят домой жену. Это может отчасти объяснять более сильную фрустрацию базовых потребностей женщин дома по сравнению с мужчинами. Также это может объяснять более социальноориентированные мотивы среди женщин (как стереотипно считающихся более общительными, эмоциональными, зависимыми) и индивидуальноориентированные – среди мужчин (воспринимающихся как более самодостаточных, независимых, закрытых).

Поиск связи между лежащими за ответами потребностями и привязанностью к дому не дал результатов. Нечувствительность переменной привязанности к дому к мотивационной специфике выхода из дома может объясняться несколькими причинами. Во-первых, мы помним, что внешние мотивы в основном связаны с теми сферами социальной жизни и личной активности, которые в принципе слабо реализуемы в пределах домашнего пространства, а фрустрация этих потребностей в домашней среде воспринимается как абсолютно нормальный аспект уклада жизни в доме, не влияющий на меру любви к нему: дом – для семейного общения, отдыха и энного количества других интимных, размеренных и частных деятельностей, внешняя среда – для развлечений, обучения, нетворкинга, получения впечатлений, и эти границы «дома» – «не дома» не должны флуктуировать и быть проницаемыми. Например, в организационной психологии нарушение баланса «дом – работа» рассматривается как главный фактор профессионального выгорания и снижения эффективности работника. Во-вторых, внутренние мотивы выхода из дома, связанные с состояниями напряжения, одиночества, скуки, которые действительно могут становиться причинами отчуждения от дома при условии их длительности и перманентности, в нашем случае описывались респондентами как ситуативные (например, *«люди, с которыми я вынуждена в данный момент*

жить»; «Случаи, когда я ссорюсь с родителями»), не набравшие достаточного потенциала, чтобы задать общий вектор эмоционального отношения к дому.

При описании внутренних причин покидания дома те респонденты, мотивы которых связаны с потребностями высшего порядка, в большей мере, чем обитатели, находящие в своем доме источник удовлетворения базовых потребностей, оценивают его как соответствующий их личным ожиданиям и нуждам (лично релевантный), при этом в первую очередь они оказываются удовлетворены мерой его эргономичности и на уровне тенденции – управляемостью. Респонденты, чьи внешние причины выхода из дома связаны с удовлетворением потребностей высшего порядка, считают свой дом более подходящим и соответствующим им, в частности, позволяющим поддерживать связь с семьей и ее историей. Таким образом, можно предположить, что люди, ищущие во внедомашнем пространстве источники личностного развития и роста, менее восприимчивы (или не замечают?) к дискомфорту и ригидности физической среды дома.

Ожидаемо, что люди, живущие в малофункциональном доме, где недоступны многие виды активности, стремятся найти оптимальную физическую среду за пределами дома. Если же жилище комфортно для жизни, то человека мотивирует выходить из дома взаимодействие с другими людьми. Невозможность развиваться заставляет искать функциональную и оснащенную физическую среду за пределами дома. Если саморазвитие в домашней среде возможно, то обитатель стремится выйти из дома для взаимодействия с внешним социальным миром. Сходной интерпретацией можно наделить и различия по показателю Стабильность: если дом непредсказуем и нестабилен, человека мотивирует выйти поиск других более благополучных в физическом отношении мест вне дома. Если же дом поддерживает суверенность и физическую неприкосновенность своего обитателя, то его мотивирует выйти общение.

Так, менее отчужденные от своего дома люди и те, кто был удовлетворен стабильностью жизни в нем, отмечали, что у них не возникает потребностей уходить из дома (категория «удовлетворенные обитатели»). Люди, переживающие отчуждение от дома и живущие в «непредсказуемом» доме, аргументируют

причины вырваться из его стен стремлением реализовать индивидуальные желания, планы и ожидания.

Таким образом, мы можем говорить о том, что человек может стремиться во внешний мир из дома, поскольку там он может удовлетворить потребности высшего порядка, однако он также может стремиться выйти из дома, переживая в нем фрустрацию базовых потребностей.

Выводы

Итак, наше исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Причины выхода из дома, кроющиеся внутри домашней среды (мотивы избегания, или «движение от»), преимущественно обусловлены фрустрацией базовых потребностей личности, а мотивы достижения, или «движение к», в основном ориентированы на удовлетворение потребностей высшего порядка.

2. И мотивы избегания, и мотивы достижения, вынуждающие человека выходить из дома, преимущественно ориентированы на социум – либо желание сбежать от конфликтов и неприятных людей в доме, либо, наоборот, найти приятное и интересное общение вне дома.

3. Мужчины сильнее, чем женщины, ориентированы на удовлетворение потребностей высшего порядка во внешнем пространстве. При этом мотивы избегания у мужчин чаще фокусируются на содержаниях, ориентированных на индивида; женщины акцентируют мотивы, ориентированные на социум и среду.

4. Значимых связей между причинами выхода из дома и привязанностью к нему не обнаружилось.

5. Респонденты, показывающие более высокий уровень личностной релевантности жилища, при описании как внешних, так и внутренних причин выхода из дома чаще акцентируют удовлетворение потребностей высшего порядка.

Полученные результаты, несмотря на кажущуюся тривиальность, показывают полимодальность взаимоотношений человека со своим домом. Дом рассматривается обитателями как среда, в которой можно удовлетворить базовые потреб-

ности. Если это происходит, то основными причинами выхода из дома служат аттракторы, сулящие удовлетворение высших потребностей. Дом не универсален в качестве ресурса, для поддержания баланса человеку помимо дома требуется дополнение в виде других сред. Возвращаясь к литературоведческим ассоциациям, вспомним, как Ю.М. Лотман, анализируя пространство в художественном тексте, пишет о значимости границ между подпространствами: «Так, например, пространство волшебной сказки отчетливо членится на “дом” и “лес”. Граница между ними отчетлива – опушка леса, иногда – река (битва со змеем почти всегда происходит на “мосту”). Герои леса не могут проникнуть в дом – они закреплены за определенным пространством. Только в лесу могут происходить страшные и чудесные события» (Лотман, 1998. С. 69). Ответы респондентов говорят о том, что даже если дома все хорошо, человеку нужно регулярно покидать его для посещения «леса»: это обеспечивает удовлетворение потребностей в развитии, общении, красоте и др.

Следует учитывать, что выборка данного исследования относится к возрастной группе так называемой «появляющейся зрелости», т.е. это молодежь, которая предпринимает шаги в направлении самостоятельности, но еще не полностью самостоятельна: не найдена профессиональная ниша, не появилось собственной семьи, не достигнута финансовая независимость. Для этого периода характерно осознанное или же вынужденное отделение от родительского «гнезда» через жизнь в пробных и замещающих пространствах (например, общежитиях) и переоценка своих отношений с родительским домом. Таким образом, полученные результаты показывают, как напряженная социальная ситуация в преимущественно родительском пространстве заставляет молодежь переживать дом как дискомфортный и искать «убежища» в других местах. В то же время можно предполагать, что такие ситуации могут являться возрастной нормой, которая способствует успешному продолжению сепарации и созданию собственного, отдельного и более субъективно подходящего для удовлетворения различных потребностей дома.

Интересны результаты, касающиеся гендерных различий. Женщины чаще, чем мужчины, называют в качестве внешних

причин выхода из дома удовлетворение базовых потребностей. Мужчины чаще, характеризуя внутренние причины, упоминают желания, ориентированные на себя, а женщины – на среду и на социум. Строго говоря, нельзя однозначно оценить конкретное желание как ориентированное на себя или на других (например, спортивная тренировка может мотивироваться одновременно и индивидуальными потребностями – быть здоровым, самодисциплинированным и красивым, и потребностями в социальных контактах – общением с членами спортивной команды, обсуждением тренировок с друзьями и т.п.). Здесь мы скорее имеем дело с декларацией той или иной ценностной ориентации, скрытой в конкретной формулировке, чем с реальной ориентацией на то или на другое: они представляются в значительной мере комплементарными, а третий вариант – ориентация на среду – выступает во вспомогательной роли. Изучение взаимоотношений индивида и его домашней среды видится перспективным, особенно в свете современной тенденции к проживанию ядерными семьями (супруги и дети) или в одиночестве, при выстраивании отношений в новых форматах, таких как «гостевые браки» или «проживание вместе раздельно» (*living apart together*), где почти каждый участник отношений имеет свое домашнее пространство, зачастую не разделенное с другими или разделенное своеобразным, временным образом. Символическое значение дома огромно, при этом современные условия (высокая мобильность, миграции, распространенность съемного жилья, переезды при смене состава семьи, создание и завершение браков и др.) зачастую требуют от людей приспособления к новым обстоятельствам глубинных, отработанных на протяжении многих поколений схем по ведению домохозяйства. Подобные исследования могут стать основой для практических рекомендаций и психологического сопровождения такого непростого, эмоционально наполненного и оказывающего серьезное влияние на благополучие человека процесса, как обустройство дома.

В дальнейшем представляется важным дополнить методы замером объективных характеристик домашней среды и расширить выборку другими возрастными и социальными группами.

ГЛАВА 6. ДОМ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Дом – то, откуда выходят в дорогу. Мы старимся, и мир становится все незнакомее, усложняются ритмы жизни и умирания. Не раскаленный миг без прошлого, сам по себе, без будущего, но вся жизнь, горящая каждый миг.

Т.С. Элиот. Четыре квартета

6.1. ДОМА И СТЕНЫ ПОМОГАЮТ: ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ, СТАРЕНИЕ И УМИРАНИЕ В СВОЕМ ДОМЕ

Народное творчество говорит о доме как об источнике здоровья, гармонии и умиротворения: «В гостях хорошо, а дома лучше», «Каково на дому, таково и самому», «Хозяин в дому, что медведь в бору». В прикладном аспекте исцеляющее и адаптивное значение дома отражены в распространенности архитектурно-дизайнерских концепций и практик проектирования оздоравливающих сред (healing environments), создания дизайна «для всех» (universal design), терапии жилой средой (apartment therapy). Работа с образами и смыслами дома, укладом жизни и домашними ритуалами прочно вошла в личностноориентированную и семейную психотерапию. И конечно, ресурсность домашней среды проявляется в общей тенденции сосредоточивать и организовывать свою жизнь, решать серьезные жизненные задачи в непосредственной близости от дома. Так, за последние двадцать лет все чаще дети стали рождаться и обучаться дома как в месте, далеком от врачебных ошибок или буллинга; все активнее люди ищут удаленную работу, позволяющую экономить энергию, силы и здоровье; все чаще в медицинской практике специалисты рекомендуют амбулаторное лечение, признавая эффективность абилитации и реабилитации в привычных и эмоционально положительных условиях дома.

С нашей стороны было бы странным проигнорировать тему «целебных» функций дома, поэтому заключительная обзорная глава посвящена обсуждению ресурсных возможностей дома, помогающих преодолеть сложные и естественные для человеческой жизни события и процессы – потери здоровья, старения, смерти. Принимая во внимание диалектичную природу дома и тот факт, что связь человека с ним не всегда благотворна, а отсутствие дома не всегда критично, мы также рассмотрим ресурсы (и, конечно, угрозы!) разлуки с домом и отчуждения от него. В последнем параграфе речь пойдет о функциях и смыслах дома в ситуациях сужения структуры семьи и, наоборот, ее расширения: как воспринимается и чем помогает образ дома, когда в семье появляются приемные дети. Последнее – наше собственное эмпирическое исследование.

«Дома и стены лечат» – народная мудрость, которая со временем воплотилась в стратегии национальной политики многих западных стран в сфере здравоохранения и социальной помощи населению – долгосрочного *лечения и реабилитации на дому* (home-based rehabilitation).

Поскольку домашняя среда, как правило, легче поддается изменениям, психологически безопасна и неформальна по сравнению с больничной, то она представляет собой оптимальное место для ухода за больным человеком (Резниченко, 2017[a]). Проанализировав более 25 исследований, посвященных преимуществам реабилитации в домашней среде, а не в специализированной, нам удалось выделить наиболее частотные и независимые от возраста, пола или культуры.

1) Домашняя среда трансформируется; это позволяет одновременно снизить риски ухудшения физического здоровья (ургентных состояний, падений, пролежней, проблем с дыхательной системой, вызванных лежачим образом жизни, и т.п.) и повысить активность и автономность болеющего человека (Dyck et al., 2005; Tanner et al., 2008).

2) В домашней среде легче поддерживать баланс приватности / публичности. Приватность как потребность скрыться от любопытных глаз – наиболее актуальна на этапе адаптации к ситуации болезни; а приватность как экспансия социальных взаимоотношений с внешним миром – выход из дома, визит гостей, путешествия – на более поздних этапах, когда ситуация

болезни члена семьи становится привычной (Tamm, 1999; Dyck et al., 2005; Rosenberg, 2008).

3) Домашняя среда поддерживает чувство защищенности, эмоциональную стабильность болеющего человека и его родных. В этом контексте отдельно отмечается функция формирования честного и открытого отношения родственников к ситуации болезни и связанным с ней ограничениям, накладываемым на жизнь всей семьи. Кроме того, реабилитация в домашних условиях заставляет человека децентрироваться от проблем, связанных с его здоровьем, и быть включенным в жизнь других членов семьи (Резниченко, 2017[a]; Dyck et al., 2005; Arlin и др., 2017).

4) Домашняя среда поддерживает идентификационные процессы болеющего и его семьи через: а) предметно-пространственную среду дома (вещи, напоминающие о прошлом, о планах на будущее, о достижениях, вкусах и интересах); б) возможность «быть собой» и самому организовывать темп, режим, образ жизни (Heiman, 2002; Yantzi, Rosenberg, 2008; Tanner и др., 2008).

Кроме того, сам образ домашней среды несет большой потенциал в процессе лечения и выздоровления. Недаром в социальной архитектуре и в области проектирования институциональных сред так широко распространены практики «одомашнивания» замещающих сред интернатного типа и связанные с ними понятия домашнего дизайна (homelike design) и оздоравливающей архитектуры (healing architecture). Эти практики сводятся к идее, что атрибуты среды, традиционно связанные с образом дома (текстиль, локальное освещение, предметы интерьера, растения), должны быть рассеяны в пространстве институциональной среды. К примеру, деревянный оконный профиль, наличие подоконников и ставней напоминают людям образ дома и поднимают настроение, а деревянная мебель и текстиль из натуральных материалов придают «одомашненность» больничному пространству (Aripin, 2007). В исследованиях было неоднократно доказано, что включение атрибутики, создающей атмосферу дома, снижает стресс, интенсифицирует адаптационный процесс, в т.ч. расширяет арсенал используемых стратегий совладающего поведения, повышает контактность пациентов с персоналом интерната (Резниченко, 2017[в]).

Несмотря на позитивные эффекты заботы о здоровье и старения в стенах родного дома, исследователями выделяются как минимум три фактора риска, ассоциированных с домашней средой и отрицательно влияющих на психологическое и физическое состояние людей с ослабленным здоровьем.

Наиболее очевидная проблема – нахождение оптимального соотношения между степенью автономности человека и безопасностью домашней среды. В зарубежной практике одним из обязательных этапов первичной адаптации в домашней среде человека с хроническими или прогрессирующими заболеваниями является экспертиза ее угроз и ресурсов. Медики-консультанты отмечают, что поскольку дом воспринимается обитателями как самое безопасное место, а пациенты не всегда осведомлены о своей болезни в полной мере, они часто не способны объективно оценить потенциальные риски от пребывания в домашней среде. Экспертиза включает в себя оценку безопасности предметно-пространственной и сенсорной среды (начиная от проверки индекса скольжения напольных покрытий и заканчивая оценкой освещенности, акустики, проветриваемости помещений), оценку рисков невыполнения схемы лечения пациентов (например, возможности и желание пациента и семьи адаптировать образ жизни и режим предписаниям врачей), оценку социальных и психологических стрессоров и ресурсов и другие. Перечень оцениваемых характеристик варьируется в зависимости от нозологии: для каждого заболевания или группы заболеваний междисциплинарными командами специалистов (медиками, психологами, эрготерапевтами, архитекторами) разработаны специальные тулкиты, в которых прописаны оптимальные для данного заболевания параметры жилого пространства. Так, например, экспертный лист оценки домашней среды для людей с деменцией, разработанный фондом King's Fund по заказу правительства Англии, включает порядка 80 индикаторов, оценивающих дружелюбность дома с точки зрения возможностей автономного передвижения и самообслуживания человека с деменцией, безбарьерности, безопасности и легкости ориентировки в доме, средового поощрения правильного пищевого поведения, возможностей для общения с членами семьи и внешней средой и занятий хобби (The King's Fund, 2014). По результатам экспертизы для пациента и его семьи составляются рекомендации по адаптации жилища. Для

обсуждения плана и внедрения средовых изменений – перепланировки, автоматизации, установки пандусов, подъемников, специального медицинского оборудования в жилой среде – привлекаются специалисты из НКО, аффилированных госструктурами. Найти аналогичные российские организации, специализирующиеся на проектировании дружественной домашней среды для людей с ОВЗ, нам не удалось.

Второй фактор риска связан с типичным для домашней обстановки дисбалансом поддерживающих и стимулирующих качеств среды. Впервые этот аспект был концептуализирован в модели М. Лоутона и Л. Нахимова «Средовое давление и личностные компетенции» (The Competence Press Model), раскрывающей, каким образом поведение и эмоциональное состояние человека с ослабленным здоровьем зависят от условий среды и его собственных ресурсов (Lawton, Nahemow, 1973). Средовое давление – это совокупность как физических (визуальные стимулы, звуки, свет, дизайн, мебель и т.п.), так и социальных (поведение и ожидания других людей) характеристик жизненной среды, «требующих» от человека определенных ресурсов, или компетенций, – способностей, энергетических затрат и поведенческих моделей (рис. 6.1).

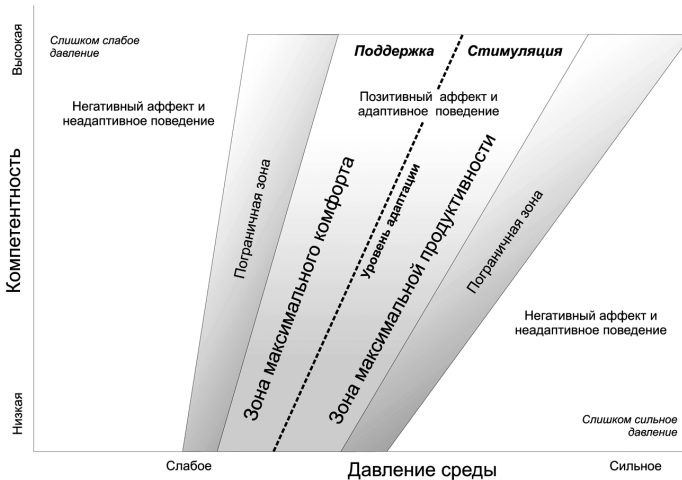

Рис. 6.1. Модель взаимодействия личности и среды «Средовое давление и личностные компетенции» (Lawton, Nahemow, 1973; адаптирована Резниченко, 2017[в])

Если средовое давление соответствует компетенциям личности, будут наблюдаться эмоциональное благополучие (позитивный аффект) и адаптивное поведение. При этом снижение давления среды обладает функцией поддержки и задает зону комфорта, обеспечивая психологическую безопасность и стабильность, а повышение – стимулирует активность человека и позволяет исследовать свой собственный потенциал, что оказывает прямое влияние на самооценку пожилого человека и уверенность в своих силах.

Но если давление среды слишком сильное, а у человека недостаточно ресурсов (к примеру, одинокий человек с нарушением опорно-двигательного аппарата, проживающий в доме, который не обеспечивает возможности самостоятельного передвижения), либо если среда слишком комфортная и не «требуется» от человека активности, в то время как личностные возможности для активного взаимодействия с окружающей действительностью имеются, – для таких ситуаций типичными будут неадаптивное поведение и эмоциональное неблагополучие. В первом случае дезадаптация связана с недостаточной средовой поддержкой, при которой разноуровневые потребности фрустрируются, вызывая негативные эмоциональные состояния (отчаяние, тревогу, одиночество, депрессию и т.п.), и, как правило, пассивное и беспомощное поведение. Во втором – с дефицитом стимуляции извне, который препятствует развитию и подавляет субъектную активность пожилого человека, либо приводит к негативным эмоциям (скука, раздражение, гнев) и рискованным / маргинальным формам взаимодействия со средой (например, провокация конфликтов с домочадцами или соседями) как источникам самостимуляции. Как правило, в домашнем пространстве игнорируется значимость именно стимулирующих качеств среды: тенденция родных и близких гиперопекать болеющего родственника приводит к средовой гипостимуляции (физической, информационной, социальной), иными словами, среда и управление ею становятся слишком простыми и не требуют от человека активности и настойчивости. Помимо эмоциональной нестабильности, провокации конфликтов с родными и рискованного поведения, чрезмерно комфортное – и в этом смысле обедненное – пространство дома часто приводят также к физической и интеллектуальной

пассивности болеющего человека. Эта проблема решается силами социальных служб, вовлекающих людей с ослабленным здоровьем и их семьи в проактивные социальные мероприятия, и эрготерапевтов, составляющих список домашних практик (от садовой терапии до ежедневных «домашних заданий», например, заказать по телефону услугу / товар; написать письмо, заполнить квитанции; пригласить гостей и т.п.), которые позволяют человеку сохранять его интеллектуальную, физическую и социальную функциональность в тоне.

Наконец, процесс длительной реабилитации в домашней среде может негативно сказываться на психологическом здоровье ухаживающего, социальном статусе и его рабочем потенциале в глазах работодателя. Интересно, что это негативное влияние по всем трем аспектам сильнее выражено у женщин, обеспечивающих лечение и уход за родными. Стоит отметить, что в контексте изучения дома как места реабилитации акцент ставится на исследовании восприятия смыслов и функциональности домашнего пространства у женщин. Это связано с тем, что забота о болеющих детях или пожилых родителях – прерогатива женщин, и они берут на себя не только архитипичные роли матери, жены, хранительницы домашнего очага, но функции непривычные, требующие особых медицинских знаний и навыков, бесстрашия и в некоторой степени жесткости по отношению к родному человеку. По данным разных стран, с лечением и каждодневными медицинскими процедурами в одиночку справляются от 62 % до 96 % женщин и только 3–10 % мужчин. При этом часто женщины оказываются не готовыми (т.н. навязанный альтруизм – «compulsory altruism») к этому ни физически, ни эмоционально и предпочли бы делегировать эти задачи мужчинам, но вынуждены выполнять эти функции, поскольку на мужчинах лежит финансовая ответственность, а затраты, связанные с организационной медико-социальной поддержкой и лечением, оказываются недоступными (Yantzi et al., 2006).

Н. Янцзы и М. Розенберг провели серию интервью с матерями детей с тяжелыми нарушениями развития разной этиологии (ДЦП, органическое поражение мозга, синдром Дауна), которые выбрали практику реабилитации на дому, а не в специальных центрах и больницах. Интервьюеры проясняли актуаль-

ный статус образа дома с точки зрения матерей: классический образ дома как место комфорта, безопасности и приватности; «больничный» образ дома, лишенный интимности отношений, приватности и уюта, и «дрейфующий» образ – нечто среднее между домом и больницей.

Абсолютное большинство матерей согласились с тем, что дом перестал быть для них домом после заболевания ребенка и что их отношение к нему поменялось: он стал напоминать рабочее место, где ты всегда на виду, всегда должен быть собранным и готовым принять незваных посетителей (в основном персонал). Лейтмотивом всех ответов матерей были сравнения внешнего облика и чувства уюта в доме и в больнице. Так, например, одна мама описала, что она чувствует по отношению к настоящему образу дома:

Я не знаю, как это правильно выразить словами. Это просто ощущение, что часть твоего дома – это больничная палата. Чувство, когда тыходишь в дом, а там болеет человек, и вокруг всё связано с лечением. И ты открываешь буфет, чтобы взять чай, а там не чай – он весь забит таблетками и шприцами. Это ощущение не дает чувствовать себя дома, а дом больше не кажется домашним, он – больничное пространство (цит. по: Yantzi, Rosenberg, 2008. P. 307).

Авторы отмечают, что матери, которые считали, что дом остался для них домом, имели больше возможностей выхода из него: они продолжали ходить на работу и / или рядом с детьми находились родственники / сиделки.

В психолого-медико-социальной теории и практике отдельным образом обсуждаются преимущества и риски *старения в доме*. Так, в начале 1990-х гг. в США и Центральной Европе выделился самостоятельный междисциплинарный феномен – «старение дома» (aging in place), и он стал эталоном благополучного старения (aging well).

Старение дома определяется как стремление пожилого человека оставаться жить в собственном доме или в том месте, где он жил в течение многих лет и к которому привык, а не в учреждениях интернатного типа или в предлагаемых государством местах для поселения пожилого поколения. По оценкам Всемирной Организации Здравоохранения (WHO, 2007) и Американской Ассоциации пенсионеров (AARP, 2011–2015), более

80 % пожилых людей (65 и более лет) планируют продолжать жить в условиях домашней среды и не рассматривают возможности жизни в институциональных учреждениях (WHO, 2007; Farber et al., 2017). По мнению большинства исследователей, старение дома является предпочтительным вариантом при условии соответствия домашней среды потребностям пожилого человека. В последнее время модель старения дома набрала популярность и активно используется в области политики старения, в средовой геронтологии и психологии здоровья пожилого населения. Отчасти в этом заинтересовано и государство: с целью снижения миграции и поддержания высоких демографических показателей власти развитых стран выделяют деньги на разработку теоретических и прикладных программ адаптации пожилых людей в среде их жизнедеятельности. Существуют специальные выставки, конгрессы и конференции, объединяющие архитекторов, дизайнеров, психологов и медицинских работников, на которых обсуждаются проблемы повышения возрастной функциональности жилища (к примеру, специально организованные ваннные комнаты, грамотное размещение контроллеров подачи газа, электричества, которыми легко и удобно пользоваться, и т.п.) и пути создания специальных медикопсихосоциальных условий старения, повышающих привязанность к дому.

Результаты кросс-культурных психологических и социальных исследований разных лет позволяют говорить, что старение дома поддерживают психологическое благополучие, чувство личностной целостности, укрепляют самооценку и позволяют пожилым людям сохранять позитивную Я-концепцию на фоне жизненных перемен и череды сменяющихся обстоятельств. И, наоборот, анализ и экспертиза лечебно-профилактических учреждений и учреждений социальной помощи, которые часто определяются как «обезличивающие среды», показывают, что замещающие дом среды не способны воссоздать привычный образ жизни и изолируют человека от внешнего мира (Heuwood et al., 2002; Milligan, 2009).

Современные технологические и эргономические средства фасилитации управления домашней средой дают возможность человеку быть физически независимым от помощи близких и чувствовать себя в безопасности. Так, например, в последнее

время активно развивается направление домашней информатизации, или «домотикс» (domotics), которое исследует возможности внедрения автоматизированных и компьютеризированных устройств в жилую среду пожилых людей и преследует две цели: оптимизацию физической среды, облегчающую повседневную активность человека, и расширение социальной среды за счет телекоммуникаций. За рубежом в рамках государственных программ социальной поддержки пожилого населения созданы специальные центры, в задачи которых входят: 1) проектирование существующей домашней среды под конкретные запросы ее обитателя; 2) адаптация и сопровождение пожилого человека в условиях жизни в измененном домашнем пространстве (например, обучение пользованию «умными» технологиями); 3) техническое обслуживание такого дома; 4) отслеживание меры соответствия его безбарьерности актуальному уровню физического и психосоциального здоровья человека в перспективе. Не менее важным аргументом для пожилого поколения в пользу старения дома являются ориентировка и знание придомового пространства и районной инфраструктуры (знание, куда обратиться за медицинской помощью, где купить необходимые товары, куда пойти на прогулку и т.п.), которые также обеспечивают безопасность и автономность.

Наряду с безопасностью домашняя среда сулит ощущение стабильности, поскольку пространство дома среди всех возможных сред жизнедеятельности человека является наиболее постоянным, устойчивым, узнаваемым и подконтрольным; хозяин дома обладает знаниями о возможностях и ограничениях жизни в нем, равно как и способами преодоления этих ограничений, легко может прогнозировать расход сил, времени, денег и других ресурсов при совершении какой-либо деятельности в границах дома. Более того, человек может антиципировать те или иные неприятности (например, предположить, как долго прослужит та или иная вещь), связанные с жилой средой, что позволяет подготовиться или предотвратить их.

Ключевой возможностью проживания в домашних условиях, значимой для психологического благополучия пожилого человека, является единение с семьей. Семья для пожилого человека – не только источник эмоциональной, физической и организационной помощи и поддержки, но и мощный стимул

для личностного роста, интегрального осмысления своих жизненных достижений и освоения социальных ролей. Особенно ресурсны в этом плане отношения прародителей и внуков, поскольку требуют от пожилых членов семьи выработки новой внутренней личностной позиции, особого уровня самоорганизации, ответственности и, конечно, активности. Известно, что участие в воспитании младших поколений у людей пожилого и старческого возрастов сопряжено с удовлетворением потребности быть социально полезным и нужным. Исследования показывают, что осознание и принятие особой роли прародителя удлиняют жизненную перспективу и создают новые источники удовлетворенности жизнью (Краснова, Лидерс, 2002).

Кроме того, по сравнению с другими средами пространство дома и образ жизни в нем отличаются гибкостью, трансформируемостью и отсутствием жестко регламентированных правил, особенно если человек живет один или с супругом / близким человеком того же возраста, что позволяет сохранять независимость и самостоятельность и чувствовать свободу выбора: что есть, когда ложиться спать, каким образом хранить свои вещи. Отмечается, что для пожилых людей значим сам факт наличия выбора места проживания и организации жизни в нем; домашние условия в отличие от жизни в интернатной среде, как правило, поддерживают свободу воли человека в выборе образа и ритма жизни, деятельности, быта (Kilinc, 2006). Старение дома предполагает возможность побыть наедине с собой, в тишине и спокойствии, равно как и возможность сохранять приватность, не тратя силы на укрепление границ личного пространства.

В литературе описывается еще одна ресурсная функция старения в доме – идентификация с местом (*place identity*), обеспечивающая личностную и временную преемственность и самоидентификацию. Идентификация с домом раскрывает символическую значимость дома как хранилища эмоций, истории жизни, отношений, которые наделяют жизнь смыслом и формируют цели. Дом, являясь «вместилищем» реализованных в действительности желаний, вкусов, предпочтений, мечт, становится как бы продолжением собственного «Я», основой для идентификации личности и отражает представления человека о себе самом. Персонализированное пространство дома (т.е. «оличенное», оформленное исходя из личностных предпочте-

ний, верований, целей) имеет для пожилого человека большое символическое значение: напоминает человеку, кто он есть, каковы его индивидуальные устремления, каков его жизненный «багаж», и позволяет видеть себя в контексте непрерывности бытия и давать оценку прожитой жизни.

Дом как регулятор идентификационных процессов часто рассматривается в контексте преодоления главного и неизбежного экзистенциального кризиса – *принятия своей конечности и подготовки к смерти*. В западных странах процесс умирания в собственном доме (death in home) стал рекомендуемым стандартом для людей, находящихся на терминальных стадиях заболеваний: ежедневный медицинский уход, равно как и психологическое сопровождение пациента и его семьи, оказываются специалистами на дому. Надо признать, что современная система здравоохранения в России не адаптирована под подобную практику – сложности возникают еще на этапе поиска амбулаторной паллиативной помощи, не говоря уже о сопровождении и уходе на дому.

Многочисленные исследования показывают, что у людей, готовящихся к смерти, есть острая потребность встретить ее в родных стенах. А сам образ дома и пребывание в нем во время болезни играют важную роль в формировании одновременно чувства преемственности и новой идентичности болеющего или умирающего человека, а также в процессе примирения с утратой былой дееспособности или принятия смерти как самим болеющим, так и его родными (De Roo и др., 2014; Grinyer, 2004; Thomas et al., 2018). В соответствии с трехаспектной моделью дома Дж. Сиксмит, на которую часто ссылаются исследователи смыслов и значений дома для умирающего человека, а также с нашим собственным пониманием домашней среды, дом концептуализируется как пространство, интегрирующее физический, социальный и личностный аспекты жизнедеятельности (Sixsmith, 1986).

Физическая среда в доме тяжело болеющего человека поддается наибольшим изменениям: меняется мебель, одежда, гигиенические требования, появляются приспособления для поддержания функций ослабленного организма. Несмотря на свою функциональную целесообразность, эти изменения часто становятся причиной ухудшения психологического состояния

больного и его отказа пользоваться такой средой: медицинское оснащение становится символом подорванного здоровья, а закрытые окна и двери и стерильность дома – напоминанием о собственной уязвимости. Тем не менее вынужденная трансформация пространства дома в целом рассматривается как позитивный фактор для становления идентичности болеющего и переосмысления своих возможностей и ограничений и позволяет человеку быть более или менее автономным (Bowden, Bliss, 2008).

Социальная структура также меняется – рядом остаются самые близкие, и одновременно приходят «чужие» (медики, социальные работники), – равно как и сами отношения: как правило, отношения «замирают» в динамике, обиды забываются, ожиданий нет, стиль общения между всеми домочадцами меняется. Социальный аспект дома в конце жизни выполняет как минимум два предназначения: единение с близкими и участие в повседневной домашней активности семьи, а также укрытие от социальных контактов. В силу необходимости привлечения медико-социального персонала границы дома размываются. И. Дик и П. О’Брайен в идиографическом исследовании социальной идентичности паллиативных больных показали, что домашняя среда как место общения с семьей и одновременно место оказания медицинской помощи значимо влияет на субъективное восприятие смысла дома как у самого больного, так и у других членов семьи (Dyck, O’Brien, 2003).

Дом с точки зрения личного аспекта идентичности остается, как правило, достаточно устойчивым. Все, что наполняет дом личностными смыслами и является центральным символом автобиографии человека, значимых событий жизни, взлетов и падений (личные вещи, фотографии, дневники, подарки от родных и близких, предметы коллекционирования, детали интерьера) напоминает человеку об определенных эпизодах его жизни и позволяет сравнить свое настоящее и прошлое «Я» (Maersk et al., 2018; Sherman, Dacher, 2005).

Исследования показывают, что большинство людей, превозмогая боль, неудобство и слабость, стараются выполнять рутинные домашние дела или хотя бы пользоваться домом по мере возможностей, словно доказывая дому и самому себе, «что они еще в силах управлять им, они пока что в нем хозяе-

ва» (Maersk et al., 2018. P. 14). Это позволяет им чувствовать свою относительную независимость от других, сопричастность к семейному укладу и жизни дома. Наиболее комфортными местами становятся спальня, гостиная и сад или балкон. В литературе отмечается, что значительная часть тяжелобольных людей отказываются от некоторых удобств, которые могли бы облегчить их функционирование: например, используют мебель в качестве опоры при перемещении вместо инвалидных кресел, убирают медицинские препараты из поля зрения в шкафы или отказываются принимать пищу в постели и идут на кухню. Эта внутренняя и физическая борьба со средой и с самим собой – необходимый этап принятия себя. Из отчетов онкологических больных (цит. по: Maersk et al., 2018. P. 16):

Я использую мебель для опоры. Мне не нравится пользоваться костылями. У меня и так слишком много медицинского оборудования в доме. И чем больше его становится, тем больше оно мне напоминает о моей недееспособности и зависимости.

Эта кровать [специальная для лежачих больных] заставляет меня думать «почему я?». Она заставляет меня думать о многих вещах. Мне еще рано умирать.

Те люди, кто примиряется с необходимостью использовать специальные устройства и приборы, выбирают стратегию персонализации, их «одомашнивания»: обклеивают инвалидные кресла тканями, убирают препараты в красивые коробки, создают декоративные коробки для капельниц.

Дж. Мерск с коллегами провели глубинные интервью со взрослыми людьми с онкологией в терминальной стадии, проживающими в своих домах (Maersk et al., 2018). Они выявили три основные потребности таких людей: 1) относительная автономия в доме – возможность перемещаться, поддерживать гигиену и заниматься простым, но созидательным делом, отвлекающим внимание от боли и мыслей (чтение, вышивание, высаживание растений и т.п.); 2) регуляция приватности; в большинстве случаев речь идет об усечении, закрытии границ дома для людей извне (соседей, друзей и т.п.); 3) отображение (чаще) или, наоборот, сокрытие символов, отражающих события жизни, интересы, вкусы человека.

Далее, взяв за основу теорию, согласно которой идентичность человека опосредуется его отношениями с местом че-

тырьмя процессами – отличительностью (уникальностью), преемственностью, самооценкой и самоэффективностью (Twigger-Ross, Uzzell, 1996), они сопоставили потребности и идентификационные процессы интервьюируемых людей между собой. Показано, что удовлетворение потребности в автономии поддерживает самооценку и ощущение собственной дееспособности (самоэффективности), потребности в приватности – чувство уникальности, а наполненность дома личностной символикой поддерживает преемственность и самооценку.

Авторами отмечается, что многие люди, которых они опрашивали, отмечали также потребность в выходе из дома в общественные места. Наиболее часто упоминаемые – кафе возле дома и продуктовые магазины. Выход из дома напоминал им о «нормальной» жизни до болезни, у некоторых даже способствовал снижению болевых ощущений и увеличению аппетита (Maersk et al., 2018).

В литературе отдельно обсуждается жизнь близких в доме до и после смерти члена семьи. Умирание близкого человека в пространстве дома – важное условие для психологического восстановления родственников после его смерти. В своих ретроспективных нарративах родственники отмечают, что умирание родного человека в домашней обстановке позволяет им быть спокойными от осознания, что он чувствует их любовь; разделять с ним страх смерти через разговоры или прикосновения; справляться с отчаянием за счет активности, направленной на выполнение последних желаний умирающего; находить для себя смыслы и ответы, почему трагедия пришла в их семью; контролировать действия медиков и защищать близкого от «лишнего медицинского вмешательства»; подготовить его тело к встрече со смертью (помыть, побрить, одеть, и т.п.), пока он жив; дать возможность попрощаться с ним тем друзьям и знакомым, которых бы не пустили в паллиативное отделение больницы (Grinyer, Thomas, 2004).

С другой стороны, в процессе абилитации и поддержания жизни больного у родных и близких также происходит сдвиг смыслов и значений дома (*shifting meanings*): дом теряет свои функции как места приватного, уютного, умиротворенного и счастливого и начинает нести в себе черты институциональности (*unhomely home*), экстренности (*urgency of home*) и вы-

нужденности. Возникает большой разрыв между актуальным образом дома и идеальным образом семейного дома, дом принимает на себя функции больницы и теряет способность удовлетворить потребности обитателей в приватности и комфорте: привычный уклад жизни меняется, многие домашние ритуалы, привычки и планы, объединяющие семью, уходят на задний план на неопределенное время; в дом стремятся «не ради, а вопреки» – чтобы бороться за жизнь и вместе переживать горе, а не за счастьем и безмятежностью (Maersk et al., 2018).

После ухода из жизни близкого человека дом часто начинает вызывать отчуждение, и требуется длительное время, чтобы он снова приобрел привычный образ стабильного, поддерживающего и уютного места.

Существует связь между силой переживания горя от потери близкого человека, величиной и составом семьи и настойчивой потребностью сменить свое жилище либо заново перестроить его: нуклеарные семьи без детей либо планирующие детей, для которых уход из жизни родственника стал особенно трагичным, стремятся переехать не только в новый дом, но и в другую местность. Иную стратегию, часто более приемлемую с точки зрения адаптивных и финансовых ресурсов, выбирают большие семьи – ремонт, причем, как правило, капитальный: люди ремонтируют не только спальню умершего, но стараются видоизменить весь дом, включая планировку. Наконец, одинокие люди, тяжело переживающие потерю близкого, обычно продолжают жить в том же доме, а комната усопшего родственника становится своего рода мемориалом: ее облик остается нетронутым и поддерживается хозяином дома, а вещи умершего приобретают сакральный статус (Sherman, Dacher, 2005).

В качестве резюме мы приведем отрывок из книги «Кто умирает?» С. Левина, преподавателя медитативных практик и коллеги Э. Кюблер-Росс, который, на наш взгляд, очень точно обобщает ресурсность и экзистенциальную значимость ухода из жизни в своем доме:

«В недавнем опросе четыре человека из пяти сказали, что предпочли бы умереть дома, тогда как в действительности четверо из пяти человек умирают в больнице. Умереть дома означает умереть среди жизни. Среди любви. Фактически большинству из тех, кого забрали умирать домой, не

нужно было принимать такие высокие дозы болеутоляющих средств, потому что дома их поддерживали близкие и они могли полнее расслабиться. Дома, в знакомой обстановке, у людей, как правило, нет такого сильного сопротивления неизвестному, и они могут целыми днями работать над тем, чтобы открываться своему окружению, обретать силу и пространственность, которые лежат глубоко внутри и позволяют глубже понять следующий этап раскрытия. Умирание дома одного из членов семьи сближает остальных, как ничто другое. Все жалкие ссоры, ревность и презрение сгорают в очистительном пламени столкновения с утратой и неизвестным» (цит. по: Левин, 1996. С. 321).

6.2. КОГДА ДОМ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ РЕСУРСОМ: ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДОМА И БЕЗДОМНОСТЬ

Как и формирование любви и привязанности к дому, отчуждение от него – процесс динамичный, комплексный и влияющий на разнообразные сферы «Я» человека. В предыдущей главе мы уже обсуждали, что люди, покидающие дом, движимы самыми различными мотивами и основаниями: они уходят из дома, чтобы чего-то избежать и чтобы чего-то достигнуть; уход из дома может быть спровоцирован фрустрацией базовых потребностей, а может быть вызван потребностью двигаться вперед, решать новые задачи и «экспансироваться» в большом мире. В этом параграфе мы рассмотрим причины не повседневных выходов из дома, а покидания человеком своего дома на длительный срок или навсегда.

Отчуждение от домашней среды проживания наиболее часто изучается в русле государственных программ по социальной поддержке мигрантов и бездомных людей. Бездомность часто ассоциируется с образом спящего на улице человека, не имеющего ни работы, ни имущества, ни достойного уровня жизни. Это наиболее экспрессивный образ бездомности, однако не отражает весь масштаб проблемы. Многие люди являются латентно бездомными или отчужденными от места проживания, что может проявляться в непостоянстве их проживания в своей жилой среде или внешне немотивированной высокой мобиль-

ности, в выборе замещающих сред в качестве временного жилья (общежитие, хостел, заброшенный дом и т.п.), которые часто имеют некомфортные или даже антисанитарные или опасные условия для жизнедеятельности; в бродяжничестве; в зависимом поведении и девиациях.

У. Бронфенбреннер одним из первых обратил внимания на проблему отчуждения, однако в его анализе средового отчуждения акцент ставится на социальной среде: «Территориальное разделение жилых и деловых районов в городах, частые переезды с одного места жительства на другое, прерывающие соседские и родственные связи, поток телевизионных передач, работающая мать и другие проявления “общественного прогресса”, согласно У. Бронфенбреннеру, уменьшают возможности и потребности в содержательном общении между детьми и людьми старшего поколения и создают очень тяжелые условия для женщин» (цит. по: Обухова, 1998. С. 130).

Психологическая отчужденность от среды влечет невозможность личностной и социальной самоактуализации; инволюционные процессы в отношении мотивационной, ценностной и социальной сфер личности, стресс, депрессивное состояние, невозможность восстановить силы и другие. Разлука с близкой средой, в особенности вынужденная, становится угрозой для процесса самоидентификации, а само чувство потери формирует болезненную тоску по дому и глубокое одиночество. Потеря привязанности к дому оказывает длительное негативное влияние как на процесс принятия и привыкания к новому месту, так и на выработку стратегий совладающего поведения в ситуации переживания утраты значимого места.

Феноменологический анализ отчуждения от дома и бездомности как результата у молодежи 16–25 лет, проведенный Э. Риггсом и А. Койлом на основе качественных данных, позволил рассмотреть два аспекта отчуждения. В физическом (материальном) плане отчужденные либо бездомные люди связывают свой статус с отсутствием постоянного жилья (или невозможностью там находиться) или безопасного для их имущества места (Riggs, Coyle, 2002). В психологическом плане отчуждение от дома и бездомность положительно коррелируют с чувством одиночества, с отсутствием эмоциональной привязанности и идентификации с местом, со стремлением

избегать межличностное взаимодействие с домашним сообществом (в т.ч. и с соседями), с нарастанием амбивалентности в отношении к происходящему в жилой среде и с отсутствием психологической безопасности. Авторы, приводя перечень причин отчуждения от дома у подростков и молодежи, тем не менее указывают, что эти факторы типичны и в отношении мотивов отторжения дома у взрослых людей. К условно деструктивным – травматичным или вынуждающим покинуть дом – причинам относятся:

- вынужденная бездомность вне личностных мотивов (потеря недвижимости, вынужденное переселение и т.п.);
- разлука или потеря близкого человека;
- страх за свою жизнь и неприкосновенность в настоящем;
- чувства ненависти и презрения к образу дома, связанные с переживанием серьезных потрясений в прошлом (например, насилие над собой или кем-то из близких, алкоголизм родителей и т.п.);
- депрессия, связанная с отсутствием личного пространства для своих дел, интересов, развития;
- несогласие семьи с образом жизни молодого человека, приводящее к конфликтным отношениям, социальное давление;
- отторжение и непринятие личности молодого человека близкими людьми;
- холодность и равнодушие между членами семьи; отсутствие стремления помочь друг другу;
- потеря или амбивалентность прежней идентичности и принятие негативной идентичности бездомных (например, часто подростки, убегающие из дома, стремятся ходить по малоизвестным улицам и жить там, где их никто не знает и где они могут ломать прежние стереотипы, социальные роли, формы и мотивы поведения).

К условно позитивным причинам – субъектным, трансформирующим и деятельным – можно отнести следующие:

- обесценивание идеи дома и привлекательность и / или идеализация идеи бездомности как проявление своего «Я» в критические периоды жизни (возрастные кризисы, форма проявления чувства взрослости и т.п.). Например, нередко подростки хотят покинуть дом, потому что идея и образ бездомно-

сти вписываются в привлекательную субкультуру (например, хиппи). А сам образ бездомного может оцениваться как романтический, захватывающий, неформальный, маргинальный и свободный от социальных норм и правил;

- поиск смысла жизни и саморегуляция суицидальных попыток или делинквентного поведения;
- движение навстречу новым начинаниям, главным образом в профессиональной (построить карьеру) и семейной (создать семью) сферах;
- стремление быть нужным и востребованным. Человек может найти группу для взаимодействия, где в нем будут нуждаться и его будут поддерживать, где он будет чувствовать свою значимость. К тому же многие исследования подтверждают предположение о том, что бездомные люди, объединенные в сообщество, демонстрируют большую коллективность, вовлеченность и участливость в жизни своей референтной группы, чем «домашние» люди. Иногда уход из дома (типично для подростков) диктуется инфантильными мотивами в надежде на то, что родные и близкие после разлуки осознают, что были не правы и сменят свое прежде несправедливое отношение к покинувшему дом на заботу, уважение и любовь;
- стремление постоянно обзаводиться новыми социальными контактами и получать средовые впечатления; непостоянство как личностная особенность;
- наличие возможностей для персонального роста и духовного развития вне дома. В последнее время аскетизм и антиконсюментализм как идеи устойчивого личностного и среднего развития стали активно развиваться;
- некоторые люди отказываются от дома, поскольку он несет якорную функцию и препятствует свободному передвижению по миру, постижению высших духовных смыслов и идейной оторванности от материальных благ.

Отчуждение от жилой среды может происходить и в случае если человек испытывает сложности культурной, религиозной и половой идентификации и не соответствует выработанным обществом правилам и стереотипам. В исследовании особенностей отношения молодых гомосексуалов семитского происхождения к родине, и к домашней среде в частности, было обнаружено, что многие из них покидают Израиль, переселяясь

в страны с более либеральными культурными, религиозными и сексуальными нормами и порядками. Причины отчуждения от своей земли, общества и дома – не только социальные (например, неприятие израильским обществом гомосексуальности по культурным и религиозным соображениям), но и индивидуальные: человек, воспитанный в достаточно консервативной, догматичной и традиционной культуре, часто испытывает чувство вины перед обществом и не хочет «осквернять» местные религиозные и культурные традиции своими не вписанными в эти традиции личными предпочтениями (Coyle, Rafalin, 2000). В целом известно, что чувство дома у людей, переселившихся жить в другие страны или регионы со специфичной и чужой для них культурой, формируется гораздо дольше, чем у людей, переселившихся в пределах одного региона со схожей культурой. По большому счету, идентификация с новым домом и привязанность к нему появляются лишь после культурно-социальной ассимиляции.

Сами по себе социальные догмы и общественная стереотипизация домашнего уклада – одна из центральных проблем феминистской социологии, апологеты которой настаивают на том, что образ дома как в процессе воспитания мальчиков и девочек, так и в принципе в обществе излишне идеализируется и традиционно позиционируется как «место счастья», «домашний очаг», «крепость», где ответственность за заботу о доме отводится женщине, при этом физические усилия, время, эмоции, которые она вкладывает в создание этого «идеального» дома, отдельно не обсуждаются. Так, например, представители научных феминистских движений исследуют не только очевидные агрессивные отношения между домохозяйками как причины отчуждения от дома, но и такие факторы, как «семейное выгорание» (household burnout, по аналогии с профессиональным выгоранием), «навязанная женская субъективность» (implicit female domestic subjectivity), а также имплицитные факторы (например, гендерноориентированная реклама и телевизионный контент «для домохозяек»), конструирующие образы «заботливой домохозяйки», «покорной и верной жены», «лучшей матери», которые затем становятся объектом сравнений, обсуждений и спекуляций как внутри семьи, так и в обществе (Blunt, 2005).

По мнению Э. Кахана и соавторов, проблему профилактики отчуждения от жилой среды можно решить, анализируя физические атрибуты жилища, которые отражают субъективные желания и потребности человека, и соотнося их с такими атрибутами среды, которые потенциально оказывают средовое давление (Кахана et al., 2003). Например, наличие глухих и тяжелых дверей с замками в доме может говорить о потребности в контроле пространства и уединении, а большое количество жильцов в квартире – не конгруэнтный этим потребностям фактор. Выше мы обсуждали, что в экологической геронтологии также выделяются такие дихотомии свойств жилой среды, интенсивность и экспансия которых должны соответствовать золотой середине, а в случае их дисбаланса они становятся средовыми раздражителями: отсутствие комфорта, неудобство / чрезмерный комфорт, снижающий продуктивность и активность; стимуляция / спокойствие (сенсорное, информационное, эмоциональное и т.п.); социальная гомогенность / гетерогенность; социальное взаимодействие / одиночество.

В исследовании Б. Брото и соавторов продемонстрирована интересная модель субъект-средовых отношений с точки зрения процессов формирования территориальной идентичности (Broto et al., 2010). Характер поведенческих установок человека к среде модерируется двумя факторами – уровнем активности (фактор, также подразумевающий и средовые допущения, «разрешающие» выполнение той или иной деятельности) и восприятием среды в дихотомии близкое / чуждое (рис. 6.2). Комбинации факторов являют четыре средовые установки, две из которых могут быть отнесены к привязанности, а другие две – к отчуждению дома. *Активизм* – позитивная активная установка по отношению к среде. Переживание близости к среде и наличие средовых условий для разнообразной деятельности формируют у человека активное проэкологичное поведение, стремление оберегать и улучшать среду жизнедеятельности. Человек активно преобразует среду, что способствует его личностному росту, формированию конструктивных и уважительных отношений со средой и ее атрибутами (в том числе в социальной сфере).

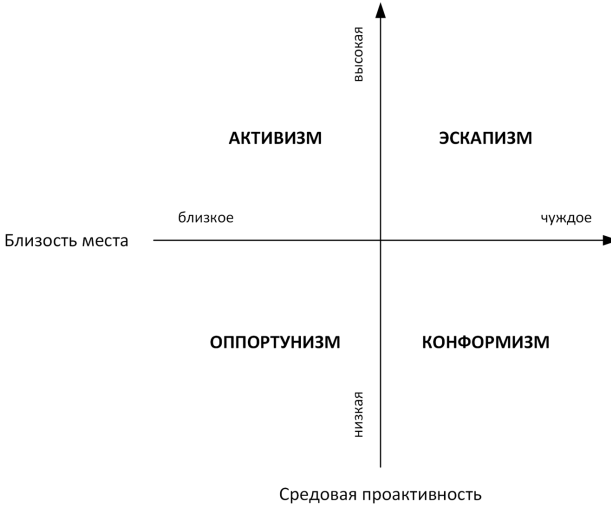

Рис. 6.2. Варианты возможных установок по отношению к жилой среде в зависимости от уровня средовой активности человека и уровня привязанности

Опportunизм характеризуется пассивным потребительским отношением к среде, которая становится средством достижения жизненных целей. При этом у человека не возникает побуждений к поддержанию и протекции своей среды, хотя он и оценивает ее как близкую и значимую.

Вариантом активной негативной субъект-средовой установки является *эскапизм*. Он заключается в активном отчуждении, отдалении от среды, нежелании мириться с установленными правилами, порядками, положениями дел; в активной деструктивной деятельности по отношению к ее физическому (порча имущества, разрушение, загрязнение и т.п.) и социальному наполнению (открытое осквернение социального капитала среды или оскорбление ее обитателей; нарушение социальных норм и правил и т.п.).

Наконец, *конформизм* – также негативная форма субъект-средовых отношений, при которой страдает не только сам человек в силу неудовлетворенности качеством жизни, но и среда. По отношению к ней формируются латентные и пассивные деструктивные формы отношений (неуважение, очернение образа, репутации или истории и другие), часто не до конца осоз-

нанные. Такой вариант отношения к среде особенно типичен для людей, желающих покинуть место, но не имеющих возможности это сделать, и по сравнению с активными формами неприятия своей жизненной среды такая неотреагированная средовая антипатия более пагубно влияет на эмоциональное состояние человека и социальную безопасность человека.

Несмотря на то что отчуждение от дома и стремление его покинуть в краткосрочной перспективе рассматривается скорее как дисфункциональная установка, угрожающая благополучию и аутентичности человека, осознанное и сообразное личным целям расставание с домом может быть важным и нужным жизненным шагом навстречу саморазвитию, подпитываемым мотивами достижения, а не избегания. И чем более рефлексивно, инициативно и активно человек готов выражать свой внутренний мир через свою жизненную среду и быть творцом своей истории взаимоотношений с ней, тем дружественней и ближе она ему представляется.

6.3. «ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ»: ДОМ В СИТУАЦИИ РАЗВОДА

Образ дома динамичен в той же степени, в какой динамична жизнь его семьи: кто-то, уходя из семьи, покидает свой дом, и последний приобретает совершенно иные грани и ценность для оставшихся. Кто-то появляется, и тогда пространство дома меняется, адаптируется, распахивая свои границы для этого нового человека.

Какую же роль – созидательную или разрушительную – играет домашняя среда в ситуации, когда супруги решают развестись?

Несмотря на то что развод и его влияние на психическую и социальную жизнь всех членов семьи изучается в разных ракурсах, имеются лишь единичные исследования того, какую роль играет домашняя среда в формировании установок на развод и какие изменения претерпевает образ «семейного дома» в постразводный период (Нартова-Бочавер и др., 1998). В целом эксперты сходятся во мнении, что продолжать жить в привычном семейном доме – наименее травматичный выбор

как для родителя, так и для ребенка в ситуации распада семьи при условии, что этот дом не связан с дополнительными драматичными эпизодами (например, насилием или смертью других членов семьи) (Anthony, 1997; Magdol, 2002; Gram-Hanssen, Bech-Danielsen, 2008).

Любопытно, что интерес к этой теме возник в 1990-х гг. прошлого столетия, когда социальная политика США и ряда европейских стран была сконцентрирована на проблеме поддержки семей и была вызвана резко возросшим количеством разводов среди населения. Удивительно и то, что результаты исследований, например, домашних пространств, которые становятся триггерами конфликтов между супругами, или взглядов экс-супругов на образ бывшего семейного дома и актуального в целом, несут универсальный характер и неоднократно воспроизводились у разных исследователей. Это касается, например, вывода о том, что домашняя среда после развода (в период от одного года до 10 лет после развода, по данным разных авторов) оказывается менее ресурсной и поддерживающей для детей, чем в доразводный период (Wallerstein, Blakeslee, 1989; Magdol, 2002).

Многие дети отмечают снижение качества их жизни в доме после развода родителей и чувствуют грусть и тоску по общему дому, и она тем сильнее, чем больше воспринимаемая ребенком разница между условиями в доме матери и отца (Wallerstein, Blakeslee, 1989; Weitzman, 1985). При этом К. Антони была обнаружена интересная закономерность: матери склонны переоценивать привлекательность дома экс-супруга для их детей, при этом сами дети, как правило, оценивают жилищные условия отца как менее привлекательные. Тревога о том, что ребенку больше нравится новый дом отца и что ему некомфортно в родном доме, часто вынуждает мать искать дополнительные аттракторы, привлекающие детей: украшать комнаты в соответствии со вкусами и интересами ребенка, покупать новые игрушки, заводить домашних животных и т.п. В результате разрыв между привлекательностью материнского и отцовского дома (который негативно влияет на эмоциональное состояние ребенка) в глазах ребенка становится еще больше. Механизм этого замкнутого круга исследовательница объясняет внутренним чувством справедливости детей: им комфортно тогда, когда и мама, и папа живут в одинаково хороших условиях.

В целом восприятие одинокими матерями потенциальных стрессоров и ресурсов семейного дома для них самих отличается от такового у детей. Матери чаще, чем дети, упоминают в качестве факторов, снижающих стресс у ребенка, метраж дома, количество спален, наличие санузла рядом с комнатой ребенка, личную безопасность дома и района. Дети отвечали, что для них важны привычка проживания («привык здесь жить»), наличие друзей во дворе, наличие детской площадки и своего обустроенного личного пространства, ориентация и знание района и нежелание ничего менять в своей жизни в принципе – последний довод наиболее свойственен подросткам. В качестве факторов, вызывающих тревогу, матери называли необходимость делать ремонт, оплачивать коммунальные услуги, неопрятный внешний вид жилища, а дети – недостаток приватности, отсутствие «чувства праздника», скучный образ жизни в доме, необходимость помогать по хозяйству и, что интересно, ожидание переселения в съемное жилье даже тогда, когда матери не планировали переезда (Anthony, 1997).

Среди исследователей домашней среды в контексте ее влияния на жизнь супругов и изменений структуры семьи появились малоизвестные идиомы: «разрушающий дом» (the breaking home), «дом-ловушка» (home as trap) – черты и функции дома, становящиеся объектом ссор и недовольства супругов; «разрушенный дом» (broken home) или «тоскливые дома и сады» (bitter homes and gardens*) – образ семейного дома, обесцениваемый разведенными людьми в постбрачный период (Anthony, 1997; Cooper Marcus, 1995; Ibrahim, 2015). Все эти метафоры и неологизмы вполне созвучны нашей синергетической модели дома: когда человек или семья переживают кризис, дом подталкивает их к тому, чтобы разорвать отношения и заняться собой.

В исследовании стрессоров жилой среды, которые становятся источником взаимного раздражения у супругов, были выделены следующие тенденции: спальня была основным локусом конфликтов, связанных с недостаточной приватностью

* Игра слов, построенная на антонимии: «better» («лучший») заменено на «bitter» («горький»). «Better Homes and Gardens» – один из наиболее известных и старых (издается с 1922 г.) журналов в США по благоустройству дома и сада.

супружеской жизни, а кухня, ванная и гостиная – с недовольством супругов тем, как распределяются между ними функции по уходу за домом; среди мебели основными «провокаторами» конфликтов оказались шкафы для одежды, телевизоры, стереосистемы и стулья в гостиной – специфика их использования одним из супругов становилась почвой для обвинения его в эгоизме и неуважении по отношению к другому супругу (Anthony, 1997). Эти примеры показывают, что не только дом как целостность, но также и его части становятся «полноправными участниками» семейной жизни и выступают на стороне одного из членов семьи против других.

Работы последних лет преимущественно обращаются к проблемам психологического здоровья детей, живущих на два родительских дома (*mobile children*), а также принятия решения экс-супругами о том, кто должен покинуть семейный дом, а кто – остаться (Ibrahim, 2015; Mulder et al., 2011; Zartler, Grillenberger, 2016).

С точки зрения психологического здоровья детей и сохранения семейных связей эффект попеременного проживания в отцовском и материнском доме расценивается скорее как положительный: поддерживает эмоциональную близость с обоими родителями и обеспечивает социальную преемственность, т.е. поддержание детских контактов со старшими родственниками и сиблингами по материнской и отцовской линиям, а также с друзьями в постразводный период. При этом участие прародителей в жизни ребенка обеспечивает дополнительную поддержку родителям, общение с сиблингами и друзьями по месту жительства матери или отца – удовлетворяет потребность ребенка в стабильности. Недавние исследования показывают, что ни эмоциональная близость, ни постоянство связей не связаны с географической близостью, частотой контактов или количеством общего времени, проводимого с родственниками, если до развода они были значимой частью социальной жизни ребенка, в то время как на интенсивность общения ребенка с друзьями территориальная близость оказывает безусловное влияние (Aeby et al., 2014). Замечено, что у младших подростков, живущих в бинуклеарных семьях, менее остро выражена потребность в расширении социальных контактов и поиске друзей (Zartler, Grillenberger, 2016).

На судьбу семейного дома после развода – кто будет его хозяином и останется ли он во владении семьи в принципе – оказывает влияние большое количество переменных: наличие детей, длительность проживания, его территориальная близость к месту проживания родственников, финансовая независимость супругов, тип жилья, его рыночная цена и операционная стоимость (то, сколько ресурсов вложила семья для обустройства и поддержания дома). Интересные тренды западноевропейских стран о динамике переездов бывших супругов в новые дома приводит К. Малдер: если в 1990-е гг. семейный дом покидали в основном бывшие мужья (58 % мужчин; 39 % женщин и 3 % – меняли жилье оба супруга), то в 2000-х эта тенденция резко перевернулась: 50 % женщин и 43 % мужчин делали выбор в пользу нового жилья, и в 7 % случаев оба супруга уезжали из семейного дома. Недавние исследования показывают схожие пропорции смены жилья экс-супругами (41 % женщин и 39 % мужчин переселяются), но значительно вырос процент случаев, когда оба супруга отказываются от своего дома – 20 % (Mulder et al., 2011). Отметим, что в России похожие тенденции пока что вряд ли воспроизводимы, что связано и с культурными особенностями, и с ликвидностью недвижимости: с одной стороны, сохранена культурная традиция жить в родовом гнезде, с другой – цены на жилье не позволяют новым семьям сразу обзаводиться собственными домами, и семья продолжает жить в доме, принадлежащем одному из супругов.

В этом же исследовании выведены основные закономерности решений бывших супругов о переезде из семейного дома. Обобщенно они выглядят следующим образом: покидает дом тот из супругов, кто больше зарабатывает, владеет собственным бизнесом, кто младше, кто имеет меньшее число родственников, проживающих поблизости, кто становится «родителем выходного дня». Бывшие мужья – собственники жилья – чаще отказываются от прав на дом, чем жены, вне зависимости от того, с кем остается ребенок. Если дом арендовался в период брака, то в нем в большинстве случаев продолжает жить жена. Кроме того, на принятие решения экс-партнеров о выселении влияет и степень урбанизации района, где находится жилище:

чем более развита местная инфраструктура и чем ближе жилье к центру города, тем вероятнее, что продолжит в нем жить бывшая супруга (Mulder et al., 2011).

С точки зрения влияния переезда из семейного дома на психологическое здоровье мужчин и женщин наиболее уязвимы в этом плане женщины: разлука с домом по причине развода у женщин чаще сопровождается депрессией, потерей социальных контактов, опасением стать финансовой обузой для ближайших родственников и в целом более низким уровнем психологического благополучия по сравнению с мужчинами (Magdol, 2002).

Этот небольшой обзор обобщает лишь основные тенденции изучения ресурсов и угроз дома в контексте разрушения семьи, которые, как мы надеемся, будут расширяться и обретать прикладную форму, позволяющую использовать накопленные знания в психотерапевтических целях. Кроме того, приведенные исследования еще раз показывают диалектическую природу дома, которая проявляется в том, что он не только укрывает от внешнего мира и служит источником благополучия, но может также обладать разрушительной силой, становясь раздражителем и предметом раздела, конфликтов, непонимания, расставаний, впрочем, при этом открывая новый период в жизни членов бывшей семьи и побуждая их к поиску новых горизонтов.

А как меняются образ и субъективно воспринимаемая ценность дома при расширении семьи, когда в доме появляется новый человек? Здесь мы намеренно оставим за рамками рассмотрения рождение детей или вхождение в семью новых родственников, поскольку, во-первых, отсылки к этой теме можно найти в многочисленных публикациях в области социальной и семейной психологии, во-вторых, эти ситуации хоть и приводят к кардинальным изменениям семейных границ и ролей, равно как значений и пространств дома, но все же чаще оцениваются людьми как естественные и счастливые события, сами собой компенсирующие сцепленные с ними тревоги и стресс. И обратимся к нашему собственному исследованию дома как ресурса адаптации сирот к своей приемной семье.

6.4. АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ К ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ: РОЛЬ ОБРАЗА ДОМА

Усыновление ребенка – это серьезное событие в жизни всех членов семьи – и решившихся на этот гуманный, но сопряженный со многими рисками, самоограничениями и чрезвычайно ответственный шаг взрослых (будущих приемных родителей), и оказавшихся в новой обстановке детей, нередко имеющих в своей биографии травматичный опыт разусыновления и мало подготовленных к рутинной повседневной домашней активности. Когда же в приемной семье появляется ребенок подросткового возраста, обычно он уже разочаровался в возможности иметь семью или даже пережил несколько попыток усыновления, неуспех которых делает его еще более «трудным» для окружающих в силу нарастающей социальной виктимности и готовности к дальнейшим семейным неудачам. Поэтому важно учитывать все личностные и экосоциальные ресурсы, которые возможно подключить к адаптации приемного ребенка (Horelli, 2007).

Описывая затруднения в адаптации приемных детей к семье, специалисты особо подчеркивают их бытовую неприспособленность, отсутствие быденных навыков самообслуживания, сосуществования и повседневного взаимодействия, что вносит дополнительное напряжение и наделяет их тревожностью, с которой они зачастую не могут совладать (Алдашева, Зеленова, 2016; Бриш, 2012; Дмитриева, 2015; Куфтяк, 2012; Прихожан, Толстых, 2007). Одна из дезадаптивных особенностей воспитанников детского дома – их неспособность обживать свой дом, неумение делать его уютным и гипертрофированная реакция на бытовые неурядицы, которые легко выводят их из равновесия. Наблюдения за выросшими сиротами показывают, что они опасаются уединения, приватности, которые для них равнозначны оставленности и одиночеству, и предпочитают объединяться с другими товарищами по детскому дому или интернату в общей квартире, таким образом воспроизводя свою привычную обстановку детства (Дмитриева, 2013).

Несмотря на то что вопросам психологической подготовки приемных родителей уделяется много внимания, роль дома и рутинных повседневных практик сосуществования исследована недостаточно в силу отсутствия до недавних пор под-

ходящих инструментов диагностики домашней среды, а также по причине того, что социальные службы опеки, строго контролируя «объективные» жилищные условия жизни детей в приемных семьях, не в состоянии оценить уровень средовой компетентности тех детей, которым предстоит переселиться в эти условия (Алдашева, Зеленова, 2016). Поддерживающая функция дома как весомого ресурса адаптации к семье, определяющего способы совладания с повседневными трудностями, за редким исключением до сих пор остается практически не изученной. Исследователи отмечают, что воспитанники детского дома вообще склонны замечать свое жилище тогда, когда оно доставляет неприятности и проблемы (что-то ломается, что-то не работает, не открывается, не закрывается и т.д.), но не в связи с позитивными переживаниями (Дмитриева, 2013, 2015).

Другая неблагоприятная особенность детей, принятых в новую семью, – трудность образования эмоциональной привязанности как к людям, так и к месту, в силу чего они с трудом переживают и выражают эмпатию, благодарность, готовность к кооперации и помощи, что тоже затрудняет их семейную социализацию (Бриш, 2012; Прихожан, Толстых, 2007).

Противоречивые и необычные взаимоотношения сирот со своим домом стимулировали настоящее исследование, посвященное изучению образа дома у приемных детей и той роли, которую он играет в процессе их привыкания к новому образу жизни. Таким образом, *цель* нашей работы состояла в том, чтобы оценить вклад образа дома в успешность адаптации сирот к своей приемной семье.

В качестве показателей адаптации мы выбрали привязанность подростков к дому и к семье. Эти не исследованные ранее в контексте социализации приемных детей феномены, на наш взгляд, играют ключевую роль в успешности развития трансформированной семьи. Привязанность к дому (ПД) представляет собой важный ресурс психологического благополучия человека на всех этапах его взросления; в то же время необходимо отметить, что феномен привязанности к дому изучался только на нормативной выборке, в контексте обычной социализации. Можно ожидать, что наличие общности между детьми и родителями в установках на семью и дом будут способствовать их большей совместимости и лучшей и более быстрой адаптации детей к семье.

Привязанность к семье (ПС) – чувство эмоциональной и поведенческой связанности с семьей, которое проявляется в том, что семейные ценности, интересы, правила для человека приоритетны, более важны, чем свои собственные, не разделенные с семьей. Понятие привязанности к семье восходит к оппозиции аллоцентризма–идиоцентризма, первоначально возникшей в кросс-культурных исследованиях как оппозиция коллективизма–индивидуализма (Lay et al., 1998). Аллоцентризм в широком смысле слова отражает ориентацию личности на тесную связанность с внутригрупповыми ценностями и интересами и преданность группе; вариантом группы является семья. Аллоцентричные люди учитывают мнения членов семьи и принимают решения, обращаясь к их авторитету. Иногда эти решения осуществляются даже во вред себе, однако стратегически «работают» на укрепление адаптивного чувства принадлежности. Противоположная ориентация, идиоцентризм, предполагает фокусировку на своих собственных целях и потребностях, а не тех, что отвечают интересам семьи. Идиоцентричные люди полагаются прежде всего на самих себя и принимают решения самостоятельно; при этом идиоцентризм – это отнюдь не эгоизм, хотя эти явления имеют области пересечения.

Независимая переменная – образ дома – была представлена двумя показателями: функциональностью домашней среды (ФДС) и релевантностью домашней среды (РДС). Тема исследования продолжает серию работ, изложенных в главе 3, однако в данном случае мы изучали людей, находившихся в особой жизненной ситуации, и потому сосредоточивались на подробности анализа достаточно экзотичных и потому немногочисленных данных. Проверялись следующие эмпирические гипотезы: 1) чем ближе образ дома у детей и родителей, тем сильнее привязанность детей к дому и к семье; 2) чем более дружелюбен образ дома у приемных детей, тем сильнее привязанность приемных детей к дому и к семье.

6.4.1. Процедура исследования

Респондентами были 30 родителей (5 отцов и 25 матерей, $M_{\text{возраст}} = 41,1$, $SD_{\text{возраст}} = 3,1$) и 30 детей (11 девушек и 19 юношей, $M_{\text{возраст}} = 14,1$, $SD_{\text{возраст}} = 1,2$). К моменту обследования дети находились в семье примерно десять лет, однако несколь-

ко семей усыновили ребенка пять лет назад и две семьи – два года назад. Опрос детей и родителей проводился добровольно; методики заполнялись ими во время встречи с психологом.

Для изучения (условно) независимой переменной, образа дома, использовались опросники ФДС и РДС (расширенная форма); зависимая переменная изучалась при помощи опросников ПД (Резниченко и др., 2016) и Привязанности к семье (ПС) (русской версии опросника Family Allocentrism Scale F. et al., переведенного авторами и находящегося в процессе подготовки к публикации) (Lay et al., 1998). Опросник Привязанность к семье содержит одну шкалу, состоящую из 21 пункта; примеры утверждений: *Мне было бы стыдно, если бы я сказал(а) «нет», когда родители о чем-то просят; Мое счастье зависит от счастья моей семьи; У меня есть определенные обязательства в отношении моей семьи.*

Для обработки данных использовались непараметрический критерий U Манна–Уитни, корреляционный и парный регрессионный виды анализа.

6.4.2. Результаты

Прежде всего, в полном соответствии с интуитивными ожиданиями нами было обнаружено, что все показатели релевантности и функциональности домашней среды различаются у детей и их родителей на уровне значимости $p \leq 0,001$. При этом значения всех переменных, кроме Отчужденности, выше у родителей, чем у относительно недавно пришедших в семью детей; значения по шкале Отчужденности у родителей оказались ниже (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Показатели ФДС и РДС у приемных родителей и детей

Шкала / группа	ФДС*	П*	Р*	С*	З*	РДС*	У*	Ре*	Са*	Э*	О*	Пл*	И*	ПД	ПС*
Родители	23,8	6,3	5,8	6,2	5,6	23,6	4,4	4,5	4,0	4,6	2,3	4,2	4,2	3,9	86
Дети	18,0	4,4	4,3	4,7	4,5	17,5	3,5	3,2	3,4	4,0	3,0	3,7	2,7	3,8	76

Примечание: * показатели значимы на уровне $p \leq 0,001$. ФДС – Функциональность домашней среды, П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность, РДС – Релевантность домашней среды, У – Управляемость, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность, ПД – Привязанность к дому, ПС – Привязанность к семье

Показатели Привязанности к семье выше у родителей на уровне значимости $p \leq 0,001$. В то же время примечательно, что по уровню ПД значимых различий между детьми и родителями не обнаружено. Таким образом, родители воспринимают дом, созданный ими самими, как более дружественный по сравнению с детьми, несмотря на то, что условия жизни подростков в интернате не всегда были очень хорошими, а домашние условия в давно оставленной биологической семье – как правило, просто плохими. Это говорит о том, что дети, несмотря на почти десять лет пребывания в доме, так и не открыли для себя всего функционала жилища и не научились использовать его в своих целях.

Далее мы изучили связи между образом дома и привязанностью к дому и семье у детей и родителей. В анализ мы включили такую переменную, как разность средних показателей Функциональности и Релевантности, отражающую близость образов дома у детей и родителей (табл. 6.2). Нужно отметить, что Привязанность к дому и к семье не образовали значимых связей ни у детей, ни у родителей, что кажется удивительным и требует дальнейших исследований. Вероятно, пространственная среда все же обладает ограниченным и неисчерпывающим влиянием на то, что в ней происходит.

Таблица 6.2

Связь между образом дома, привязанностью к дому и к семье у детей и родителей

Шкала	ПД		ПС	
	Родители	Дети	Родители	Дети
ФДС	0,26	0,23	-0,13	-0,36*
П	0,19	0,04	-0,21	-0,25
Р	0,10	-0,07	0,06	0,03
С	0,06	-0,23	-0,32	0,04
З	0,26	-0,15	0,05	0,2
РДС	-0,25	-0,32	0,76***	0,82***
У	-0,30	-0,21	0,79***	0,79***
Ре	-0,22	-0,13	0,55**	0,77***
Са	0,19	-0,27	-0,02	0,78***

Э	-0,06	-0,03	0,45**	0,73***
О	0,27	0,17	-0,53**	-0,76***
Пл	-0,43**	-0,28	0,67***	0,66***
И	0,00	-0,46**	0,35	0,55**
РДС _{род} -РДС _{дет}	0,06	0,22	0,12	-0,73***
ФДС _{род} -ФДС _{дет}	0,48**	0,45**	-0,33	-0,1
<i>Примечание:</i> * – связь значима на уровне $p \leq 0,05$; ** – на уровне $p \leq 0,01$; *** – на уровне $p \leq 0,001$. См. легенду к табл. 6.1				

Оказалось, что у детей образ дома имеет больше значимых связей с зависимыми переменными, чем у взрослых. При этом так же, как и у родителей, это были в основном связи между РДС и Привязанностью к семье. Привязанность к дому образовала очень мало связей; как ни странно, Пластичность оказалась связана с ПД отрицательно: чем более изменчив дом в представлении родителей, чем сильнее его можно трансформировать, тем слабее привязанность к дому у взрослых людей. Будучи изначально положительным дескриптором домашней среды, Пластичность в его образе, возможно, означает неосознаваемое желание как-то его изменить, оттого что он недостаточно нравится и привязывает к себе.

Результаты по данным выборки детей вполне отвечают ранее полученным, показывающим, что ПД в подростковом возрасте в нормативной группе подростков невысока. Выразителен следующий обнаруженный факт: Историчность дома, отраженная в знаках тех событий, которые связывают с ним семью, отрицательно сопряжена с ПД у подростков: по-видимому, они воспринимают эти знаки как бестактное напоминание о том периоде, когда их в этом доме еще не было. Таким образом, для практической работы, направленной на обживание приемными детьми своего нового дома, важно, чтобы история дома до их появления была ненавязчивой и чтобы появлялись материальные признаки их присутствия в доме, общей истории дома и семьи уже в новом составе.

Между тем Историчность значимо положительно сопряжена с Привязанностью к семье: возможно, приемных детей стабилизирует и успокаивает тот факт, что семья существует долго, особенно в контексте их появления в ней. В то же время этот

факт воспроизводит неоднократно сделанное наблюдение, что воспитанники детского дома больше привязываются к людям, чем к месту. И, опять же, не в первый раз демонстрирует их слабую восприимчивость к дому как к физическому месту.

Интересно также, что и для родителей, и для детей значимым коррелятом ПД оказалась разность их показателей Функциональности дома, что противоречит выдвинутой гипотезе. По-видимому, родители и дети сильнее привязываются к дому, когда его воспринимаемый функционал видится ими по-разному. Возможно, детям важно чувствовать, что родители более компетентны в повседневной жизни и лучше умеют использовать свой дом, а родителям – что привычное использование дома не будет нарушено внедряющимися подростками, которые все же будут «помнить свое место». И напротив – привязанность взрослых к дому слабеет, когда детям доступны все те возможности дома, что и им самим. Однако эта интерпретация нуждается в дополнительном исследовании.

Что касается Привязанности к семье, то здесь получены более богатые, хотя иногда противоречивые данные. В продолжение того, что обсуждалось выше, у детей Функциональность дома отрицательно связана с Привязанностью к семье. Это еще раз говорит о том, что приемные дети пугаются возможностей дома и теряются от своей неспособности их использовать. Однако Релевантность дома оказалась связана с Привязанностью к семье вполне ожидаемым способом: все связи благоприятны (Отчужденность связана отрицательно, остальные шкалы положительно), и к тому же у детей этих связей больше, и они сильнее, чем у родителей. Кроме того, мы обнаружили, что чем более похожи показатели Релевантности у детей и родителей, тем выше Привязанность детей к дому.

Полученные данные чрезвычайно любопытны. В самом деле, если речь идет о доме как физическом месте, факты скудны. Если же мы рассматриваем дом с точки зрения потребностей живущих там людей и связываем их с Привязанностью к семье, т.е. «включаем» социальные, межличностные переменные, картина становится очень нюансированной. Чем лучше дети улавливают потребности родителей, удовлетворяемые домом (а именно таков психологический смысл совпадения их показателей Релевантности домашней среды), тем сильнее они привязываются

к своей семье. У детей и родителей возникает общее психологическое пространство, основанное на похожих потребностях и близком опыте. Этот побочный результат исследования очень важен: для экспертизы задач, связанных с совместимостью живущих вместе людей, важнее использовать опросник Релевантности. Данные хорошо согласуются с теми фактами, что описаны нами в главе 3 – действительно, в циркулярном взаимодействии дома и семьи приоритет принадлежит людям; для дома в первую очередь важно то, что это обитаемое место.

И наконец, мы осуществили регрессионный анализ для проверки выдвигаемых нами гипотез применительно к целевой группе – приемным детям. Парный регрессионный анализ показал, что предикторов ПД обнаружено было всего два: во-первых, это разница показателей Функциональности дома у детей и родителей ($\beta = 0,39$ при $p = 0,03$) и Историчность, которая вносит отрицательный вклад в Привязанность детей к дому ($\beta = -0,47$ при $p = 0,009$). Что же касается Привязанности к семье, то здесь обнаружено, что дом как пространство действительно вносит большой вклад; в частности, обнаружены такие сильные предикторы, как Управляемость дома ($\beta = 0,91$ при $p = 0,000$), Ресурсность ($\beta = 0,92$ при $p = 0,000$), Самопрезентация ($\beta = 0,84$ при $p = 0,000$), Пластичность ($\beta = 0,73$ при $p = 0,000$), Историчность ($\beta = 0,59$ при $p = 0,000$).

Кроме того, обнаружены вполне ожидаемые антипредикторы: Отчужденность ($\beta = -0,88$ при $p = 0,000$) и разница показателей Релевантности дома у детей и родителей ($\beta = -0,83$ при $p = 0,000$), еще раз подтверждающая необходимость генерации общих потребностей для усиления совместимости живущих вместе людей. Эти данные показывают, какие качества дома необходимо укреплять, чтобы усиливать привязанность приемных детей к дому и к семье. Таким образом, несмотря на противоречивость и даже неожиданность некоторых полученных данных, мы можем заключить, что дом – это полноценный «субъект» семейной жизни, задающий качество взаимоотношений между членами семьи, в том числе и недавно в ней появившихся, их установки на ценность семьи в целом, верность своей семье как целостности.

Итак, проведенное поисковое исследование позволило лишь частично подтвердить выдвинутые эмпирические гипотезы.

Действительно, общность образа дома у детей и родителей (хотя и не по всем показателям) важна для развития привязанности к дому и к семье у приемных детей подросткового возраста; дружелюбность домашней среды также вносит вклад в этот непростой процесс. В то же время результаты исследования позволили сделать вывод о том, что не сами по себе физические качества дома играют роль в привыкании и привязанности к нему, а понимание подростками своих собственных потребностей и потребностей родителей, которые дом может удовлетворить. Таким образом, дом выступает в качестве фасилитатора личностной децентрации, совместной деятельности, социальной сензитивности, стимулирующего привыкание детей и родителей друг к другу и выработку общих повседневных привычек, что, собственно, и отличает группу случайно встретившихся людей от семьи. Эти данные еще раз демонстрируют проявление поддерживающей и стабилизирующей функций дома.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе подготовки и отбора приемных родителей и включены в психоразвивающие занятия детей-сирот, которые, без сомнения, должны включать моделирование практик персонализации и обживания домашнего пространства, служащие профилактике бытовых стрессов. Например, было бы полезно моделировать ситуации конфликта потребностей и средовые способы их разрешения («Представь, что к тебе пришли гости, а родители хотят спать. Что можно сделать, чтобы не мешать им?» и пр.). В то же время необходимо отметить некоторые ограничения проведенного исследования. В силу небольшой выборки оно имело скорее поисковый характер. Поэтому перспективы продолжения исследования – расширение количества участников и одновременно типов изучаемых семей.

Выводы

В заключительной главе мы постарались разобраться, какую роль играет дом в жизни людей, находящихся в сложных жизненных ситуациях. В основном мы опирались на обзоры зарубежных исследований разных лет, которые показывают логи-

ку и тенденции развертывания во времени научного интереса к ресурсным функциям дома.

Нами было показано, что дом – наиболее предпочитаемое и индивидуально значимое место для человека с ослабленным здоровьем, стареющего или умирающего. При условии грамотной и регулярной медико-социальной поддержки человека на дому, привычное и родное пространство дома оказывается и местом более эффективного лечения и реабилитации по сравнению с институциональной средой. Дом как пластичное и трансформируемое пространство позволяет немощному или старому человеку находиться в комфорте и уюте, адаптироваться к изменениям в своем организме и чувствовать такое важное «я еще могу», а иногда и отвлечься от боли и страха, будучи включенным в жизнь домочадцев. Дом как наиболее приватная жизненная среда дает возможность впускать в свой круг общения только самых важных и любимых или же, наоборот, скрываться от утомительных или неприятных контактов, и просто быть спокойным от нахождения на своей знакомой территории. Дом как символ и метафора – чувствовать себя значимым, цельным, принимающим и преодолевающим.

Развиваемые в ведущих странах технологии и социальные практики адаптации домашней среды под нужды болеющего помогают справляться с рисками, ассоциированными со средовым давлением: физическими – болью, травмами, сенсорным дискомфортом и психологическими – одиночеством, пассивностью, вынужденной беспомощностью. Разумеется, в этой области есть много невыясненных, деликатных, болезненных вопросов. Тем не менее мы обратили внимание, что недавние исследования вновь вернулись в русло идиографической парадигмы, и каждая реплика, нарратив или история человека в них уникальны и важны. Эта тенденция – анализировать единичные случаи и вникать в суть того, что чувствует и в чем нуждается болеющий или умирающий человек и его семья, не оперируя сухими цифрами и статистикой, – нам кажется нужной и правильной.

Говоря о ресурсности дома, важно принимать во внимание и оборотную сторону отношений человека с ним – отчуждение от него, которое подкрепляется мотивами разной глубины и направленности: объективными причинами и субъективным

чувством «несоответствия» жилой среде, обитателям или ее культурному коду; мотивами избегания или мотивами «вырваться наружу, чтобы достичь». И если вынужденная разлука с домом или отторжение дома вследствие травматичных событий скорее делают человека уязвимым, то осознанное (для чего я это делаю?) и ответственно принятое решение о расставании с домом может быть новым этапом развития. Дом – это прежде всего сила, и если дом нехорош, это очень разрушительно для человека.

Наконец, мы подготовили небольшой экскурс о том, каким образом дом становится триггером в отношениях супругов, какие поддерживающие функции он может выполнять в период развода и как трансформируется образ бывшего «семейного дома» в постразводный период. А также привели результаты собственного исследования образа дома у приемных детей и его роли в процессе их привыкания к новому образу жизни. Было показано, что обживание семейного и благополучного дома усыновленным ребенком не происходит легко и что ведущую роль в этом процессе играет степень совместимости потребностей ребенка и его новых родителей, а также их совместные усилия по созданию общих повседневных домашних практик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы завершили очередной цикл исследований домашней среды. Трудно было представить два года назад, что этот проект состоится, несмотря на моральную поддержку коллег и высокий интерес читателей. Тем не менее мы вновь, с еще большим удовольствием, изучали домашнюю среду – дом как объект и субъект общения с теми, кто его придумывает, строит, обживает, исследует. Итогом этих исследований стала многомерная синергетическая модель взаимодействия человека с его домашней средой, которую кратко мы обозначали как «человек ↔ дом». Мы показали, что дом как ресурс выполняет широкий спектр функций в человеческой жизни, при этом адаптируясь ко множеству контекстуальных переменных – полу, возрасту, текущим личностным задачам обитателей и уровню стресса в их жизни. Однако, для того чтобы человек оказался восприимчивым к этому ресурсу, он должен осуществить встречное движение, проецируя себя в окружающую среду. Вероятно, это и есть основное содержание жизнотворчества – создавая новое, не только тратит энергию, но и приобретает для решения новых жизненных задач.

Наши эмпирические данные говорят о том, что дом действительно «присоединяется» к типичным для человека стра-

тегиям совладающего поведения, усиливая их; что дом как пространство и дом как семья тесно связаны между собой; что дом способен облагораживать обитателей, укрепляя в них чувство справедливости, моральные мотивы и переживание благодарности; что дом предстает в жизненном мире обитателей диалектически, подразумевая также «не-дом», а мотивы покидания дома и возвращения к нему различаются; наконец, что дом может быть важным ресурсом не только в нормативных, но также и в сложных жизненных ситуациях. Возникает вопрос: а есть ли что-то, к чему дом непричастен? К настоящему моменту мы таких жизненных сфер не обнаружили. Поэтому центральная идея нашей книги – это универсальность дома как ресурса, неуничтожимого и не отменяемого, даже если самого дома уже нет. Дом – это особая рукотворная «умная» среда, которая аккумулирует поведенческие остатки, следы личности обитателей, таким образом настраиваясь на запросы обитателей и умея их адекватно удовлетворить.

В ходе подготовки этой монографии мы постоянно касались смежных областей и, таким образом, благодаря дому узнали о человеке много нового и подготовили несколько новых исследовательских инструментов.

В то же время не хотелось бы подводить окончательные итоги. Ни одно исследование не является безупречным, и наше – не исключение. Сосредоточившись на студенческой группе в силу профессии, мы недостаточно внимания уделили другим возрастным и социальным группам. Изучая семью как целостность, мы почти не различали позиции отдельных членов семьи в зависимости от возраста или роли. Используя некоторые (зарубежные) модели морального развития, мы не всегда обращались к альтернативным. Наконец, некоторые части исследования остались теоретическими и пока не нашли эмпирического подтверждения.

Поэтому некоторые полученные нами результаты должны быть перепроверены и уточнены с учетом нелинейности связей дома и личности обитателей, и наиболее конструктивным видится типологическое исследование, которое включало бы в анализ начальные условия (уровень уязвимости личности), индивидуальные качества и, главное, возрастные задачи развития человека. И хотя идея реализации подобного дизайна

представляется утопичной, понимание взаимодействия человека и его жизненных сред как диалога видится особенно перспективным, если ожидания субъекта рассматривать как его вопрос, а воспринимаемые среды – как ответ, в свою очередь, стимулирующий постановку новых вопросов.

ГЛОССАРИЙ

Бегство–избегание – стратегия совладающего поведения, характеризующаяся мысленным стремлением и поведенческими усилиями, направленными к бегству или избеганию проблемы, ее сознательной блокировке (Lazarus, Folkman, 1988).

Безопасная среда – условия жизни, позволяющие человеку вести взвешенный, адаптированный образ жизни, но не дающие ресурсов и стимуляции к развитию.

Бродяжничество – образ жизни, который возникает в результате добровольного или вынужденного разрыва социальных связей и нередко сопровождается социально-психологическими деформациями личности.

Вера в справедливый мир (ВСМ) – общая мировоззренческая установка (часто называемая заблуждением или иллюзией), в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен упорядоченно, и каждый человек, в конечном итоге, получает то, что заслуживает: и награды, и наказания (Lerner, 1980). Позже стали различать веру в общую справедливость мира (ВСМ_{общ}) и веру в справедливость мира по отношению к субъекту ВСМ_{личн}) (Dalbert, 1999).

Возможности (допущения, affordances) – субъективно значимые качества среды, которые воспринимаются как желательные, нежелательные или нейтральные в соответствии с индивидуальной организацией человека. Допущения всегда уникальны для каждого человека и могут быть: потенциальными и актуализированными в среде; последние также содержат в себе все воспринимаемые возможности, уже используемые и только планируемые для использования. Возможности среды регулируются социокультурным контекстом, определяющим, как и когда их можно реализовывать и создающим поле запрещенной (подавляемой) деятельности (Gibson, 1986). Термин создан искусственно для акцентирования неотделимости качества среды и его оценки находящимся в этой среде существом.

Динамический образ дома – аспект дома, подчеркивающий возможности дома как преобразуемого пространства, потенциально влияющего на психологическое состояние обитателя. Он включает представления о возможностях самоизменения

через преобразование домашнего пространства – регуляции эмоционального и когнитивного состояния, изменения контакта с семейной и персональной историей, расширения репертуара привычных видов деятельности, приобретения навыков и реализации возможностей. Динамический образ – это реальный пластичный ресурс самоподдержки человека, который, впрочем, может осознаваться и использоваться в различной мере. Этот образ дома может использоваться человеком как в ситуациях личностных изменений, давая возможность преобразования домашней территории и смены старого на новое, так и в ситуациях необходимости поддержания стабильности в условиях внешних кризисов, позволяя воспринимать дом как пространство, олицетворяющее спокойствие и безопасность (Бочавер, 2015).

Дистальные («вынесенные») функции дома – задачи, связанные с долговременным влиянием домашней среды на индивидуальность и состояние обитателей, в том числе в периоды разлуки с домом. «Вынесенные» функции дома обычно опираются на архетипический образ дома.

Дистанцирование – стратегия совладающего поведения, предполагающая когнитивные усилия по отделению от трудной ситуации и уменьшению ее значимости (Lazarus, Folkman, 1988).

Дом (домашняя среда) – ключевой ресурсный средовой объект повседневной жизни человека, интегрирующий функциональные (дом как место жизнедеятельности, жилище) и личностно-эмоциональные (дом как объект идентификации и метафора личности) смыслы. Будучи рукотворной средой, выражает личность своих обитателей в процессе планирования, приобретения / построения и обживания.

Дружественная среда – условия жизни, включающие возможности для благоприятного развития и самоактуализации обитателей.

Дружественность среды – сложное многомерное и многоуровневое качество таких сред или условий, которые обеспечивают поддержку индивиду или группе в реализации их целей и проектов, способствуют субъективному благополучию и личностному росту. Первоначально термин начал использоваться в науках об информации для обозначения эргономичного ин-

терфейса (user-friendly interface). Как интегральный показатель домашней среды включает в себя функциональность, релевантность домашней среды и привязанность к дому.

Зависимость от места (place dependence, функциональная привязанность) – стремление выполнять различные виды деятельности и находиться в том месте, возможности и функции которого наиболее соответствуют потребностям и целям человека (Stokols, Shumaker, 1981).

Защищенность – аспект функциональности домашней среды, обеспечивающий безопасное и успешное взаимодействие с внешней социальной средой (например, регуляция границ, экспозиция статуса).

Идентификация с местом (place identity, смысловая привязанность) – сложный конгломерат раздумий, чувств и ассоциаций в отношении среды и ее соответствия личностным смыслам и жизненным целям человека, отражающий меру соответствия образа места взглядам, ожиданиям и образу мысли и жизни человека (Proshansky, Fabian, 1987; Cuba, Hummon, 1993).

Историчность – аспект релевантности домашней среды, отражающий наличие семейной истории, связанной с домом.

Конфронтационный копинг – стратегия совладающего поведения, состоящая в проявлении агрессивных усилий по изменению ситуации, предполагающих определенную степень враждебности и готовности к риску (Lazarus, Folkman, 1988).

Копинг-ресурс – совокупность личностных, средовых, когнитивных, социальных, материальных, культурных, ценностных средств и возможностей, которые человек осознанно может использовать для преодоления возникших трудностей.

Копинг-стратегия – способы поведения человека в трудной ситуации, возникшие в ответ на воспринимаемую угрозу.

Модель моральных мотивов (MMM, Moral Motives Model scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013) – концепция описания моральных мотивов как характеризующихся направленностью на объект (на себя, группу, человечество) и содержанием (запрещающие, проскриптивные и предписывающие, прескриптивные). Шесть мотивов имеют следующее содержание: самоограничение (Self-Restraint), Усердие (Self-Reliance, Industriousness, Непричинение вреда (Not-Harming), Помощь / честность (Helping / Fairness), Социальный порядок / общественная солидарность

(Social Order), Социальная справедливость / социальная ответственность (Social Justice).

Мораль заботы (Care moral) – концепция морального развития К. Гиллиган (1991), основанная на контекстуальной чувствительности к потребностям других людей. Чаще присуща женщинам; обычно противопоставляется морали справедливости.

Мораль справедливости (Justice moral) Л. Кольберга (1973) – концепция морального сознания, основанная на уважении к правилам. Чаще отмечается у мужчин; нередко противопоставляется морали заботы.

Моральная география – междисциплинарная область науки, изучающая связь между отношением к среде обитания и моральными установками (Clayton, Opatow, 2003; Smith, 2000).

Образ воображаемого (желаемого, идеального) дома – прагматическая проекция образа жизни на физические показатели: доступность или наличие необходимых ресурсов с учетом предпочтений и представлений о комфорте. Описание наиболее комфортной среды для реализации определенного образа жизни акцентирует те стабильные потребности человека, которые недостаточно удовлетворены или не насыщаемы, но осознаются как наиболее значимые, задающие рамки остальных функций и характеристик дома. Образ воображаемого дома может использоваться для самоподдержки в условиях каждодневной фрустрации базовых потребностей; кроме того, он позволяет человеку отчетливее представлять нюансы и специфику собственного образа жизни (Бочавер, 2015).

Образ идеального дома – желаемые качества домашней среды, конфигурация которых позволяет оценить потребности индивида с точки зрения их удовлетворенности / неудовлетворенности или насыщаемости / ненасыщаемости. Частично пересекается с образом воображаемого дома.

Образ реального дома – качества актуальной домашней среды, конфигурация которых позволяет сделать вывод о дружелюбности или недружелюбности дома его обитателю. Чем больше качеств реальной домашней среды представлено и отвечает потребностям человека, тем дружелюбней его дом. Образ реального дома может представлять собой сильный ресурс поддержки позитивного функционирования человека.

Отчуждение от дома – переживание чуждости, отторжения и оторванности от домашней среды, сопровождающееся поведенческой установкой избегать или минимизировать свое нахождение дома, замещать образ дома другими пространствами жизнедеятельности, удаляться от выполнения домашней деятельности, либо вести себя не экологично по отношению к дому, его содержанию или обитателям (рушить, мусорить, не уважать домочадцев и т.п.).

Отчужденность – аспект релевантности домашней среды, отражающий неприятие домашней среды и неудовлетворенность мерой ее функциональности; вносит отрицательный вклад в показатель общей релевантности.

Планирование решения проблемы – стратегия совладающего поведения, состоящая в произвольных систематичных проблемно-фокусированных усилиях по изменению ситуации, включающие аналитический подход к проблеме и выработку различных вариантов решения проблемы исходя из возможностей человека (Lazarus, Folkman, 1988).

Пластичность – аспект релевантности домашней среды, отражающий ее гибкость, динамичность и трансформируемость.

Повседневный образ дома – аспект образа дома, акцентирующий роль рутинных домашних практик в поддержании близких отношений. Порождает переживание «уюта» или его отсутствия. Неосознаваемая связь между качеством отношений и субъективно переживаемым благополучием на территории дома («уютом») может приводить к конфликтам из-за личной территории, побегам из дома, частым переездам, тяге к перемене мест, в то время как осознание таких связей открывает перспективу для системных изменений в семье обитателей и повышению качества жизни. Дом как источник ощущений эмоционального тепла и безопасности может служить защитой от других, негативных средовых влияний (Бочавер, 2015).

Поиск социальной поддержки – стратегия совладающего поведения, выражающаяся в усилиях по поиску информационной, действенной и эмоциональной поддержки, склонности обращаться к другим людям, обсуждению своих проблем с ними (Lazarus, Folkman, 1988).

Положительная переоценка – стратегия совладающего поведения, выражающаяся в усилиях по созданию положительной

значимости преодоления возникшей трудной ситуации, с фокусированием на росте собственной личности. Она также включает в себя религиозное измерение (Lazarus, Folkman, 1988).

Прагматичность – аспект функциональности домашней среды, отвечающий за базовые функции дома, которые облегчают повседневную деятельность человека и связаны с укладом жизни и быта в домашней среде.

Приватность – аспект релевантности домашней среды (в структуре опросника РДС-к), проявляющийся в возможности обитателей контролировать социальные контакты, информационный поток и свою доступность другим людям в самом широком смысле.

Привязанность к дому – положительная эмоциональная связь человека с домом, проявляющаяся в предпочтении дома другим местам и в стремлении человека осуществлять там различные виды деятельности, находиться вблизи него, возвращаться в него, которая подкрепляется эмоционально-смысловым и функционально-содержательным мотивационными компонентами (Резниченко, 2016[б]). Измеряется одноименным опросником.

Привязанность к месту (place attachment) – положительная эмоциональная связь между человеком и определенным местом, возникающая в ходе взаимодействия человека с этим местом и проявляющаяся в стремлении поддерживать и сохранять близость с предпочитаемым местом (Williams, Patterson, Roggenbuck, Watson, 1992; Rubinstein, Parmelee, 1992)

Принятие ответственности – стратегия совладающего поведения, предполагающая признание своей роли в проблеме с сопутствующей темой попыток ее решения (Lazarus, Folkman, 1988).

Проксимальные («встроенные») функции дома – задачи, связанные с кратковременным влиянием домашней среды или влиянием в период пребывания дома; обычно решаются посредством рутинных домашних практик и опираются на повседневный и динамический образы дома.

Психотерапевтическая среда – условия жизни (часто созданные искусственно), способные обладать компенсаторным, целительным и стимулирующим влиянием на развитие всей системы потребностей и смыслов человека.

Развитие – аспект функциональности домашней среды, отвечающий за развитие человека и снабжение сенсорной, когнитивной и социальной информацией).

Релевантность домашней среды – мера соответствия (конгруэнтности) функций домашней среды потребностям обитателей; один из показателей дружелюбности домашней среды. Измеряется опросником Релевантность домашней среды. Имеет семь аспектов.

Ресурсность – аспект релевантности домашней среды, средовые ресурсы, обеспечивающие информационную, социальную, физическую поддержку и ощущение стабильности.

Самоконтроль – стратегия совладающего поведения, характеризующаяся усилиями по регулированию своих чувств и действий (Lazarus, Folkman, 1988).

Самопрезентация – аспект релевантности домашней среды, предоставляющий возможность экспозиции личностных качеств, достижений, интересов и идей обитателей через их домашнюю среду.

Справедливость – это распределение прав и обязанностей, регулируемое понятиями равенства и взаимности. В нашем исследовании это система имплицитных или эксплицитных правил относительно того, как и между кем распределяются различные ресурсы: социальные, финансовые, природные, эмоциональные и пр.

Средовое давление – это совокупность физических (визуальные стимулы, звуки, свет, дизайн, мебель и т.п.) и социальных (поведение и ожидания других людей) характеристик жизненной среды, «требующих» от человека определенных ресурсов, или компетенций, – способностей, энергетических затрат и поведенческих моделей (Lawton, Nahemow, 1973).

Средовой смысл (значение, цена, environmental meaning) – неочевидные коннотации средовых явлений, культурное значение в переносном смысле или социальное взаимодействие, которое стоит за физическими качествами среды (например, неотремонтированный туалет в школе говорит о безответственности, равнодушии и неуважении администрации школы к учителям и ученикам) (Heft, 2001).

Стабильность – аспект функциональности домашней среды, обеспечивающий стабильность, чувство комфорта, узнаваемость и предсказуемость домашних изменений.

Старение дома (aging in place) – тенденция последних лет у представителей пожилого населения оставаться жить в собственном доме или в том месте, где они жили в течение многих лет и к которому привыкли, а не в учреждениях интернатного типа или в предлагаемых государством местах для поселения пожилого поколения. Также активно практикуемая и рекомендуемая в области политики старения модель адаптации и ухода за людьми преклонного возраста.

Теория «расширения-и-построения» (Broaden-and-Build Theory) – постулирование факта, что позитивные эмоции расширяют интерес человека к миру и стимулируют к поиску новизны, таким образом расширяя репертуар поведенческих навыков и техник (Fredrickson, 2004). С течением времени обновленный поведенческий репертуар создает новые ресурсы и возможности.

Теория моральных оснований (Moral Foundations Theory) – предложенная Дж. Хайдтом и Дж. Грэм социально-психологическая теория, объясняющая вариативность моральных суждений посредством базовых врожденных ценностей. К настоящему моменту выделено пять таких оснований: забота / вред (care / harm), справедливость / обман (fairness / cheating), верность / предательство (loyalty / betrayal), авторитет / ниспровержение (authority / subversion) и сакрализация / обезценивание (sanctity / degradation) (Graham et al., 2012).

Угрожающая среда – наименее дружественная из жизненных сред, препятствующая удовлетворению базовых человеческих потребностей и мобилизующая защитную активность обитателей.

Универсальный (архетипический) образ дома – аспект образа дома, характеризующий два смыслообразующих аспекта жилища: поддержание безопасности и обеспечение пространства для жизни семьи. Универсальный образ обобщен и над-опытен, присутствует у всех людей независимо от биографии, восходя к общему «чувству гнезда». Он может быть универсальным психотерапевтическим ресурсом, особенно эффективным в ситуациях оторванности от дома или отсутствия дома вообще (Бочавер, 2015).

Умирание в своем доме (death in home) – в западных странах рекомендуемый медицинскими и социальными служба-

ми процесс ухода и сопровождения больных, находящихся на терминальных стадиях заболеваний, при котором ежедневный медицинский уход, равно как и психологическое сопровождение пациента и его семьи, в полном объеме оказываются специалистами на дому.

Функции дома – действия, «работа», которые дом выполняет в жизни обитателей в соответствии с целями, для которых он был построен или приобретен.

Функциональность домашней среды – эффективность в решении задач, для которых дом предназначен; один из показателей дружелюбности домашней среды. Измеряется при помощи опросника Функциональность домашней среды. Имеет четыре аспекта.

Чувствительность к справедливости (ЧС, gerechtigkeitssensibilität, justice sensitivity) – это черта личности (диспозиция), отражающая устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и в силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость (Schmitt et al., 2005). Включает четыре компонента: а) частоту переживаемой несправедливости, б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, д) мотивацию к восстановлению справедливости. В зависимости от позиции субъекта в ситуации несправедливости имеет четыре аспекта (ракурса): чувствительность жертвы (ЧС_{жертв}), свидетеля (ЧС_{свид}), бенефициара (ЧС_{бенеф}) и нарушителя (ЧС_{наруш}).

Чувство места (sense of place) – эмоциональная связь между физической средой и человеческим бытием (Tuan, 1974), которая является отражением степени удовлетворенности человека географическими, пространственными и смысловыми качествами особенного для человека места, а также отражением позитивных эмоциональных переживаний, связанных с этим местом.

Эргономичность – аспект релевантности домашней среды, отражающий комфортность и удобство домашней обстановки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамян А.А., Нартова-Бочавер С.К., Шмитт М. Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация на российской выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 120–132.
- Алдашева А.А., Зеленова М.Е. К проблеме построения профессиограммы специалиста «замещающий родитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 99–114. Doi: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114.
- Анциферова Л.И. Психология повседневности; жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
- Анциферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–290.
- Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 1. Вып. 3. URL: <http://psystudy.ru/pum/2009n1-3/54-belinskaya3> (дата обращения: 16.07.2018).
- Билан Е.М. Домашняя среда и гуманное отношение к людям. Вып. квалификационная работа. М., 2018. 60 с.
- Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
- Борн Н. Избранные научные труды / Под ред. И.Е. Тамма. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1970–1971. 676 с.
- Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
- Бочавер А.А., Резниченко С.И. Внедомашнее пространство как источник удовлетворения базовых и высших потребностей // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. В печати.
- Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-центр, 2012. 316 с.
- Быстрова Я.В. Символика строения дома: социокультурный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 17. Вып. 4. С. 102–111.
- Быховец Ю.В., Ветрова И.И., Головей Л.А. и др. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Институт психологии, 2016. 496 с.
- Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 329 с.

- Гиллиган К.* Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 352–371.
- Гоголь Н.В.* Мертвые души. М.: Речь, 2018. 416 с.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
- Даррел Л.* Горькие лимоны. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2007. 394 с.
- Дмитриева Н.С.* Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 30 с.
- Дмитриева Н.С.* Модель жизненного пространства у подростков: предпосылки и направления исследования // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. Т. 28. № 3. С. 90–99.
- Дюркгейм Э.* Определение моральных фактов // Теоретическая социология. Антология: в 2-х ч. / Под ред. С.П. Баньковской. Ч. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 11–31.
- Зиммель Г.* Философия денег (фрагмент) // Теория общества. М.: КАНОН-Пресс-Ц. 1999. С. 309–383.
- Исаева А.Н.* Формы отношения личности к жизненным оппозициям: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 30 с.
- Исаханова А.А.* Нравственные ценности и психологическое благополучие людей, ведущих бродячий образ жизни // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 5. С. 21–35.
- Краснова О.В., Лидерс А.Г.* Социальная психология старения. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.
- Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.
- Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В.* Опросник способов совладания (адаптация методики WSCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 320 с.
- Куницына В.Н., Юмкина Е.А.* Семейный уклад в социально-психологическом аспекте // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 367.
- Куфтяк Е.В.* Защитное поведение возвращенных детей-сирот [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 3. С. 209–212. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschitnoe-povedenie-vozvrashchennyh-detey-sirot> (дата обращения: 22.03.2017).
- Лавренова О.А., Митин И.И.* Топофилия (материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах / Под ред. Д.Н. Замятина. М.: изд-во Института Наследия. 2007. Вып. 4. С. 339–342.

- Левин С.* Кто умирает? М.: София, 1996. 352 с.
- Леонтьев Д.А.* Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 5–14.
- Леонтьев Д.А.* Позитивная психология – повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 36–58.
- Лийк К.* Использование домашнего пространства, взаимоотношения в семье и удовлетворенность // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. Таллин: Эстонское отделение Общества психологов СССР, 1985. С. 277–280.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
- Мерлин В.С.* Очерк интегральной индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
- Митин И.И.* Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. № 2. С. 12–25.
- Михайлова Н.Ф.* Систематическое исследование индивидуального и семейного стресса и копинга у членов семей здоровых лиц: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 24 с.
- Московиченко Е.Н.* Домашняя среда как источник превенции неблагоприятных качеств личности (на примере темной триады) // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сборник статей научно-практической конференции (4–5 декабря 2017. М.: Изд. «Перо», 2017. С. 381–383.
- Муздыбаев К.* Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 37–47.
- Нартова-Бочавер С.К.* Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 482–497.
- Нартова-Бочавер С.К.* Народная сказка как средство стихийной психотерапии // Сказки народов мира. Хрестоматия. Учебное пособие для учителей, воспитателей и родителей. М.: Институт практической психологии и психоанализа, 1996. С. 3–15.
- Нартова-Бочавер С.К.* Принцип дополнителности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Под ред. М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, Н.Е. Харламенковой. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 192–213.
- Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности: Монография. М.: Прометей, 2005. 312 с.

- Нартова-Бочавер С.К.* Экспериментальное исследование ситуационной изменчивости мотивации помощи // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 15–23.
- Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 13–26.
- Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 220 с.
- Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.
- Нартова-Бочавер С.К., Кислица Г.К.* Переживание благодарности как личностный ресурс: к постановке проблемы // Психологический журнал. Т. 38. № 5. 2017. С. 27–36.
- Нартова-Бочавер С.К., Несмеянова М.И., Малярова Н.В., Мухортова Е.А.* Ребёнок в карусели развода. М.: Снарк+, 1998. 222 с.
- Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б.* Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 6. С. 9–22. Doi: <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2015060402>.
- Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Ковалева А.И.* Роль образа дома в адаптации подростков к замещающей семье // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 75–89.
- Наумова О.Б.* Частное пространство в системе ценностей традиционного общества // Этнографическое обозрение. 2014. Вып. 4. С. 77–93.
- Национальный корпус русского языка. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> 2003–2018_(дата обращения: 16.07.2018).
- Нельсон Н.С., Калаба Д.Л.* Сила благодарности: Ключ к полноценной жизни. М.: София, 2005. 304 с.
- Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. 3-е изд. М.: Тривола, 1998. 352 с.
- Овсянникова В.В.* Базовая языковая метафора «Природа – это дом» в естественно-научных текстах (на примере текстов по общей геологии) // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 318. С. 41–43.
- Олейник А.Н.* Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Методы социологических исследований. 2009. № 2. С. 65–79.
- Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с.

- Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
- Петрова Е.А.* Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008. 24 с.
- Потураева Е.А.* Метафорические обозначения концепта «дом» в русской языковой картине мира // Язык и культура. 2010. № 1. С. 58–73.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2007. 416 с.
- Резниченко С.И.* Валеологический потенциал привязанности к дому у взрослых людей // Клиническая и специальная психология. 2016[a]. № 3. С. 1–23.
- Резниченко С.И.* Варианты старения в зависимости от способа жизнеустройства: опыт зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017[a]. Т. 6. № 3. С. 1–22. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2017/n3/Reznichenko.shtml> (дата обращения: 16.07.2018). doi: 10.17759/psyclin.2017060301
- Резниченко С.И.* Возрастная динамика и содержание привязанности к дому // Вопросы психологии. 2017[b]. № 6. С. 67–78.
- Резниченко С.И.* Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 15–27.
- Резниченко С.И.* Психотерапевтическая жизненная среда для людей пожилого возраста: психологические основы проектирования [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017[b]. Т. 6. № 4. С. 1–18. (дата обращения: 16.07.2018).
- Резниченко С.И.* Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды. Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2016[b]. 29 с.
- Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б.* Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3. С. 498–518.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир / *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
- Рябкина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябкиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 45–57.
- Селигман М.Э.П.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
- Силаева К.А.* Отношение к своему дому как к жизненной среде обитания человека в контексте социально-психологического консультирования семьи. Магистерская диссертация. На правах рукописи. М.: МГППУ, 2018. 60 с.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: уч. пос. для вузов, 2-е изд. М.: Школьная пресса, 1995. 421 с.

- Смолова Л.В. Психология взаимодействия с окружающей средой. М.: Флинта, 2015. 711 с.
- Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2009. № 2. С. 198–205.
- Филиппова Е.В. Дом как фрагмент фольклорной картины мира (на материале английских и русских народных баллад): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 191 с.
- Хазова С.А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 59–69.
- Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология. 2000. Вып. 2. С. 11–26.
- Харламенкова Н.Е. Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 235–254.
- Харламенкова Н.Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
- Харламенкова Н.Е. Проблема опосредствования в истории и теории психологии // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 41–51.
- Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. Таллинн: ЭООП, 1988. С. 5–15.
- Честертон Г.К. Тайна отца Брауна / Рассказы. М.: Правда, 1981. С. 287–294.
- Шутиценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 256 с.
- Элард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2017. 288 с.
- Эриксон М. Стратегия психотерапии. СПб.: Ювента, 2000. 512 с.
- Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994. 406 с.
- Юнг К.Г. Семинары по детским сновидениям. В 2-х т. Т. 1. М.: Касталия, 2015. 270 с.
- Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Психология совладающего поведения: развитие, достижение, проблемы, перспективы // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 21–54.
- Adler M.G., Fagle N.S. Appreciation: Individual differences in finding value and meaning as a unique predictor of subjective well-being // Journal of Personality. 2005. № 73. P. 79–114.
- Aeby G., Widmer E.D., De Carlo I. Bonding and bridging social capital in step- and first-time families and the issue of family boundaries // Interpersona. 2014. № 8. P. 51–69.

- Altman I.* The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding and territory. Monterey, CA: Brooks Cole. 237 p.
- Amirkhan J.H.* Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses // *European Journal of Personality*. 1999. Vol. 4. P. 13–30.
- Anthony K.H.* Bitter homes and gardens: the meanings of home to families of divorce // *Journal of Architectural and Planning Research*. 1997. Vol. 14. № 1. P. 1–19.
- Anton C., Lawrence E.* Home is where the heart is: The effect of place of residence on place attachment and community participation // *Journal of Environmental Psychology*. 2014. Vol. 40. P. 451–461.
- Aplin T., Thornton H., Gustafsson L.* The unique experience of home for parents and carers of children with disabilities // *Scandinavian Journal of Occupational Therapy*. 2017. Vol. 24. № 4. P. 260–266.
- Aripin S.* ‘Healing architecture’: Daylight in hospital design [Электронный ресурс]. Paper presented on conference on Sustainable Building South East Asia (5–7 November 2007, Malaysia). URL: http://www.academia.edu/696902/_healing_architecture_daylight_in_hospital_design (дата обращения: 16.12.2017).
- Aycock K.J.* Coping resources, coping styles, mastery, social support, and depression in male and female college students. Dissertation, Georgia State University, 2011. 88 p.
- Balzer A.* Examining the covariance of political and religious beliefs within 681 individuals and across generations. PHD thesis. University of Nebraska, 2012. 114 p.
- Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C.* Self-efficacy beliefs as shapers of children’s aspirations and career trajectories // *Child Development*. 2001. Vol. 72. P. 187–206.
- Bell P., Greene T.C., Fisher J.D., Baum A.* Environmental psychology. FL, Harcourt College Publishers, 2001. 472 p.
- Bentler P.M., Bonnet, D.C.* Significance tests and goodness of fit in the analysis of covariance structures // *Psychological Bulletin*. 1980. Vol. 88. № 3. P. 588–606.
- Blaauboer M.* Family background, individual resources and the homeownership of couples and singles // *Housing Studies*. 2010. Vol. 25. № 4. P. 441–461.
- Blunt A.* Cultural geography: cultural geographies of home // *Progress in Human Geography*. 2005. Vol. 29. № 4. P. 505–515.
- Bonnes M., Bonaiuto M.* Environmental psychology: From spatial-physical environment to sustainable development / R.B. Bechtel, A. Churchman (Eds.). Handbook of environmental psychology. NY, Wiley, 2002. P. 28–55.
- Boszormenyi-Nagy I., Spark G.* Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown, Harper Row, 1973. 409 p.
- Bowden G., Bliss J.* Does using a hospital bed have an impact on the meaning of home? // *British Journal of Community Nursing*. 2008. Vol. 556. № 13. P. 558–562.

- Brah A.* Cartographies of diaspora: contesting identities. London, Routledge, 1996. 292 p.
- Bratt R.G.* Housing and family well-being // *Housing Studies*. 2002. Vol. 17. № 1. P. 13–26.
- Broberg A., Kyttä M., Fagerholm N.* Child-friendly urban structures: Bullerby revisited // *Journal of Environmental Psychology*. 2013. Vol. 35. P. 110–120. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.06.001>.
- Brosius E.C.* The Dark Triad of Personality: A Discussion of the Moral and Evolutionary Implications [Электронный ресурс] // *Student research*. 2017. URL: <http://scholarship.depauw.edu/studentresearch/62> (дата обращения: 16.07.2018).
- Broto V., Carter C., Elghali L., Burningham K.* Stigma and attachment: performance of identity in an environmentally degraded place // *Society and Natural Resources*. 2010. Vol. 23. № 10. P. 952–968.
- Brown B.B., Perkins D., Brown G.* Place attachment in a revitalizing neighborhood: individual and block levels of analysis // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. № 23. P. 259–271.
- Brunswik E.* Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956. 256 p.
- Burke R.* Invitation or Invasion? The ‘family home’ metaphor in the Australian media’s construction of immigration // *Journal of Intercultural Studies*. 2002. Vol. 23. № 1. P. 59–72.
- Burns L.* Self-help housing: an evaluation of outcomes // *Urban Studies*. 1983. Vol. 20. № 3. P. 299–309.
- Cantó-Milà N.* Gratitude – invisibly webbing society together // *Journal of classical sociology*. 2012. Vol. 13. № 1. P. 8–19. Doi: [10.1177/1468795X12461409](https://doi.org/10.1177/1468795X12461409)
- Caplan L., Schooler C.* Socioeconomic status and financial coping strategies: The mediating role of perceived control // *Social Psychology Quarterly*. 2007. Vol. 70. P. 43–58.
- Carp F.M., Carp A.* A Complementary/congruence model of well-being or mental health for the community elderly // Vol. 7. *Elderly People and the Environment* / I. Altman, M.P. Lawton, J.F. Wohlwill (Eds.). Human Behavior and Environment. NY, London: Plenum Press, 1984. P. 279–336.
- Case D.* Contributions of journeys away to the definition of home: An empirical study of a dialectical process // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. № 16. P. 1–15. Doi: doi.org/10.1006/jevp.1996.0001
- Cassidy T.* Environmental psychology: Behavior and Experience in Context. Hove, UK: Psychology Press, 1997. 287 p.
- Cauce A.M., Domenech-Rodriguez M.* Latino families: Myths and realities / J.M. Contreras, K.A. Kerns, A. Neal-Barnett (Eds.). Latino children and families in the United States: Current research and future direction. NY: Praeger, 2002. P. 3–25..

- Chemero A.* An outline of a theory of affordances // *Ecological Psychology*. 2003. № 15. P. 181–195. Doi: 10.1207/S15326969ECO1502_5.
- Chemero A.* *Radical Embodied Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 252 p.
- Cieraad I.* Homes from home: memories and projections // *Home Cultures*. 2010. Vol. 7. № 1. P. 85–102.
- Clark W.A.V., Deurloo M.C., Dieleman F.M.* Residential mobility and neighbourhood outcomes // *Housing Studies*. 2006. № 21. P. 323–342.
- Clayton S., Opatow S.* Justice and identity: Changing perspectives on what is fair // *Personality and social psychology review*. 2003. Vol. 7. № 4. P. 298–310.
- Compas B.E., Connor-Smith J.K., Saltzman H., Thomsen A.H., Wadsworth M.E.* Coping with stress during childhood and adolescence: Problems, progress, and potential in theory and research // *Psychological Bulletin*. 2001. Vol. 127. P. 87–127.
- Coolen H.* The meaning of dwellings: an ecological perspective // *Housing, Theory and Society*. 2006. № 23. P. 185–201.
- Cooper M.C.* *House as a mirror of self: Exploring the deeper meaning of home*. Berkeley, CA: Conari Press, 1995. 320 p.
- Coyle A., Rafalin D.* Jewish gay men's accounts of negotiating cultural, religious, and sexual identity: A qualitative study // *Journal of Psychology Human Sexuality*. 2000. Vol. 12. № 4. P. 21–48.
- Csikszentmihalyi M., Halton E.* *The meaning of things: Domestic symbols and the self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 304 p.
- Cummings E.M., Davies P.T., Simpson K.S.* Marital conflict, gender, and children's appraisals and coping efficacy as mediators of child adjustment // *Journal of Family Psychology*. 1994. Vol. 8. № 2. P. 141–149.
- Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. № 2. P. 79–98.
- Dalbert C., Donat M.* Belief in a just world / J.D. Wright (Ed.). *International Encyclopedia of the Social Behavioral Sciences*. 2nd ed. 2015. Vol. 2. Oxford, UK: Elsevier. P. 488–492. Doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.24043-9
- De Roo M.L., Miccinesi G., Onwuteaka-Philipsen B.D., Van Den Noortgate N. et al.* Actual and preferred place of death of home-dwelling patients in four European countries: making sense of quality indicators [Электронный ресурс] // *PLOS ONE*. 2014. Vol. 9. № 4. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0093762> (дата обращения: 16.07.2018).
- Dowling R.* Gender, class and home ownership: placing the connections // *Housing Studies*. 1998. № 13. P. 471–486.
- Dyall L., Hawke Z., Herd R. Nahi P.* Housework metaphor for gambling public health action: An indigenous perspective // *International Journal of Mental Health Addiction*. 2012. № 10. P. 737–747.

- Dyck I., Kontos P., Angus J., McKeever P.* The home as a site for long-term care: meanings and management of bodies and spaces // *Health Place*. 2005. Vol. 11. № 2. P. 173–185.
- Dyck I., O'Brien P.* Thinking about environment: incorporating geographies of disability into rehabilitation science. *The Canadian Geographer*. 2003. Vol. 47. № 4. P. 400–413.
- Easthope H.* A place called home // *Housing, theory and society*. 2004. Vol. 21. № 3. P. 128–138.
- Eaton R.J., Bradley G.* The role of gender and negative affectivity in stressor appraisal and coping selection // *International Journal of Stress Management*. 2008. № 15. P. 94–115.
- Edwards J.R., Caplan R.D., Harrison R.V.* Person–environment fit theory: conceptual foundations, empirical evidence, and directions for future research // C.L. Cooper (Ed.). *Theories of organizational stress*. NY: Oxford University Press, 1998. P. 28–67.
- Elprama S.* Relation between privacy and place attachment in student housing: Master thesis. Eindhovenm University of Technology, 2011. 63 p.
- Elsbree L.* The rituals of life: Patterns in narrative. NY: Kenykat, 1982. 145 p.
- Emmons R., McCullough M.* Counting blessings versus burdens: an experimental investigation of gratitude and subjective well-being in daily life // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Vol. 84. № 2. P. 377–389.
- Farber N., Shinkle D., Lynott J., Fox-Grage W., Harrell R.* Aging in place: a state survey of livability policies and practices (A research report by the National Conference of State Legislatures and the AARP Public Policy Institute) [Электронный ресурс]. Washington, DC: AARP Public Policy Institute, 2011. 68 p. URL: <http://www.ncsl.org/documents/transportation/aging-in-place-2011.pdf> (дата обращения: 16.07.2018).
- Feifel H., Strack S.* Coping with conflict situations: Middle-aged and elderly men // *Psychology and Aging*. 1989. Vol. 4. № 1. P. 26–33.
- Folkman S., Lazarus R.S.* Coping as a mediator of emotion // *Journal of Personal and Social Psychology*. 1998. Vol. 54. P. 466–475.
- Folkman S., Lazarus R.S., Pimley S., Novacek J.* Age differences in stress and coping processes // *Psychology and Aging*. 1987. Vol. 2. P. 171–184.
- Folkman S., Moskowitz J.T.* Stress, positive emotion, and coping // *Current Directions in Psychological Science*. 2000. Vol. 9. № 4. P. 115–118.
- Fortier A.* Making Home: Queer Migrations and Motions of Attachment / S. Ahmed, C. Castañeda, A. Fortier, M. Sheller (Eds.). *Uprootings/Regroundings. Questions of Home and Migration*. Oxford: Berg, 2003. P. 115–136.
- Fredrickson B.L.* Gratitude, like other positive emotions, broadens and builds / R.A. Emmons, M.E. McCullough (Eds.). *The psychology of gratitude*. NY: Oxford University Press. P. 145–166. Doi: 10.1093/acprof:oso/9780195150100.003.0008

- Fredrickson B.L.* The Broaden-And-Build Theory of positive emotions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B // Biological Sciences*. 2004. Vol. 359. P. 1367–1377.
- Fried M.* Residential attachment: Sources of residential and community satisfaction // *Journal of Social Issues*. 1982. № 38. P. 107–119.
- Froh J.J., Fan J., Emmons R.A., Bono G., Huebner E.S., Watkins P.* Measuring gratitude in youth: Assessing the psychometric properties of adult gratitude scales in children and adolescents // *Psychological assessment*. 2011. Vol. 23. № 2. P. 311.
- Frydenberg E.* Coping Competencies // *Theory into Practice*. 2004. Vol. 43. № 1. P. 14–22.
- Gibson J.J.* The ecological approach to visual perception. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. 348 p.
- Gifford R.* Environmental psychology. Principles and practice. Canada: Optimal books, 2002. 535 p.
- Gifford R., Scannell L., Kormos C., Smolova L., Biel A., Boncu S., Uzzell D.* Temporal pessimism and spatial optimism in environmental assessments: An 18-nation study // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. P. 1–12.
- Giuliani M.V.* Theory of attachment and place attachment / M. Bonnes, T. Lee, M. Bonaiuto (Eds.) *Psychological Theories for Environmental Issues*. Hants: Ashgate Publishing Limited, 2003. P. 137–170.
- Gold J.R.* An introduction to behavioral geography. Oxford: Oxford University Press, 1980. 290 p.
- Gosling S.D., Ko S.J., Mannarelli T., Morris M.E.* A room with a cue: personality judgments based on offices and bedrooms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 3. P. 379–398. Doi: 10.1037//0022-3514.82.3.379
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S.P., Ditto P.H.* Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2012. № 47. P. 55–130.
- Graham J., Haidt J., Nosek B.A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. № 5. P. 1029–1046.
- Gram-Hanssen K., Bech-Danielsen C.* Home dissolution: What happens after separating? // *Housing Studies*. 2008. Vol. 23. № 3. P. 507–522.
- Graumann C.F.* Aneignung [Appropriation] / L. Kruse, C.F. Graumann, E.O. Lantermann (Eds.). *Ökologische Psychologie: Ein Handbuch Schlüsselbegriffen*. Weinheim, Germany: Psychologie, 1996. P. 124–130.
- Graumann C.F.* The phenomenological approach to people-environment studies / R. Bechtel, A. Churchman (Eds.). *Handbook of environmental psychology*. 2002. Vol. 5. P. 95–113.
- Grinyer A., Thomas C.* The importance of place of death in young adults with terminal cancer // *Mortality*. 2004. Vol. 9. № 2. P. 114–131.

- Gurney C.M.* Half of me was satisfied: making sense of home through episodic ethnographies // *Women's studies international forum*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 373–386.
- Hachaturova M.* Personality types of coping behaviour in an interpersonal conflict // *The International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*. 2013. № 7. P. 61–73.
- Hall S.M.* Moral geographies of family: articulating, forming and transmitting moralities in everyday life // *Social Cultural Geography*. 2016. Vol. 17. № 8. P. 1017–1039..
- Hay R.* Sense of place in developmental context // *Journal of Environmental Psychology*. 1998. Vol. 18. P. 5–29.
- Health Care in Canada. A Focus on Wait Times (Report) [Электронный ресурс]. Ottawa, Canadian Institute for Health Information, 2012. 88 p. URL: https://secure.cihi.ca/free_products/HCIC2012-Full-Report-ENweb.pdf (дата обращения: 26.06.2017).
- Heft H.* Affordances, dynamic experience, and the challenge of reification // *Ecological Psychology*. 2003. Vol. 15. P. 149–180.
- Heidegger M.* Building, dwelling, thinking // *Poetry, language and thought*. NY: Colophon Book, 1971. P. 145–161.
- Heim E.* Coping and psychosocial adaptation // *Journal of Mental Health Counseling*. 1988. Vol. 10. P. 136–144.
- Heiman T.* Parents with children with disabilities: resilience, coping, and future expectations // *Journal of Developmental and Physical Disabilities*. 2002. Vol. 14. P. 159–171.
- Heywood F., Oldman C., Means R.* Housing and home in later life. Buckingham: Oxford University Press, 2002. 226 p.
- Hobfoll S.E., Halbesleben J., Neveu J.-P., Westman M.* Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018. Vol. 5. Iss. 1. P. 103–128.
- Hobfoll S.E., Lerman M.* Personal relationships, personal attitudes, and stress resistance: mother's reactions to the child's illness // *American Journal of Community Psychology*. 1988. Vol. 16. № 4. P. 565–589.
- Holahan C.J., Moos R.H.* Personal and contextual determinants of coping strategies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52. № 5. P. 946–955.
- Holmes T.H., Rahe R.H.* The social readjustment rating scale // *Journal of psychosomatic research*. 1967. Vol. 11. Iss. 2. P. 213–218.
- Holzkamp K.* Wissenschaftstheoretische Voraussetzungen kritisch-emanzipatorischer Psychologie // *Zeitschrift für Sozialpsychologie*. 1970. Bd. 1. S. 109–141.
- Hooper D., Coughlan J., Mullen M.* Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit // *Electronic Journal on Business Research Methods*. 2008. Vol. 6. № 1. P. 53–60.

- Horelli L.* Constructing a theoretical framework for environmental child-friendliness // *Children, Youth and Environments*. 2007. Vol. 17. № 4. P. 267–292.
- Husserl E.* The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Evanston: Northwestern University Press, 1970. 405 p.
- Ibrahim S.* A binary model of broken home: Parental death-divorce hypothesis of male juvenile delinquency in Nigeria and Ghana // *Contemporary Perspectives in Family Research*. 2015. Vol. 9. P. 311–340.
- İmamoğlu O., Küller R., İmamoğlu V., Küller M.* The social psychological worlds of Swedes and Turks in and around retirement // *Journal of Cross Cultural Psychology*. 1993. Vol. 24. № 1. P. 26–41.
- Ingold T.* The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. NY: Taylor Francis, 2002. 465 p.
- Janoff-Bulman R., Carnes N.C.* Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236.
- Jordan K., Alvarado J., Braley R., Williams L.* Family Preservation through Home-Based Family Therapy: An Overview // *Journal of Family Psychotherapy*. 2001. Vol. 12. № 3. P. 31–44.
- Jorgensen B.S., Stedman R.* Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitude towards their properties // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. № 21. P. 233–248.
- Kahana E., Lovegreen L., Kahana B., Kahana M.* Person, environment, and person-environment fit as influences on residential satisfaction of elders // *Environmental Behaviour*. 2003. Vol. 35. № 3. P. 434–453.
- Kankotan Z.* The Role of Attachment dimensions, relationship status and gender in the components of subjective well-being. Graduate School of Social Sciences. Ankara: METU, 2008. 70 p.
- Kaufmann J.-C.* La trame conjugale. Analyse du couple par son linge. Paris: Nathan, 1992. 257 p.
- Khachaturova M.R., Nartova-Bochaver S.K.* The home environment as a resource of coping behaviour in youth // *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2017. Vol. 14. № 3. P. 555–566. Doi: 10.17323/1813-8918-2017-3-555-566.
- Kilinc M.* Institutional environment and place attachment as determinants of elders' life satisfaction (A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University) [Электронный ресурс]. Ankara: METU, 2006. 80 p. URL: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12607070/index.pdf> (дата обращения: 16.07.2017).
- Kliewer W., Parrish K.A., Taylor K.W., Jackson K., Walker J.M., Shivy V.A.* Socialization of coping with community violence: Influences of caregiver coaching, modeling, and family context // *Child Development*. 2006. Vol. 77. № 3. P. 605–623.
- Kohlberg L.* The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. № 18. P. 630–646. doi:10.2307/2025030

- Korosec-Serfaty P.* Experience and use of the dwelling / I. Altman et al. (Eds.). Home Environments. Boston, MA: Springer. 1985. P. 65–86.
- Kull K.* Jakob von Uexkuell: An introduction // *Semiotica*. 2001. Vol. 134. № 1. P. 1–59.
- Kuller R.* Architecture and emotions / B. Mikellides (Ed.). Architecture and people. London, Studio Vista, 1980. P. 97–100.
- Kuppens P., Champagne D., Tuerlinckx F.* The dynamic interplay between appraisal and core affect in daily life // *Frontiers in Psychology*. 2012. № 3. P. 1–8. Doi: <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00380>
- Lambert N.M., Fincham F.D., Stillman T.F., Dean L.R.* More gratitude, less materialism: The mediating role of life satisfaction // *The Journal of Positive Psychology*. 2009. Vol. 4. № 1. P. 32–42.
- Lang A.* Non-Cartesian artefacts in dwelling activities: Steps towards a semiotic ecology // *Schweizerische Zeitschrift für Psychologie*. 1993. Vol. 52. № 2. P. 138–147.
- Lawton M.P.* Environmental taxonomy: generalizations from research with older adults / S.L. Friedman, T.D. Wachs (Eds.). Measuring environment across the life span. Washington, DC: American Psychological Association, 1999. P. 91–124.
- Lawton M.P.* Three functions of the residential environment // *Journal of housing for the elderly*. 1989. Vol. 5. № 1. P. 35–50.
- Lawton M.P., Nahemow L.* Ecology and the aging process / C. Eisdorfer, M.P. Lawton (Eds.) Psychology of adult development and aging. Washington, DC: American Psychological Association, 1973. P. 619–674.
- Lay C., Fairlie P., Jackson S., Ricci T., Eisenberg J., Sato T., Teeaar A., Melamud A.* Domain-specific allocentrism-idiocentrism: A measure of family connectedness // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29. P. 434–460.
- Lazarus R.S.* Coping theory and research: Past, present and future // *Psychosomatic Medicine*. 1993. Vol. 55. P. 237–247.
- Lazarus R.S., Folkman S.* Manual for ways of coping questionnaire. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1988. 125 p.
- Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. 445 p.
- Lehr U., Thomae H.* Alltagspsychologie: Aufgaben, Methoden, Ergebnisse. Darmstadt, 1991. 252 p.
- Lercher P., Evans G.W., Meis M., Kofler W.W.* Ambient neighborhood noise and children's mental health // *Occupational and Environmental Medicine*. 2002. Vol. 59. P. 380–386.
- Lerner M.J.* The belief in a just world: A Fundamental Delusion. NY: Plenum, 1980. 210 p.
- Levy D., Murphy L., Lee C.K.* Influences and Emotions: Exploring Family Decision-making Processes when Buying a House // *Housing Studies*. 2008. Vol. 23. № 2. P. 271–289.

- Lewicka M.* Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // *Journal of Environmental Psychology*. 2011. Vol. 31. P. 207–230.
- Lewin J.E., Sager J.K.* Salesperson burnout: A test of the coping-meditational model of social support // *Journal of personal selling and sales management*. 2008. Vol. 28. P. 233–246.
- Lipkus I., Bissonnette V.L.* Relationships among belief in a just world, willingness to accommodate, and marital well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 10. P. 1043–1056.
- Low S., Altman I.* Place Attachment: a conceptual inquiry / I. Altman, S. Low (Eds.). *Place Attachment*. NY: Plenum Press, 1992. P. 1–12.
- Lugo Steidel A.G., Contreras J.M.* A New familism scale for use with Latino populations // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2003. Vol. 25. № 3. P. 312–330.
- Luzia K.* Travelling in your backyard: the unfamiliar places of parenting // *Social Cultural Geography*. 2010. Vol. 11. № 4. P. 359–375.
- Maddi S.R.* The personality construct of hardiness: Effects on experiencing, coping, and strain // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 1999. Vol. 51. № 2. P. 83–94.
- Madigan R., Munro M., Smith S.* Gender and the meaning of home // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1990. № 14. P. 625–647.
- Maersk J.L., Cutchind M.P., la Coura K.* Identity and home: Understanding the experience of people with advanced cancer // *Health Place*. 2018. Vol. 51. P. 11–18.
- Magdol L.* Is moving gendered? The effects of residential mobility on the psychological well-being of men and women // *Sex Roles*. 2002. Vol. 47. № 11/12. P. 553–560.
- Manzo L.C.* Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. № 23. P. 47–61.
- Maslow A.H.* *Motivation and Personality*. NY: Longman, 1987. 293 p.
- Masters K.S., Wallston K.A.* Canonical correlation reveals important relations between health locus of control, coping, affect and values // *Wallston Journal of Health Psychology*. 2005. Vol. 10. P. 719–731.
- Mattlin J.A., Wethington E., Kessler R.C.* Situational determinants of coping and coping effectiveness // *Journal of Health and Social Behavior*. 1990. Vol. 31. № 1. P. 103–122.
- Mazumdar S., Mazumdar S.* Religion, immigration, and home making in diaspora: Hindu space in Southern California // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. № 2. P. 256–266. Doi: doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.07.004
- McCrae R.R.* Age differences and changes in the use of coping mechanisms // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 1989. Vol. 44. P. 161–169.

- Milligan C.* There's no place like home: place and care in an ageing society. Burlington, VT: Ashgate Publishers, 2009. 176 p.
- Montada L., Dalbert C., Schmitt M.* Ist prosoziales Handeln im Kontext Familie abhängig von situationalen, personalen oder systemischen Faktoren? // H.W. Bierhoff, L. Montada (Hrsg.). Altruismus. Bedingungen der Hilfsbereitschaft. Göttingen: Hogrefe, 1988. P. 179–205.
- Moore R.L., Graefe A.* Attachment to recreation settings: The case of rail-trail users // *Leisure Sciences*. 1994. № 16. P. 17–31.
- Moos R.H., Schaefer J.A.* Life transitions and crises / R.H. Moos (Ed.). Coping with life crises: An integrated approach. NY: Plenum Press, 1986. P. 3–28.
- Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. № 1. P. 11–22. Doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001
- Morley D.* Home Territories: Media, Mobility and Identity. London: Routledge, 2000. 340 p.
- Moser G.* Quality of life and sustainability: Toward person-environment congruity // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. № 3. P. 351–357.
- Muchow M., Muchow H.* Der Lebensraum des Grosstadtkindes. Bensheim, Germany: Riegel, 1980. 212 p.
- Mulder C.H., Ten Hengel B., Latten J., Das M.* Relative resources and moving from the joint home around divorce // *Journal of Housing and the Built Environment*. 2011. Vol. 27. № 2. P. 153–168.
- Mullen B., Felleman V.* Tripling in the dorms: A meta-analytic integration // *Basic and Applied Social Psychology*. 1990. Vol. 11. P. 33–43.
- Munro M.* Homo-economicus in the city: towards an urban socio-economic research agenda // *Urban Studies*. 1995. № 32. P. 1609–1621.
- Nakano K.* Coping strategies and psychological symptoms in Japanese samples // *Journal of Clinical Psychology*. 1991. Vol. 47. P. 57–63.
- Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rüprich C.* Russian adaptations of general and personal belief in a just world scales: Validation and psychometric properties // *Social Justice Research*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 61–84.
- Nartova-Bochaver S.K., Khachaturova M.R., Braginets E.I.* Home environment and family attitudes: how do they interrelate? // *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2018. № 3. В печати.
- Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B.* Friendly home and inhabitants' morality: mutual relationships // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 8. Article 2348. Doi: 10.3389/fpsyg.2017.02348
- Norris-Baker C., Scheidt R.J.* Place attachment among older residents of a "ghost town": A transactional approach / R. Selby, K. Antony, J. Choi, B. Orland (Eds.). Coming of age. Oklahoma City, Oklahoma: Environmental Design Research Association, 1990. P. 333–342.

- Olaru G., Witthoft M., Wilhelm O.* Methods matter: testing competing models for designing short-scale big-five assessments // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 59. P. 56–68.
- Oswald F., Schilling O., Wahl H.-W., Gäng K.* Trouble in paradise? Reasons to relocate and objective environmental changes among well-off older adults // *Journal of environmental psychology*. 2002. № 22. P. 273–288.
- Pedersen D.* Cross-validation of privacy factors // *Perceptual and Motor Skills*. 1982. Vol. 55. P. 57–58.
- Petrosky M.J., Birkimer J.C.* Conflict negotiation tactics in romantic relationships in high school students // *Journal of Youth and Adolescence*. 1998. Vol. 27. P. 127–133.
- Pinkster, F., Kempen R.* Leefstijlen en Woonmilieuvorkeuren. Utrecht: Urban and Regional Research Centre, Universiteit Utrecht, 2002. 64 p.
- Pretty G.H., Chipuer H., Bramston P.* Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. № 3. P. 273–287.
- Rakoff R.* Ideology in everyday life: the meaning of the house // *Politics and Society*. 1977. Vol. 7. № 1. P. 85–104.
- Rapoport A.* Thinking about home environments / I. Altman et al. (eds.). Home environments. Boston, MA: Springer, 1985. P. 255–286.
- Reiter M.D.* Utilizing the home environment in home-based family therapy // *Journal of Family Psychotherapy*. 2000. Vol. 11. № 3. P. 27–39.
- Ridgway P., Simpson A., Wittman F. Wheeler G.* Home making and community building: notes on empowerment and place // *Journal of Mental Health Administration*. 1994. Vol. 21. № 4. P. 407–418.
- Riggs E.H., Coyle A.* Young people's accounts of homelessness: A case study analysis of psychological well-being and identity // *Counselling Psychology Review*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 5–15.
- Rivlin L.G.* The significance of home and homelessness // *Marriage and Family review*. 1990. Vol. 15. P. 39–56.
- Robinson M.B., Robinson C.E.* Environmental characteristics associated with residential burglaries of student apartment complexes // *Environment and Behavior*. 1997. Vol. 29. № 5. P. 657–675.
- Roster C.A., Ferrari J.R., Jurkat M.P.* The dark side of home: Assessing possession 'clutter' on subjective well-being // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 32–41.
- Russell J.A.* Core affect and the psychological construction of emotion // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110. № 1. P. 145–172.
- Rye M.S., Loiacono D.M., Folck C.D., Olszewski B.T., Heim T.A., Madia B.P.* Evaluation of the psychometric properties of two forgiveness scales // *Current Psychology*. 2001. Vol. 20. № 3. P. 260–277.
- Saegert S.* The role of housing in the experience of dwelling / I. Altman et al. (Eds.). Home Environments. Boston, MA: Springer, 1985. P. 287–309.

- Scannell L., Gifford R.* Defining place attachment: A tripartite organizing framework // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. № 30. P. 1–10.
- Schiffenbauer A., Brown J., Perry P., Shulack L., Zanzola A.* The relationship between density and crowding: Some architectural modifiers // *Environment and Behavior*. 1977. Vol. 9. P. 3–14.
- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. Vol. 21. P. 202–211.
- Schumacker R.E., Lomax R.G.* A beginner's guide to structural equation modeling, Second edition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 513 p.
- Seiffge-Krenke I., Aunola K., Nurmi J.E* Changes in stress perception and coping during adolescence: The role of situational and personal factors // *Child Development*. 2009. Vol. 80. № 1. P. 259–279.
- Seligman M.E.* Learned Optimism. New South Wales: Random House Australia, 1992. 426 p.
- Sherman E., Dacher J.* Cherished objects and the home: their meaning and roles in later life / G. Rowles, H. Chaudhury (Eds.). *Home and Identity in Late Life*. Heidelberg, Germany: Springer Publishing Company, 2005. P. 63–81.
- Shumaker S., Conti G.* Understanding mobility in America: Conflicts between stability and change / I. Altman et al. (Eds.). *Home environments*. Boston, MA: Springer, 1985. P. 237–254.
- Shumaker S., Taylor R.* Toward a clarification of people-place relationships: A model of attachment to place / N. Feimer, E. Geller (Eds.). *Environmental Psychology: Directions and perspectives*. NY: Praeger, 1983. P. 19–25.
- Simmel A.* Privacy is not an isolated freedom // J. Pennock, J. Chapman (Eds.). *Privacy*. NY, Atherton Press, 1971. P. 71–87.
- Sixsmith J.* The meaning of home: An exploratory study of environmental experience // *Journal of Environmental Psychology*. 1986. Vol. 66. P. 281–298.
- Skinner E.A., Edge K.* Parenting, motivation, and the development of coping. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. P. 77–143.
- Smith D.M.* Moral geographies ethics in a world of difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 244 p.
- Stokols D.* Environmental psychology // *Annual Review of Psychology*. 1978. Vol. 29. P. 253–295.
- Tamm M.* What does a home mean and when does it cease to be a home? // *Disability and Rehabilitation*. 1999. Vol. 21. P. 49–55.
- Tamres L.K., Janicki D., Helgeson V.S* Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review and an examination of relative coping // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Vol. 6. P. 2–30.

- Tanner B., Tilse C., de Jonge D.* Restoring and sustaining home: the impact of home modifications on the meaning of home for older people // *Journal of Housing for the Elderly*. 2008. Vol. 22. P. 195–215.
- Taylor R.* Human territorial functioning: An empirical, evolutionary perspective on individual and small group territorial cognitions, behaviors and consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 380 p.
- Taylor S.E.* Stimulus estimation and the over prediction of fear: a comment on two studies // *Behaviour Research and Therapy*. 1995. Vol. 33. № 6. P. 699–700.
- Taylor S.E., Stanton A.L.* Coping resources, coping processes, and mental health // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2007. Vol. 3. P. 377–401.
- The King's Fund. Is your care home dementia friendly? EHE Environmental Assessment Tool. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kingsfund.org.uk/sites/default/files/field/field_pdf/is-your-care-home-dementia-friendly-ehe-tool-kingsfund-mar13.pdf (дата обращения: 16.07.2018).
- The Oxford handbook of environmental and conservation psychology* / S.D. Clayton (Ed.). NY: Oxford University Press, 2012. 873 p.
- Thomas C.J., Turner M., Payne S.A., Milligan C., Brearley S.G., Seamark D., Wang X. Blake S.* Family carers' experiences of coping with the deaths of adults in home settings: A narrative analysis of carers' relevant background worries // *Palliative Medicine*. 2018. Vol. 32. № 5. P. 950–959.
- Thompson L. Y., Snyder C.R., Hoffman L., Michael S.T., Rasmussen H.N., Billings L.S., Roberts D.E.* Dispositional forgiveness of self, others, and situations // *Journal of Personality*. 2005. Vol. 73. № 2. P. 313–360.
- Tognoli J.* Residential environments // *Handbook of Environmental psychology*. 1980. Vol. 1. P. 655–690.
- Tuan Y.-F.* Rootedness versus sense of place // *Landscape*. 1980. Vol. 24. P. 3–8.
- Tuan Y.-F.* Space and place: the perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. 496 p.
- Türel A.* Housing and housing industry in Mersin. Paper presented at the 31st Annual IUFA Conference: The Problems of Urban Growth: Preserving While Developing. Mersin, Turkey, 2001.
- Twigger-Ross C. L., Uzzell D. L.* Attachment and identity as related to place and perceived climate // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. № 25. P. 207–218.
- Wallerstein J., Blakeslee S.* Second chances: Men, women, and children a decade after divorce. NY: Ticknor and Fields, 1989. 352 p.
- Walsh K.* British Expatriate Belongings: Mobile Homes and Transnational Homing // *Home Cultures*. 2006. Vol. 3. № 2. P. 123–144.
- Watkins P.C., Woodward K., Stone T., Kolts R.L.* Gratitude and happiness: Development of a measure of gratitude, and relationships with subjec-

- tive well-being // *Social Behavior and Personality: an international journal*. 2003. Vol. 31. № 5. P. 431–451.
- Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. 2003. Vol. 16. № 2. P. 133–153.
- Weitzman L.J. The divorce revolution: The unexpected social and economic consequences for women and children in America. NY: The Free Press, 1985. 504 p.
- Williams D.R., Stewart S. Sense of place: an elusive concept that is finding a home in ecosystem management // *Journal of Forestry*. 1998. Vol. 96. № 5. P. 18–23.
- Williams D.R., Vaske J.J. The measurement of place attachment: Validity and generalizability of a psychometric approach // *Forest Science*. 2003. Vol. 49. №6. P. 830–840.
- Wilson N.N., Sailor J.L., Calix S.I., Carney W. Leaving Home for African Americans in the Emerging Adulthood Era: A Phenomenological Study // *The Qualitative Report*. 2017. Vol. 22. № 2. P. 527–541.
- Wood A.M., Froh J.J., Geraghty A.W. Gratitude and well-being: A review and theoretical integration // *Clinical Psychology Review*. 2010. Vol. 30. № 7. P. 890–905.
- Wood A.M., Joseph S., Linley P.A. Coping style as a psychological resource of grateful people // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2007. № 26. P. 1108–1125..
- Wood A.M., Maltby J., Stewart N., Linley P.A., Joseph S. A social-cognitive model of trait and state levels of gratitude // *Emotion*. 2008. № 8. P. 281–290.
- World Health Organization. Global age-friendly cities project [Электронный ресурс]. 2007. URL: www.who.int/ageing/age_friendly_cities_network (дата обращения: 16.07.2018).
- Wright P.A., Bret K. Housing environment and mental health outcomes: A levels of analysis perspective // *Journal of Environmental Psychology*. 2007. № 27. P. 79–89. Doi: doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.12.001
- Xu M., de Bakke, M., Strijke, D., Wu H. Effects of distance from home to campus on undergraduate place attachment and university experience in China // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. №43. P. 95–104. Doi: doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.05.013
- Yantzi N.M., Rosenberg M.W. The contested meanings of home for women caring for children with long-term care needs in Ontario, Canada // *Gender, Place and Culture*. 2008. Vol. 15. P. 301–315.
- Yantzi N.M., Rosenberg M.W., McKeever P. Getting out of the house: the challenges mothers face when their children have long-term care needs // *Health Social Care in the Community*. 2006. Vol. 15. №1. P. 45–55.
- Zartler U., Grillenberger K. Doubled Homes – Doubled Social Ties? Children’s Relationships in Post-Divorce Shared Residence Arrangements // *Children Society*. 2016. Vol. 31. № 2. P. 144–156.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КРАТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА РЕЛЕВАНТНОСТЬ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ (РДС-к)*

Инструкция. В данном опроснике речь идет о том месте (квартире, доме, комнате), где вы живете. Пожалуйста, выразите меру своего согласия с каждым утверждением. Оцените степень своего согласия / несогласия с каждым из утверждений, используя пятибалльную шкалу.

Новый номер	Старый номер	Шкала	Утверждение	не относится ко мне вообще	скорее нет, чем да	трудно ответить	скорее да, чем нет	полностью относится ко мне
				1	2	3	4	5
1	1	Пластичность	Мой дом меняется вместе со мной					
2	5	Ресурсность	Дома я чувствую себя самим собой					
3	8	Самопрезентация	Мой дом может «рассказать» гостю о моих победах и увлечениях					
4	12	Приватность	Дома у меня есть место и время побыть с самим собой наедине					
5	16	Самопрезентация	Мой дом – проявление моей личности					
6	22	Пластичность	При желании в моем доме легко все перестроить и переделать					
7	28	Ресурсность	Дома я чувствую себя хозяином					
8	31	Приватность	Перемещаясь по дому, я не мешаю другим его обитателям					
9	32	Пластичность	Если захочется, в моем доме легко передвинуть мебель и поменяться комнатами					

* Для получения электронных ключей опросника обращайтесь к авторам (s-nartova@yandex.ru).

10	36	Отчужденность	В плохом настроении или после неудачного дня я стараюсь подольше не возвращаться домой						
11	38	Приватность	Моими средствами гигиены никто не пользуется без разрешения						
12	43	Отчужденность	Дома многое отвлекает, и трудно организовать завтрашний день						
13	49	Ресурсность	Дома я хорошо отдыхаю и быстро выздоравливаю						
14	59	Пластичность	Я могу изменять дома все, что захочу						
15	61	Пластичность	Я предпочитаю сам(а) продумывать интерьер своего дома, а не приглашать чужих специалистов						
16	64	Историчность	Стены моего дома напоминают мне о многих событиях прошлого						
17	65	Приватность	Дом – это место, где можно ничего не делать						
18	67	Отчужденность	Дома мне трудно найти вдохновение и собраться с силами						
19	69	Историчность	В моем доме много вещей, напоминающих мне о родных						
20	70	Самопрезентация	Мне нравится, что мой дом не такой, как у всех						
21	72	Отчужденность	Я редко занимаюсь дома тем, что люблю (спорт, музыка, танцы, рукоделие и пр.)						
22	74	Историчность	Мой дом – это место, которое напоминает мне о детстве						
23	77	Эргономичность	Мне нравится, что у меня дома для каждого занятия предусмотрено свое место						
24	78	Ресурсность	Все меняется, но мой дом остается домом						
25	80	Приватность	Дома я могу выбирать, чем хочу заняться в конкретный момент						
26	81	Самопрезентация	У меня дома есть на что посмотреть						
27	83	Самопрезентация	Для меня важно, что в моем доме всегда найдется, чем удивить гостей						
28	92	Историчность	Мой дом – это то место, где я живу с детства						
29	93	Отчужденность	Мой дом кажется мне слишком пустым						

ПРИЛОЖЕНИЕ I

30	94	Историчность	В моем доме я пережил(а) много важных событий					
31	98	Ресурсность	Мой дом дает чувство постоянства					
32	99	Эргономичность	В моем доме удобно жить, вести хозяйство, отдыхать					
33	101	Эргономичность	У меня дома нет плохо сделанных вещей					
34	105	Эргономичность	В моем доме всегда чистота и порядок					
35	106	Эргономичность	Мне нравится, что в моем доме много вещей, мебели и предметов интерьера					

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОПРОСНИК УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЬЕ (FAMILISM SCALE)

Инструкция. Прочитайте каждое утверждение и отметьте галочкой справа, в какой степени вы согласны с утверждением. Отвечайте быстро и честно.

№	Шкала	Утверждение					
			Совершенно не согласен	Не согласен	Трудно сказать	Согласен	Полностью согласен
	Поддержка	Человек должен жить неподалеку от родителей и регулярно проводить с ними время	0	1	2	3	4
	Поддержка	Стареющие родители должны жить со своими родными	0	1	2	3	4
	Поддержка	Человек должен помогать своим пожилым родителям, например, финансами или предоставляя свой дом	0	1	2	3	4
	Поддержка	Дети должны помогать родителям заботиться о младших братьях и сестрах, например помогать делать уроки и т.д.	0	1	2	3	4
	Поддержка	В случае необходимости человек должен полагаться на свою семью	0	1	2	3	4
	Поддержка	Человек всегда должен поддерживать дальних родственников, например тетю, дядю, родственников по браку, оказавшихся в нужде, даже если это требует жертв	0	1	2	3	4
	Связь с семьей	Человек должен очень уважать своих родителей, бабушек и дедушек, даже если их взгляды отличаются от его собственных	0	1	2	3	4
	Связь с семьей	Человек должен иметь общие занятия с близкими и дальними родственниками, например, есть, играть, куда-нибудь вместе ходить или что-то вместе делать	0	1	2	3	4
	Связь с семьей	Семья должна контролировать поведение детей до 18 лет	0	1	2	3	4
	Связь с семьей	Человек должен дорожить временем, проведенным с родными	0	1	2	3	4
	Связь с семьей	Дети должны помогать по дому без особых приглашений	0	1	2	3	4
	Честь	Дети до 18 лет должны отдавать почти весь свой заработок родителям	0	1	2	3	4

Приложение II

	Честь	Человек должен стыдиться, если опозорит имя семьи	0	1	2	3	4
	Честь	Дети должны жить со своими родителями, пока не заведут свою собственную семью	0	1	2	3	4
	Честь	Нужно защищать честь своей семьи, чего бы это ни стоило	0	1	2	3	4
	Подчинение	Нужно уважать старших братьев и сестер, даже если у них другие взгляды	0	1	2	3	4
	Подчинение	Нужно быть хорошим человеком ради своей семьи	0	1	2	3	4
	Подчинение	Дети должны слушаться своих родителей без возражений, даже если считают, что родители неправы	0	1	2	3	4

ОБ АВТОРАХ

Нартова-Бочавер Софья Кимовна – доктор психологических наук, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 320 научных и научно-популярных работ. Специалист в области индивидуальных различий, автор теории психологической суверенности. Круг профессиональных интересов – жизненные среды человека, позитивное функционирование личности, исследование психологических границ, прикладная психология.

Бочавер Александра Алексеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Область исследования – психология жизненного пути, жизненные траектории, подростковый возраст, психология интернета, психология среды.

Резниченко София Ивановна – кандидат психологических наук, научный редактор журнала «Клиническая и специальная психология»; эксперт практики «Психология здоровья» Института междисциплинарной медицины. Автор более 60 научных работ. Сфера научных интересов – психология жизненных сред, прикладная психология, клиническая психология, психометрика, организационная психология.

Хачатурова Милана Радионовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и экспериментальной психологии департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», академический директор аспирантской школы по психологии НИУ ВШЭ. Автор более 70 научных работ. Сфера научных интересов – социальная психология, психология конфликта, психология совладающего поведения, психология среды.

Научное издание

ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Корректор Л.И. Гордеева

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 05.10.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Петербург. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 14,7. Печ. л. 18,5
Тираж 300 экз. Заказ №